

МИНИСТЕРСТВО ОБРАЗОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
КУРГАНСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

**ЗАУРАЛЬЕ
В ПАНОРАМЕ
ВЕКОВ**

**МЕЖВУЗОВСКИЙ СБОРНИК
НАУЧНЫХ ТРУДОВ**

КУРГАН 2000

УДК 93/99 /571.1/ «-11000/19»

З 37

Печатается по решению научного совета Курганского государственного университета.

ЗАУРАЛЬЕ В ПАНОРАМЕ ВЕКОВ: Межвузовский сборник научных трудов. Изд-во Курганского гос. ун-та. Курган, 2000. 188 с.

В статьях сборника исследуются актуальные, слабо изученные проблемы археологии, топонимики, складывания административной, военной системы, возникновения и развития городов, товарного производства, купечества Зауралья, менталитета, религиозного сознания россиян, в том числе зауральцев. Авторами сборника выступают доктора, кандидаты исторических, философских наук вузов Кургана, Екатеринбургa, Новосибирска, коллеги, ученики, аспиранты В.В. Пундани.

Редакционная коллегия:

доктора исторических наук, профессора

О.Н. Вилков,

Г.Е. Корнилов (отв. редактор),

Т.С. Мамсик,

В.В. Пундани,

кандидаты исторических наук

А.Г. Битюков,

М.Ф. Ершов (зам. отв. редактора),

В.Д. Пузанов,

С.Н. Шилов (отв. секретарь),

кандидат философских наук Л.С. Приходько,

аспиранты Д.А. Кошкаров, А.Ю. Рудаков, Е.В. Турушев.

ISBN 5-86328-301-7

© Курганский
государственный
университет,
2000

*К 60-летию доктора исторических наук,
профессора кафедры истории России
Курганского государственного университета,
члена-корреспондента Академии военных наук
Валерия Владимировича ПУНДАНИ*

СТРАНИЦЫ ПРОЙДЕННОГО...

Я родился 15 января в предвоенном 1940 году в г. Кургане тогда Челябинской области Российской Федерации в семье служащих Пундани - отца Владимира Ивановича и матери Валентины Григорьевны. Детство не было радужным. Отец умер в 1942 г., старший брат Саша, будучи участником Великой Отечественной войны, получил в одном из боёв тяжёлое ранение и умер в госпитале на Украине в 1943 г. в возрасте 18 лет. Похоронен в деревне Черноглазовка Козельщинского района Полтавской области.

В 1957 г. окончил общеобразовательную и семилетнюю музыкальную школу по классу фортепьяно, поступил на историко-филологический факультет Курганского государственного педагогического института. Кроме учёбы любил спорт - лыжи, гири, штангу, велосипед, гимнастику, борьбу, стрельбу. Занимался фотографией. Активно начал собирать личную библиотеку, увлёкся коллекционированием монет, шахматами.

В 1962 г. окончил институт, начал работать телевизионным оператором (до весны 1974 г.) в комитете Курганского облисполкома по радиовещанию и телевидению. С 1969 по 1973 гг. учился заочно в аспирантуре при кафедре истории СССР Смоленского пединститута. Работать и учиться помогали спортивный бег, самбо и хатха-йога.

Всегда с чувством глубокой благодарности вспоминаю своих школьных и вузовских учителей - историков Н.В. Луцкую, А.А. Кондрашенкова, ставшего моим научным руководителем, Н.А. Лапина, В.В. Прусса, В.А. Горелова, А.С. Минского, З.А. Атласа, научивших нас, своих питомцев серьёзной, углублённой творческой работе с литературой, документами, первоисточниками, умению делать самостоятельные, обоснованные, обстоятельные выводы, вступать в полемику по сложным, дискуссионным проблемам истории. Глубокую любовь к русскому языку, литературе, устному народному творчеству, философии, к познанию их законов и тайн нам привили М.И. Корная, Р.П. Сысуева, П.А. Сергеев, М.Д. Янко, Н.П. Садовой, В.И. Котов, С.М. Шалютин. П.А. Сергеева вспоминаю ещё потому, что он обладал прекрасным голосом, замечательно пел на институтских вечерах романсы и арии из опер, а я ему аккомпанировал.

В 1973 г. защитил диссертацию на соискание учёной степени кандидата исторических наук по теме «Государственные крестьяне Тобольской губернии в конце XVIII - первой половине XIX в.» в Уральском госуниверситете им. А.М. Горького. К этой теме я подходил

будучи ещё студентом, когда в историческом кружке заинтересовался вопросами заселения и освоения русским народом Сибири. 1973 г. был примечателен ещё и тем, что меня приняли в члены Союза журналистов СССР.

В марте - августе 1974 г. работал ассистентом на кафедре архивоведения в Уральском государственном университете, где судьба свела меня с человеком редкой души и самобытного таланта, участником Великой Отечественной войны, доктором исторических наук, профессором А.Г. Козловым, автором около 500 научных и краеведческих работ, с профессором В.Я. Кривоноговым, с кандидатом исторических наук, доцентом Г.В. Яровым, готовившим докторскую диссертацию. С молодыми тогда преподавателями А.В. Черноуховым, В.И. Усановым, Э.А. Пензиным, Д.А. Шаталовым сложились и сохраняются хорошие творческие отношения. Они со временем стали кандидатами и докторами исторических наук.

С 1 сентября 1974 г. начал работать ассистентом на кафедре истории СССР Курганского пединститута, затем старшим преподавателем (1975 г.), доцентом (1980 г.), старшим научным сотрудником (1981-1983 гг.); с 1983 по 1987 гг. был заведующим этой кафедры. Интенсивно, напряжённо, стабильно работал преподавательский состав кафедры: Р.Н. Пономарёва, И.Е. Плотников, О.Е. Потанина, Е.И. Терещенко, Г.А. Прохорова, А.П. Григоров, Г.Г. Малютин. Со временем в этот коллектив влились более молодые кадры, О.Ю. Винниченко, Н.А. Чернецов.

В 1990 г. из кафедры истории СССР выделилась кафедра истории России досоветского периода, переименованная в 1991 г. в кафедру истории России. С того времени на кафедре, заведующим которой является доктор исторических наук, профессор Н.Ф. Емельянов, трудится очень сильный, работоспособный, творческий коллектив, состоящий из бывших выпускников вуза, аспирантов, ныне кандидатов исторических наук, доцентов В.А. Кислицына, В.В. Менщикова, Г.Г. Павлуцких, В.Г. Савельева, П.А. Свищёва.

Занимался всеми видами учебно-методической и научной работы. За время работы в пединституте (с 1995 г. – университете) разработал и читал курсы лекций по истории СССР - России с древнейших времён до 1861 г., затем по эпохе с 1861 по 1917 гг.; один год читал лекции по новейшей отечественной истории. Мною также был разработан и много лет читался курс по вспомогательным историческим дисциплинам - палеографии, хронологии, метрологии, нумизматике, геральдике, сфрагистике, генеалогии, исторической географии, спецкурс «История крестьянства Урала и Западной Сибири при феодализме». В 1984 г. издал учебное пособие по спецкурсу «Государ-

ственная деревня Западной Сибири во второй половине XVIII - первой половине XIX в.» для студентов - историков. В настоящее время читаю давно разработанный курс лекций по историографии истории России с древнейших времён до 1917 г. и новый курс лекций по исторической психологии. В свободное от работы время занимался боевым самбо у тренера- мастера спорта по классической и вольной борьбе Ю.А. Чаусова, а затем каратэ - в школе В.И.Степанова и Цой Мен Чера.

В течение многих лет руководил работой студенческого научного кружка «Военная история России». По данной тематике студентами кружка было написано и защищено несколько десятков курсовых и дипломных работ. В 70-х годах сам достаточно активно занялся военной тематикой. В учебном пособии для учащихся 7-10 классов школ Курганской области, изданном в 1975 г., мною были освещены страницы истории военных действий повстанцев Южного Зауралья против царских карательных войск под руководством Е.И. Пугачёва и его атаманов. Нашему краю в годы Великой Отечественной войны была посвящена написанная мной целая глава. Военная тематика до настоящего времени остаётся одним из важных направлений в моих научных поисках. В 1999 г. избран членом - корреспондентом Академии военных наук.

За время работы в вузе как автор, научный, редактор и рецензент подготовил к изданию 25 методических руководств для студентов - историков факультета (историко-филологического, исторического, историко-правоведческого), учёных, преподавателей вузов и школ, учащихся, краеведов Курганской области. В 1977 г. за отмеченные и другие виды учебно-методической и научной работы был награждён нагрудным значком «За творческий педагогический труд».

С 80-х годов занялся изучением истории уральской государственной деревни в хронологических рамках предреформенного столетия. В конечном итоге удалось провести сравнительно-исторический анализ социально-экономического и политического развития государственной деревни двух сопредельных, уникальных регионов - Урала и Западной Сибири, понять глубинные корни существования крестьянства не только на региональном уровне, но и в масштабах России в целом, а также и в общецивилизационном плане. Во многом осилить тему диссертации на соискание учёной степени доктора исторических наук «Государственная деревня Урала и Западной Сибири во второй половине XVIII - первой половине XIX в.» помогла интенсивная работа в государственных архивах Курганской, Челябинской, Свердловской, Оренбургской, Тюменской, Омской областей, в Российском государственном историческом архиве в Санкт-Петербурге, Россий-

ском государственном военно-историческом и Российском государственном архиве древних актов в Москве. Пришлось поработать с документами около 60 фондов названных архивохранилищ. В 1991 г. в Институте истории и археологии Уральского отделения Академии наук СССР докторская диссертация была защищена. В 1992 г. мне была присуждена учёная степень доктора исторических наук, а в 1993 г. присвоено учёное звание профессора.

В качестве ответственного исполнителя принимаю участие в госбюджетной научно-исследовательской работе. В 1992-1994 гг. руководил договорной научно-исследовательской работой 23 учёных, краеведов, сотрудников музеев и архивов Курганской области, подготовивших более 50 статей по истории нашего края. Они прошли конкурсный отбор редколлегии и были опубликованы в уникальной «Уральской исторической энциклопедии» в Екатеринбурге в 1998 г., в том числе и 4 мои статьи.

Среди основных направлений своих научных интересов кроме истории крестьянства и аграрных отношений в России, на Урале, в Западной Сибири, Южном Зауралье (современной Курганской области), в доиндустриальное время, военной истории отмечу ещё историю декабристского движения в России, материальную культуру населения Южного Зауралья, историю зауральских сёл и деревень, историю государственного архива Курганской области. В последнее время занялся изучением жизни и деятельности известных учёных, краеведов Урала, Южного Зауралья, публикацией материалов о них.

В общей сложности на сегодня опубликовал более 100 научных работ. В нынешнем 1999 г. увидела свет монография объёмом 17 печатных листов по истории государственных крестьян Урала и Западной Сибири во второй половине XVIII - первой половине XIX веков, внёсших главный вклад в заселение и освоение территории обоих регионов, создавших сотни сёл и деревень, существующих в наши дни, защищавших с оружием в руках Россию в годы войн от иноземных захватчиков. Большую помощь в издании этой книги, других работ по истории нашего края, в том числе таких, как «История земли Курганской с древнейших времён до начала 60-х гг. XIX в.» для учащихся V-VIII классов школ Курганской области, «Забвению не подлежит» (по материалам круглого стола, посвящённого декабристам на поселении в Кургане, в Сибири в целом), «Забывтый Курган» (А.М. Васильевой), ответственным редактором которых был я, оказал заместитель директора государственного издательско-полиграфического предприятия «Зауралье» Ф.Ю. Рабинович – «Заслуженный работник культуры Российской Федерации».

Участвовал в работе 29 симпозиумов, конференций, истори-

ческих школ, на которых выступал с докладами, посвящёнными актуальным проблемам отечественной истории, методологии, историографии, исторической психологии. В качестве сопредседателя руководил работой секций на XXIII, XXIV, XXV сессиях симпозиума по изучению проблем аграрной истории в Свердловске, Москве, Арзамасе. На этих форумах познакомился со многими ведущими историками страны: Л.В. Миловым, И.Д. Ковальченко, А.А. Преображенским, П.Г. Рындзюнским, П.А. Колесниковым, А.И. Комиссаренко, Д.И. Будаевым, Г.Т. Рябковым, Л.Г. Захаровой, Л.Р. Горлановым, П.С. Кабытовым, Б.Г. Литваком, С.О. Шмидтом, Е.И. Индовой, М.М. Громыко, Р.Г. Скрынниковым, О.Н. Вилковым, Л.М. Горюшкиным, Н.А. Миненко, А.Т. Топчием, Т.С. Мамсик и др.

В домашней библиотеке, насчитывающей около 5 тысяч томов, имею немало книг названных учёных с их автографами - добрыми пожеланиями. На полках стеллажей живут словари, энциклопедии, справочники, историческая, художественная литература, поэзия, устное народное творчество, труды археологов, этнографов, ботаников, биологов, философов, йогов, китайских, тибетских, индийских, среднеазиатских медиков, путешественников... Кстати, в 1996 г. избран действительным членом Русского географического общества.

С целью популяризации научных знаний, в том числе по истории Курганской области, выступаю по радио и телевидению, публикуюсь в местной и центральной прессе, в журналах «Уральский следопыт», «Рифей», «Наука и образования Зауралья»

С 1992 г. стал научным руководителем аспирантов при кафедре истории России; трое из них - М.Ф. Ершов, С.Н. Шилов, А.Г. Битюков успешно защитились, четверо - О.Ю. Бабушкина, Д.А. Кошкарлов, А.Ю. Рудаков, Е.В. Турушев учатся. Заместитель председателя диссертационного совета по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата исторических наук и член диссертационного совета по защите диссертаций на соискание учёной степени кандидата педагогических наук.

Являюсь членом Научного Совета по аграрной истории при Отделении истории Российской Академии наук.

За цикл краеведческих работ в 1990-1994 гг. награждён поощрительной премией в сфере науки и техники Главой Администрации Курганской области. Стал лауреатом премии Главы Администрации Курганской области в сфере науки и техники за 1997 г. за учебное пособие для учащихся V-VIII классов школ Курганской области «История земли Курганской с древнейших времён до начала 60-х гг. XIX в.»

... Пять веков назад известный тверской купец и путешествен-

ник А. Никитин написал книгу «Хождение за три моря». В ней он поделился с соотечественниками воспоминаниями и размышлениями о своём вояже в страны Востока и назад на Русь через Каспийское, Аравийское и Чёрное моря. Я тоже побывал на берегах Каспийского, Чёрного, Балтийского морей, и даже славного священного Байкала. Был гостем 54 городов России, Украины, Белоруссии, Башкортостана, Казахстана, Узбекистана, Грузии, Дагестана, Латвии, Эстонии, 8 городов Польши и Чехословакии. Был там у родственников, друзей, в командировках, на конференциях, симпозиумах, туристом.

Прошел и проехал Приполярный, Северный, Средний, Южный Урал, Южное Зауралье, Западную Сибирь, взглянуть на них с высоты птичьего полёта.

Встретил на жизненном пути много замечательных людей от простого рабочего, крестьянина, рыбака, охотника до академика. Возможно, когда-нибудь у меня окажется время, когда я смогу написать подробнее о родных - врачах, Георгиевских кавалерах, участниках Первой мировой, Великой Отечественной, Афганской войн, пограничниках, учёных - кандидатах и докторах наук, профессорах, учителях, служащих... О друзьях, коллегах по работе, о людях, близких мне по духу, о своём «хождении» по планете Земля!

**СПИСОК НАУЧНЫХ РАБОТ
ДОКТОРА ИСТОРИЧЕСКИХ НАУК,
ПРОФЕССОРА, ЧЛЕНА-КОРРЕСПОНДЕНТА
АКАДЕМИИ ВОЕННЫХ НАУК
ПУНДАНИ В.В.**

1971

Крепостные крестьяне Западной Сибири накануне реформы 1861г.//Вопросы аграрной истории Урала и Западной Сибири. Доклады и сообщения научной конференции. Курган. С. 475-479.

1972

Переселение государственных крестьян из Европейской России в Тобольскую губернию//Вопросы аграрной истории Центра и Северо-запада РСФСР. Материалы межвузовской научной конференции. Смоленск. С. 152-157.

Расслоение государственных крестьян Тобольской губернии в конце XVIII - первой половине XIX в.//Социально-экономическое развитие России и зарубежных стран. Смоленск. С. 103-127.

Производственный прогресс в сельском хозяйстве Тобольской губернии в первой половине XIX в. //Тезисы докладов и сообщений XIV сессии межреспубликанского симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Минск-Гродно. Вып.1. Москва. С. 191-194.

1973

Промыслы государственных крестьян Тобольской губернии в первой половине XIX в.//Из истории Южного Урала и Зауралья. Вып. 7. Челябинск. С. 50-57.

Государственные крестьяне Тобольской губернии в конце XVIII - первой половине XIX в. Свердловск. 21 с. Автореферат кандидатской диссертации.

Свет надежды//Советское Зауралье. 21.04. (в соавторстве).

Тревожные дни//Советское Зауралье. 9.10. (в соавторстве).

За счастье мужицкое//Советское Зауралье. 16.10 (в соавторстве).

1974

Уральская археографическая//Советское Зауралье. 7.12.

Связи государственных крестьян Тобольской губернии с рынком в конце XVIII - первой половине XIX в.//Социально-экономическое развитие России и зарубежных стран. Смоленск. С.13-22.

1975

Жалобы и прошения государственных крестьян Тобольской губернии в первой половине XIX в. // Из истории Южного Урала и Зауралья. Вып. 9. Челябинск. С. 60-64.

Развитие животноводства в Зауралье в конце XVIII - первой половине XIX в. // Вопросы аграрной истории Урала. Свердловск. С. 35-41.

Непокорные челобитчики // Уральский следопыт. № 11. Екатеринбург. С. 64-65 (в соавторстве).

Следствие пристрастно // Советское Зауралье. 26.12.

Экономика края // История родного края. Учебное пособие для учащихся 7-10-х классов школ Курганской области. Челябинск. С. 19-21.

Против феодального гнёта // История родного края... Челябинск. С. 21-22.

Культура // История родного края... Челябинск. С. 22-24.

Борьба крестьян против угнетателей // История родного края... Челябинск. С. 28-29.

Под знаменами Пугачёва // История родного края... Челябинск. С. 29-33.

Культура и просвещение // История родного края... Челябинск. С. 33-36.

Реформа 1861 г. в Южном Зауралье // История родного края... Челябинск. С. 50-52.

Реформы 60-х годов // История родного края... Челябинск. С. 52-54.

В годы Великой Отечественной войны // История родного края...

Челябинск. С. 141-150.

1976

О малоизвестных источниках по истории сельского хозяйства и крестьянства Тобольской губернии в конце XVIII - первой половине XIX в. // Историография и источниковедение. Свердловск. С. 112-114.

Свидетели истории // Советское Зауралье. 10.3.

Землевладение и землепользование в государственной деревне Тобольской губернии в конце XVIII - первой половине XIX в. // Социально-экономическое развитие Южного Урала и Зауралья в XIX и начале XX вв. Вып. 10. Челябинск. С. 3-20.

Комната боевой славы // Советское Зауралье. 30.06.

Конференция историографов // Советское Зауралье. 28.09.

Некоторые итоги и задачи изучения истории государственных крестьян Тобольской губернии в XVIII - первой половине XIX в. // Гуманитарные науки. Тезисы докладов научной конференции. Курган. С. 57-62.

1977

Советская историография истории аграрных отношений и крестьянства Южного Зауралья // Гуманитарные науки. Тезисы докладов научной конференции. Курган. С. 1-6.

1979

Историография истории государственных крестьян Тобольской губернии в конце XVIII - первой половине XIX в.//Историография рабочего класса Урала периода капитализма. Свердловск. С. 60-68.

Героям Краснодона посвящается//Советское Зауралье. 15.02.

Люди, книги, годы//Советское Зауралье. 7.06.

1980

Их дело не пропало//Советское Зауралье. 5.12.

Чтобы стала история ближе//Советское Зауралье. 23.12.

1981

Первопроходцам посвящается //Советское Зауралье. 17.7.

1982

Социально-политическое положение государственных крестьян Сибири в первой половине XIX в.//Тезисы докладов и сообщений XIX сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Уфа. 30 сентября-3 октября. С. 152-155.

Первая лаборатория вуза//Советское Зауралье. 20.05.

1983

Изменения в приёмах земледелия и животноводства у государственных крестьян Западной Сибири в первой половине XIX в.//Развитие производительных сил Сибири в XIX в.: Бахрушинские чтения. Новосибирск. С. 112-122.

Почин соседей//Советское Зауралье. 1.06.

Общественный быт государственных крестьян Урала во второй половине XVII - первой половине XIX в.//Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала. Свердловск. С. 94-103.

Второе рождение дома Нарышкиных//Рифей. Уральский литературно-краеведческий сборник. Челябинск. С. 116-124.

1984

Социально-политическое положение государственных крестьян Сибири в первой половине XIX в.//XXVI съезд КПСС и проблемы аграрной истории СССР (социально-политическое развитие деревни). Уфа. С.363-371.

Уважение к минувшему. Возможен ли в Кургане музейный комплекс?//Курган и курганцы. 26.06 (в соавторстве).

Государственная деревня Западной Сибири во второй половине XVIII - первой половине XIX в. Челябинск. 80 с. Монография.

1985

Советская историография крестьянства Зауралья (60-80-е годы) //Основные категории крестьян в период позднего феодализма (XVIII-первая половина XIX в.). Смоленск. С. 86-98.

Сельскохозяйственный опыт русского крестьянства Западной Сибири в первой половине XIX в. //Земледельческое и промышленное освоение Сибири (XVII - начало XX в.) Новосибирск. С. 69-76.

1988

«Зауралье» ли наше Зауралье? Да, Зауралье! //Советское Зауралье. 31.01. Непреходящие ценности //Советское Зауралье. 4.03.

1989

Отечественная историография истории государственных крестьян Вятской губернии эпохи разложения и кризиса феодализма //Вятская земля в прошлом и настоящем (к 500-летию вхождения в состав Российского государства). Тезисы докладов и сообщений научной конференции. Киров. С. 51-52.

Крестьянство (Урала в XVIII в.) //История Урала с древнейших времён до 1861 г. Москва. С. 300-312 (в соавторстве).

Роль государственных крестьян Урала и Западной Сибири в развитии городов и инфраструктуры общественного производства в первой половине XIX в. //Взаимодействие города и деревни в их историческом развитии. Тезисы докладов и сообщений XXII сессии Всесоюзного симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Минск. 11-14 октября. Москва. С. 117-119.

Демографические процессы в хозяйственном освоении Западной Сибири во второй половине XVIII - первой половине XIX в. //Исторический опыт социально-демографического развития Сибири. Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции. Новосибирск. Вып.1. С. 69-70.

1990

Социально-экономическое развитие государственной деревни Урала и Западной Сибири во второй половине XVIII - первой половине XIX вв. //Методология, историография и источники изучения исторического опыта регионального развития: Тезисы докладов и сообщений Всесоюзной научной конференции. Свердловск. 23-25 октября. Вып.1. Методология и историография. Свердловск. С. 88-91.

Общественное сознание государственных крестьян Западной Сибири в период разложения феодализма и развития капиталистических отношений //Материалы Всесоюзной Байкальской исторической шко-

лы «История и общество в панораме веков. 19-24 июня 1990 г. Иркутск. Часть 1. С. 72-75.

Состав и занятия аборигенов Западной Сибири и их взаимоотношения с русским населением при феодализме//Вопросы аграрной истории Урала и Зауралья (XVII -XX вв.). Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск. С. 13-18 (в соавторстве).

Связи государственных крестьян Урала и Западной Сибири с рынком во второй половине XVIII - первой половине XIX вв.//Вопросы аграрной истории Урала и Зауралья (XVII - XX вв.). Межвузовский сборник научных трудов. Свердловск. С. 19-33.

1991

Предисловие //Курганскому областному краеведческому музею - 40 лет (юбилейный сборник). Курган.

Государственная деревня Урала и Западной Сибири во второй половине XVIII - первой половине XIX в. Свердловск: АН СССР, Институт истории и археологии УрО. 35 с. (Автореферат докторской диссертации).

1992

Классовая борьба государственных крестьян Урала и Западной Сибири во второй половине XVIII - первой половине XIX в. //Государственные крестьяне Урала в эпоху феодализма. Екатеринбург: Ур О РАН. С. 70-84.

Аграрная история досоветского Зауралья в исторической литературе//Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед. сб. Вып. 3. Курган. С. 17-31.

1993

Европеизация России в XVII в.//Международная научная конференция. Россия и Западная Европа: диалог культур. Курган. С. 37-39.

Вперёд, к истокам //Советское Зауралье. 6.01.

Бремя выбора и ответственности //Советское Зауралье. 2.04.

Применение количественных методов исследования в краеведении//Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед.сб. Вып. V. Курган. С. 128-133 (в соавторстве).

Ценные источники по истории государственной деревни Урала и Западной Сибири в период позднего феодализма//Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед. сб. Вып.V. Курган. С. 152-158.

1994

Исторические изыскания В.П. Бирюкова //Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед. сб. Вып. 7. Шадринск. С. 11-17.

Зауралье в документах XVII - первой половины XIX в. //Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед. сб. Вып. 3. Курган. С. 77-80.

Расслоение крестьян Шадринского уезда в первой половине XIX в.//Одиннадцатые Бирюковские чтения. Шадринск. С. 26-28.

Истоки предпринимательства урало-сибирских крестьян в феодальную эпоху//Предпринимательство в Сибири. Материалы научной конференции. Барнаул. С. 22-28.

Общественное сознание государственных крестьян Западной Сибири в первой половине XIX в.//Формы сельскохозяйственного производства и государственное регулирование. Тезисы докладов и сообщений XXIV сессии симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Москва. С. 75-78.

1995

Переселенец в Зауралье в феодальную эпоху//Вопросы экологии Зауралья. Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед.сб. Вып. 12. Курган. С.84-91.

Шадринск в Пермском архиве//Шадринская старина. Альманах. Шадринск. С. 183-187 (в соавторстве).

А.А. Кондрашенков - педагог, учёный, организатор научных исследований//Материалы научной конференции, посвящённой 25-летию Смоленского проблемного объединения по истории сельского хозяйства и крестьянства Западного региона Российской Федерации. Смоленск. С. 21-26 (в соавторстве).

Заселение и экономическое освоение Зауралья русскими крестьянами в XVII - первой половине XIX в. //Материалы научной конференции, посвящённой 25-летию Смоленского проблемного объединения... Смоленск. С. 124-135 (в соавторстве).

Боевые традиции россиян//Зауралье в годы Великой Отечественной войны. Материалы научной конференции. Курган. С. 84-91.

Южное Зауралье в период позднего феодализма /предисловие ко второму разделу «Хрестоматия по истории Курганской области» (досоветский период). Курган. С. 80-81.

Документ № 78 «Господам сенаторам 3 класса Б.К. Безродному, тайному советнику и действительному камергеру Б.А. Куракину Тобольской губернии Курганской округи Шмаковской волости поверенного от крестьян Максима Орлова покорнейшее прошение. Подано 19 июля 1827 г.//Хрестоматия по истории Курганской области (досоветский период). Курган. С. 118-119.

1996

Государственная деревня в аграрном рынке Урала//Аграрный ры-

нок в историческом развитии. Материалы XXIII сессии Всероссийского симпозиума по изучению проблем аграрной истории. Екатеринбург: РАН, Отделение Истории, Институт Российской истории, Ур О, Институт истории и археологии. С. 116-124.

Аграрная технология на Урале в период позднего феодализма // Аграрные технологии в России. Тезисы докладов и сообщений XXIV симпозиума по аграрной истории Восточной Европы. Арзамас, 10-13 сентября 1996 г. Москва. С. 42-45.

Откуда есть пошла земля Далматовская // География. Приложение к газете «Первое сентября». 8.02.

1997

Декабристская Курганиада в литературе // Забвению не подлежит. Материалы «круглого стола» «Декабристы в Сибири: проблемы, исследования, открытия» (14 декабря 1995 г.). Курган. С. 3-9.

Очарованный Зауральем // Л.П. Осинцев: историк-краевед. Библиографический указатель. Шадринск. С. 5-6.

Крестьянин Зауралья в феодальную эпоху // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед. сб. Вып. 20. Курган. С. 51-73.

Материальная культура крестьян Южного Зауралья в период феодализма // Культура Зауралья: исторический опыт и уроки развития. Материалы второй областной научно-практической конференции. 28 ноября 1996 г. Курган. С. 51-57.

Предисловие // Забытый Курган. Васильева А.М. Курган.

Предисловие // История земли Курганской. Учебное пособие для учащихся V-VIII классов Курганской области. Курган. С. 3-5.

Заселение Южного Зауралья в XVIII - первой половине XIX в. // История земли Курганской с древнейших времён до начала 60-х гг. XIX в. Учебное пособие ... Курган. С. 78-86.

Хозяйственное освоение Южного Зауралья в XVIII - первой половине XIX в. // История земли Курганской... Курган. С. 87-100.

Послесловие // Там же. С. 176.

Словарь терминов. Хронологическая таблица // Там же. С.193-200 (в соавторстве).

1998

История крестьянства и аграрных отношений на Урале в феодальную эпоху в новейшей отечественной литературе // Урал в прошлом и настоящем: материалы научной конференции. Часть I. Екатеринбург, 24-25 февраля 1998 г. С. 330-332.

Декабристы в Кургане // История Курганской области. Том 3. Курган. С. 367-398.

Зимовье //Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург: Ур О РАН. Институт истории и археологии. С. 212.

Лашманы //Уральская историческая энциклопедия... С. 305.

Крестьяне государственные //Уральская историческая энциклопедия ... С.286.

Межевание генеральное //Уральская историческая энциклопедия... С.329-330.

1999

Патриарх исторической науки и высшего педагогического образования в Курганской области - Алексей Алексеевич Кондрашенков// Наука и образование Зауралья №4-5. Шадринск. С. 226-229.

Пушкин и декабристы в памяти россиян//Наука и образование Зауралья. №6-7. Шадринск. С. 16-22.

Южное Зауралье в исторической литературе XVIII - начала XX вв. //Историография и источниковедение истории Южного Зауралья (XVIII - XX вв.). Сборник научных трудов. Курган. С. 3-16.

История Урала: от «А» до «Я»//Новый мир. 27.05.

Аграрные технологии на Урале в период позднего феодализма // Аграрные технологии в России. IX - XX вв. Арзамас. С. 112-121.

Государственная деревня Урала и Западной Сибири во второй половине XVIII - первой половине XIX в. Курган. 272 с. Монография.

ПРИНЯТЫ В ПЕЧАТЬ СТАТЬИ

История сёл и деревень Южного Зауралья в документах государственного архива Курганской области: «Топографо-статистическое описание Тобольской губернии Курганского округа Падеринской волости» (1843 г.)//Энциклопедия зауральских сёл и деревень. Материалы научной конференции. Курган. 0,6 п.л.

Информационное поле государственного архива Курганской области и его филиала в г. Шадринске безгранично//Архивы: история и современность». Материалы научно-практической конференции, посвящённой 75-летию государственного архива Курганской области. Курган. 0,4 п. л.

Уральские страницы жизни и творчества К.И. Клименко//Урал в панораме XX века. Екатеринбург: УрО РАН. 0,2 п.л.

Экономическое развитие Урала в XIX в. //История Урала. Екатеринбург. 1,3 п.л.

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР

Декабристы в Кургане. Комплект из 22-х плакатов. Курган. 1981. 11,5 п.л.

Вопросы аграрной истории Урала и Зауралья (XVII - XX вв.). Межвузовский сб. научных трудов. Свердловск. 1990. 7 п.л.

Курганскому областному краеведческому музею - 40 лет (юбилейный сборник). Курган. 1991. 10 п.л.

Н.Ф. Емельянов. Спорные вопросы истории феодальной Сибири. Курган. 1991. 10 п.л.

Н.Ф. Емельянов. Условия формирования поземельных отношений Сибири при феодализме. Учебное пособие по спецкурсу. Курган, 1991. 6,5 п.л.

Н.Ф. Емельянов. Город Курган. 1782-1917. Социально-экономическая история. Курган. 1992. 16 п.л.

Курганскому педагогическому институту - 40 лет (1952-1992). Курган. 1992. 5,5 п.л.

Забвению не подлежит. Материалы «круглого стола» «Декабристы в Сибири: проблемы, исследования, открытия» (14 декабря 1995 г.). Курган. 1997. 2,4 п.л.

Сплошная коллективизация и раскулачивание в Зауралье /Материалы по истории Курганской области/. Курган, 1995. 8,5 п.л.

А.М. Васильева. Забытый Курган. Курган. 1997. 22,5 п. л.

История земли Курганской с древнейших времён до начала 60-х годов XIX века. Учебное пособие для учащихся V-VIII классов школ Курганской области. Курган. 1997. 22 п.л.

Хрестоматия по истории Курганской области (досоветский период), Курган. 1995. Второй раздел. 14 п.л.

Курганский областной художественный музей и культура края. Сборник научных сообщений. Вып. 2. Курган. 1997. 6,3 п.л.

Историография и источниковедение истории Южного Зауралья (XVII-XX вв.). Курган. 1999. 7,75 п.л.

ЧЛЕН РЕДКОЛЛЕГИИ НАУЧНЫХ И КРАЕВЕДЧЕСКИХ РАБОТ

Социально-экономическое развитие Южного Урала и Зауралья в XIX и начале XX вв. Вып.10. Челябинск. 1976.

Развитие производительных сил Сибири в XIX - XX вв. Межвузовский сборник научных трудов. Бахрушинские чтения 1983 г. Новосибирск. 1983.

Государственный архив Курганской области и его филиал в г. Шадринске. Путеводитель. Курган. 1988.

Самостоятельная и научно-исследовательская работа студентов заочного обучения. Научно-методическая конференция преподавателей педагогических институтов Уральской зоны. Курган. 1991.

Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед. сб. Вып. 1. Курган. 1990.

Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед. сб. Вып. 3. Курган. 1992.

Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед. сб. Вып. 5. Курган. 1993.

Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед. сб. Вып. 7. Курган. 1994.

Хрестоматия по истории Курганской области (досоветский период) Курган. 1995.

Капитализм Зауралья в XIX - начале XX вв. //Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед. сб. Вып. 10. Курган. 1995.

Охрана границ Зауралья. Щучанская земля и Шадринский уезд в досоветский период. О В.П.Бирюкове //Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед. сб. Вып. 17. Курган. 1996.

Итоги и задачи регионального краеведения. Материалы Всероссийской конференции по историческому краеведению. Курган, 6-7 мая 1997. Часть I.

Культура Зауралья: исторический опыт и уроки развития. Материалы второй научно-практической конференции 28 ноября 1996. Курган. 1997.

Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед. сб. Вып. 19.

Роль церкви в жизни Зауралья. Курган. 1997.

Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краевед. сб. Вып. 20. «Емельянову Н.Ф. - 60 лет». Курган. 1997.

История Курганской области. Том 3. Курган. 1998.

Уральская историческая энциклопедия. Екатеринбург: УрО РАН. 1998.

МЕТОДИЧЕСКИЕ РЕКОМЕНДАЦИИ И УКАЗАНИЯ

Методические рекомендации и контрольные работы по истории СССР для слушателей подготовительных курсов. Курган. 1988. 0,8 п.л.

Методические указания к семинарским занятиям по истории СССР (феодализм) для студентов-историков. Курган. 1990. 2,5 п.л. (в соавторстве).

Методические рекомендации по организации самостоятельной работы при изучении истории России (досоветский период) на I - III курсах исторического факультета. Курган. 1992. 1 п.л. (в соавторстве).

Методические рекомендации по использованию краеведческих материалов с указателем основной литературы по истории Южного

Зауралья из фонда Курганской областной универсальной научной библиотеки им. А.К.Югова. Курган. 1992. 2,5 п.л. (в соавторстве).

Методические рекомендации к семинарским занятиям по историографии истории России (досоветский период) для студентов IV курса исторического отделения историко-филологического факультета. Курган. 1993. 1 п.л.

Методические рекомендации по специализации студентов - историков I-V курсов (спецкурсы, спецсеминары и история родного края) стационара и заочного отделения. Курган. 1994. 1,5 п.л. (в соавторстве).

Программы учебных дисциплин по кафедре истории России: программы предметов по кафедре истории России; методические указания для студентов-историков V курса для госэкзаменов по отечественной истории (период феодализма и капитализма). Курган. 1996. 3 п.л. (в соавторстве).

НАУЧНОЕ РЕДАКТИРОВАНИЕ МЕТОДИЧЕСКИХ РЕКОМЕНДАЦИЙ И УКАЗАНИЙ

Плотников И.Е. Методические указания к семинарским занятиям по историографии советского общества. Курган. 1987. 1 п.л.

Емельянов Н.Ф. Методические указания к семинарским занятиям по истории СССР (период капитализма и империализма) для студентов II курса. Курган. 1988. 1,3 п.л.

Емельянов Н.Ф. Методические рекомендации по осуществлению специализации на историческом факультете и выполнению дипломной (курсовой) работы. Курган. 1989. 1,5 п.л.

Емельянов Н.Ф. Методические указания для студентов-историков при написании курсовых и дипломных работ на 3-5 курсах: «Методологические и методические проблемы исторической науки». Курган. 1989. 1 п.л.

Емельянов Н.Ф. Методические рекомендации по использованию фондов государственного архива Курганской области в работе краеведов. Курган. 1990. 1 п.л.

Емельянов Н.Ф. Методические рекомендации по самостоятельной работе студентов - историков на заочном отделении по досоветской отечественной истории. Курган. 1991. 1,5 п.л.

Свищёв П.А. Методические рекомендации и материалы по использованию генеалогии в курсе истории России (досоветский период) для студентов - историков. Курган. 1993. 5 п.л.

Методические рекомендации по специализации студентов - историков I-V курсов (спецкурсы, спецсеминары и история родного края) стационара и заочного отделения. Курган. 1994. 1,5 п.л.

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ НАУЧНЫХ И МЕТОДИЧЕСКИХ РАБОТ

И.А. Гурьев, В.И. Усанов. История промышленности и рабочего класса Урала в дореволюционной историографии. Учебное пособие. Свердловск. 1982. 6 п.л.

Методические указания и тематика контрольных работ для студентов заочного отделения по курсу «Источниковедение истории СССР». Свердловск. 1986. 1 п.л.

Источниковедение истории СССР. Программа курса. Свердловск. 1986. 1 п.л.

Плотников И.Е. Методические указания и материалы к спецсеминару «Крестьянство Урала в период построения фундамента социализма в СССР (1921-1932 гг.)» Курган. 1987. 1,4 п.л.

Сысуева Р.П. Методические разработки к спецкурсу «Источники по истории русского языка». Курган. 1988. 1,3 п.л.

Сысуева Р.П., Кувалина С.С. История русского литературного языка. Методические рекомендации для студентов 5 курса филологического факультета. Курган. 1992. 5 п.л.

Кислицын В.А., Фомичёв К.А. Методические рекомендации для студентов-историков по источниковедению истории России и новой и новейшей истории зарубежных стран. Курган. 1994. 1,4 п.л.

Сысуева Р.П., Шушарина И.А. Курганское городское хозяйственное управление. Документы за 1799 г. (договоры, доклады, отписки, предложения, рапорты, сообщения, требования, указы)». Курган. 1996. 15 п.л.

Кислицын В.А. Политические партии России в XX веке. Программные документы и материалы. Часть I. Курган. 1996. 9 п.л.

Сысуева Р.П., Шушарина И.А. Материалы к истории деловой письменности Зауралья. Вторая половина XVIII в. Курган. 1999. 5 п.л.

ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ МЕЗОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

С.Н. Шилов, О.Н. Кочуров (КГУ)

Мезолит – одна из самых слабо изученных эпох в Южном Зауралье (в данном случае, имеется ввиду территория лесостепного Притоболья). Исследования ее начались сравнительно недавно. Лишь в 70-80-е годы проявлялся значительный археологический интерес к среднекаменному веку в регионе. Именно в это время появляются первые научные публикации. Однако новизна и не устоявшиеся в науке взгляды на мезолит Южного Зауралья дали весьма противоречивые друг другу точки зрения. К сожалению, впоследствии изучение мезолита на территории края не производилось. Лишь в последние пять лет археологическая лаборатория КГУ возобновила работу по данной теме.

В 90-е годы появился ряд новых публикаций, посвященных мезолиту Зауралья, но территория Среднего Притоболья обходится в них стороной, либо освещается на основе ранее известных данных. В связи со сложившейся ситуацией, археологической лабораторией Курганского университета были предприняты обследования ранее известных мезолитических объектов на юге Курганской области, относящиеся к так называемой убаганско-камышнинской группе, и открыты новые стоянки среднекаменного века, давшие интересные материалы.

Последние исследования поставили ряд новых вопросов и показали, насколько различны в науке взгляды на мезолит Притоболья. Целью данной публикации является рассмотрение и анализ, с учетом последних открытий, сложившихся научных взглядов на мезолитическую эпоху южнозауральского региона.

Как известно, наиболее древним памятником на территории Южного Зауралья является Шикаевка-I (Варгашинский район Курганской области), которая была открыта в 1970 г. Т.М. Потёмкиной, обнаружившей в небольшом раскопе ножевидную пластину среди костей мамонтов (1). В том же месте в 1971-1973 годах Уральской археологической экспедицией под руководством В.Т. Петрина исследована стоянка Шикаевка-II (2). Были обнаружены останки двух мамонтов и 35 изделий из камня, представленных преимущественно ножевидными пластинами. Полученные материалы доказали, что первое проникновение людей на территорию Южного Зауралья начинается свыше 11 тыс. лет назад (3). Данную датировку удалось получить геологически.

Кремневый инвентарь Шикаевки-II, не имеет аналогов в позднем палеолите Сибири и обнаруживает определенное сходство с материалами Прикаспия, которые были исходными для мезолита Урала (4).

В числе первых памятников мезолитической эпохи, раскопанных на территории края, была изучена стоянка Сухрино-I в Шадринском районе Курганской области на левом берегу реки Исеть. Её в 1965 г. исследовал В.Е. Стоянов. Раскопки дали исключительно богатый в типологическом отношении материал, представленный в подавляющем большинстве пластинами и изделиями из них (5).

Значительный вклад в изучение мезолита внесли Н.Н. Куминов и Т.М. Потёмкина, открывшие и исследовавшие ряд таких памятников как Камышное-I, Убаган-I, III, V, VII, VIII, Звериноголовское-IV, Верхняя Алабуга.

В историографии первая и единственная попытка объединить и охарактеризовать работы, посвященные мезолиту, была предпринята С.Н. Шиловым в работе, посвященной истории археологического изучения Южного Зауралья (6).

В своем исследовании С.Н. Шилов охарактеризовал некоторые публикации, посвященные данному периоду, выявил дискуссионные вопросы в изучении мезолита района, осветил «белые пятна» и наметил пути для дальнейшего исследования. Однако, в связи с большим хронологическим охватом работы (история археологических исследований от палеолита до позднего средневековья) мезолитическая эпоха рассмотрена автором весьма сжато и в ряде мест даже поверхностно. Поэтому данная статья поможет исправить ряд прежних неточностей и дать более глубокий анализ источников по этому периоду.

Фундаментальной работой по эпохе мезолита по сей день остается монография Г.Н. Матюшина «Мезолит Южного Урала», вышедшая в Москве в 1976 г. В задачи статьи не входит давать ее анализ, но на некоторых моментах следует остановиться.

Работа охватывает не только территорию Южного Урала, но и интересующий нас регион. Она имеет огромное значение при изучении и обработке мезолитических памятников с чертами Янгельской культуры, которые встречаются на территории нашего края. Так, автор стоянку Шикаевка – II относит к Янгельской культуре, точнее к ее раннему этапу, который берет свое начало еще в конце верхнего палеолита. Это подтверждается останками мамонтов, найденных вместе с кремневыми изделиями. С данной точкой зрения трудно не согласиться, т.к. она является весьма доказательной. В частности, она подтверждается приведением аналогов в стоянках более позднего периода (стоянки Янгелька, Мурат, Мыс Безымянный и другие) (7).

Большой интерес представляет интерпретация находок с озера

Пеган, которые Сальниковым К.В. были отнесены к неолиту. Но Матюшин Г.Н. предложил другую периодизацию, на основании найденных в пазу костяного кинжала не характерных для неолита вкладышей – ножевидных пластин с притупленной спинкой, которые свидетельствуют в пользу их мезолитического возраста (8). Эти точки зрения опровергнуть или доказать трудно, т.к. по сей день Пеганское захоронение не обследовано, а материалы Сальникову были переданы местными жителями. Поэтому тот и другой вывод носят вероятностный характер.

Одной из первых работ по эпохе мезолита является работа Старкова В.Ф. «Мезолит и неолит лесного Зауралья», которая была первым опытом обобщения открытых памятников среднекаменного века (9). Из интересующих нас стоянок автор дает описание стоянкам Сухрино-I и Камышное-I, типологию их каменных коллекций. Он отмечает определенное культурное единство памятников, основанное на общности территорий, топографии и материальной культуры при наличии ведущих и устойчивых типов орудий. По его мнению, они занимают обширную территорию, куда входят лесное и лесостепное Зауралья и Западная Сибирь. Восточную границу этого единства В.Ф. Старков относит к памятникам Ащи-Куль (Омская область), а западную - к мезолиту Прикамья. Важным обстоятельством, сближающим обе группы памятников, является то, что для Прикамья, как и для Зауралья, не характерно употребление геометрических микролитов. Однако уже в этой же работе В.Ф. Старков делает ссылку, что после написания были обнаружены единичные трапеции и орудия крупных форм (10). Впоследствии, на Сухринской стоянке были обнаружены геометрические изделия. Таким образом, автор сам опровергает свои выводы.

Одно из важных мест в изучении эпохи мезолита занимает публикация Зайберта В.Ф. и Потёмкиной Т.М. «К вопросу о мезолите лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья» (11). В данной статье памятники рассматриваются по трем микрорайонам:

1. В лесостепном Притоболье в пределах Курганской области (Притобольный);
2. На реке Чаглинке (Виноградовский);
3. В верховьях реки Ишим (Тельманский).

Потемкина Т.М. дала очень хороший описательный материал, обобщив работы на стоянках Камышное-I, Верхняя Алабуга, Звериноголовское-VI, Убаган-I, III, V, VII, VIII (12).

Особое внимание следует уделить в этой работе описанию жилища (Убаган-III) и стратиграфическим данным (Убаган-III, Камышное-I). Вполне закономерно в рамках Притобольного микрорайона выделены две группы стоянок: - первая группа - Убаган-III, VIII, Звериноголовское-VI,

Верхняя Алабуга, Камышное-I; вторая группа – Убаган-I, V, VII.

Эти группы различаются по орудийному набору и технике изготовления. Первая группа является более ранней, что доказывается стратиграфией стоянок Убаган-III и Камышное-I, а так же типологией инвентаря, для которого характерны резцовая техника и микролитовидность. В инвентаре второй группы присутствуют симметричные трапеции, скошенные острия, параллелограммы на широких пластинах (до 1,2 см). Данные изделия ближе к раннеолитическим (13).

Однако, эта работа имеет ряд существенных недостатков. Во-первых, не оправдано объединение данных трех микрорайонов в рамки одной территории – лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья. Во-вторых, очень «грубо» сравнивать орудийный набор пластинчатых памятников Притобольного микрорайона с ярко выраженными памятниками отщеповой техники Тельманского и Виноградовского микрорайонов. В-третьих, существуют различия в используемом сырье (первый микрорайон – зеленая и сургучная яшма, второй и третий микрорайоны – светло коричневый кремль). Более того, отдельные аналоги в орудийном наборе можно обнаружить и в мезолите Прикаспия, и в каменных орудиях более поздних периодов, хотя родства этих культур данное сравнение не доказывает. В-четвертых, сравнивая стратиграфию стоянки Убаган-III и стратиграфию виноградовских и тельманских объектов, авторы делают вывод об аналогичности. Это закономерно, т.к. отражает специфику почв данного региона вообще, но не дает оснований для проведения аналогий мезолитических культур этих микрорайонов. В-пятых, из всего выше перечисленного, следует с осторожностью относиться к предложенной периодизации. Сравнивая стоянки Тельмана-VII и Тельмана-XIVa с Убаганом-III, авторы относят их к позднему мезолиту, на основании полученной из угля даты со стоянки Тельмана-XIVa. Эта дата, 10540 ± 200 лет назад, отнесена к начальному этапу позднего мезолита.

Таким образом, в данной работе делаются попытки наметить ряд локальных культур мезолитического времени, но основания для проведения аналогий и сравнений выбраны не совсем удачно. Не четко разграничены варианты локальных культур Южного Зауралья, в частности, нет ясных типологических различий между каменным инвентарем Янгельской культуры и каменным инвентарем выделяемого Притобольного микрорайона, хотя между ними наблюдаются некоторые сходные черты.

Хотелось бы уделить внимание небольшой статье Л.Я. Крижевской «Раскопки мезолитического поселения Ташково-IV в лесостепном Зауралье», где автор описывает следы жилой постройки, делая вывод о том, что она была в виде чума, небольшая и округлая в плане, легко

переносимая (14). Дается типологическая и трассологическая характеристика каменного инвентаря. На основе остеологического материала и наборе орудий, Крижевская делает вывод об охотничьей деятельности обитателей поселения, проводит аналогии с памятником Сухрино-I, на основании идентичности призматических пластинок, лишенных каких-либо инноваций как в виде наконечников свидерских форм, так и геометрических микролитов. В заключении автор делает вывод «о местном самотном пути развития какого-то замкнутого единства»(15). При этом не совсем понятно, что подразумевать под «каким-то замкнутым единством», что делает выводы Л.Я. Крижевской несколько абстрактными.

Работа В.Н. Логвина «Каменный век Казахстанского Притоболья» на данный момент является наиболее логичной и доказательной (16). Она вполне отражает сложившиеся тенденции и направления в изучении мезолита Южного Зауралья. В ней автор делит памятники Казахстана на два типа.

К первому типу памятников он относит стоянку Евгеневку-I, содержащую в своей кремневой коллекции две асимметричные трапеции слегка удлинённых пропорций. Ко второму типу отнесены стоянки Дузбай-VI и Дачная. Они отличаются от первого типа отсутствием геометрических изделий, а так же большим микролитизмом (более трети пластин имеют ширину 4-5 мм). Других принципиальных различий ни в кремневой индустрии, ни в используемом сырье не выделяется (17).

Предложенная классификация памятников Казахстанского Притоболья подходит и для памятников нашего края, которые можно разделить на два типа по тому же основанию.

Памятники типа Евгеневки-I, по мнению В.Н.Логвина, имеют соответственные аналоги на Южном Урале и в Прикаспии (стоянки Янгелька, Суртанды, Мысовая, Долгий Ельник-II, сюда же следует отнести и стоянку Сухрино) и синхронизируются с памятниками янгельского этапа мезолита Южного Зауралья X-VI тыс. до н.э. Стоянки второго типа имеют аналоги в ильмурзинских мезолитических объектах Южного Урала, которые датируются в пределах X-VII тыс. до н.э. Г.Н. Матюшиным (18).

В свете вышеизложенного В.Н.Логвин приходит к выводу – нельзя исключить, что в Притоболье в мезолите одновременно существовали памятники двух различных культур, но следует учитывать возможность их разновременного существования. При этом он ссылается на исследователей мезолита Прикаспия, которые отмечали наличие в мезолите двух периодов бытования асимметричных трапеций, разделённых периодом, в котором они отмечены не были (19).

Вклад в изучение среднекаменного века нашего края внес Н.Н. Куминов. Он является автором работы «Верхний палеолит и мезолит» в первом томе «Истории Курганской области» (20). В ней Н.Н.Куминов рассматривает эпоху палеолита-мезолита, описывает природные условия, образ жизни древних людей, их орудия труда, жилища. Автор кратко обобщает работы Т.М. Потемкиной и В.Ф. Зайберта, Ю.Б. Серикова, В.Н. Логвина, Л.Я. Крижевской, В.Ф. Старкова, Г.М. Матюшина и др.

Основной заслугой Н.Н. Куминова следует считать выдвижение гипотезы о существовании Убаганско-камышнинской группы памятников эпохи мезолита, которая основывается на точках зрения В.Ф.Зайберта и Т.М. Потемкиной о выделении в бассейне Тобола локального варианта мезолитической культуры, а также Л.Я.Крижевской о самобытности общества мезолитических охотников и рыболовов. Более того, автор пошел дальше и установил критерии выделения данной группы памятников, что имеет большое практическое значение и подтверждается работами В.Н. Логвина. К таким критериям следует относить: отсутствие характерных для лесного мезолита острий, отсутствие пластин со скошенным ретушью концом, отсутствие наконечников стрел и геометрических микролитов (21).

Но, на наш взгляд, этот список, по-видимому, следует сократить, что доказывается новыми находками. Н.Н. Куминов отметил и «белые пятна» в изучении мезолита Южного Зауралья. Это, во-первых, проблемы хронологии, во-вторых, взаимодействие двух различных культур эпохи мезолита, в-третьих, проблемы происхождения Убаганско-камышнинской группы памятников, в-четвертых, это влияние данной группы на ранненеолитические культуры Южного Зауралья, т.е. дальнейшая трансформация Убаганско-камышнинского комплекса.

Таким образом, мы соглашаемся с тезисом о существовании Убаганско-камышнинских древностей как локальном варианте в рамках единой Среднезауральской мезолитической культуры.

Первым исследователем, высказавшим данную точку зрения, был Н.Н. Куминов, позднее её поддержал в своих работах В.Н. Логвин. Однако, не существует ни одного обобщающего труда по данной проблеме, а так же опубликованных работ о новых комплексах эпохи мезолита, которые были найдены за последние годы.

Нельзя обойти вниманием работу Е.М. Беспрозванного и В.С. Мосина «К характеристике мезолита Южного Зауралья» (22). Следует отметить положительные моменты. Во-первых, это всегда интересное для археологов описание и типологическая характеристика каменного инвентаря вновь открытых стоянок – Андреевка-III, Маринская-I, Стрелецкая-II, IV, Чебаркуль-XII, Юрюзанская-I. Далее обобщены точки зрения по поводу использования в научной литературе

термина «микролит» и сделана проекция полученных выводов на памятники с орудиями геометрических форм. В работе выявлен ряд общих черт, которые объединяют памятники мезолита Среднего Зауралья (Выйка-II, Кокшаровско-Юрьинская) и Притоболья (Евгеньевка-I, Убаган-III, Камышное-I, Сухрино-I и др.). К данным общим чертам авторы относят:

1. Призматические, конические и торцевые нуклеусы небольших размеров;
2. Пластинчатую микролитическую индустрию, основанную на использовании пластин шириной до одного сантиметра;
3. Преобладание мелкой краевой притупляющей ретуши, расположенной по одной грани со спинки или брюшка пластин;
4. Конкретный набор орудий: угловые резцы; концевые скребки на пластинах; скребки на отщепках; пластины с обработанным торцом; пластины с выемками и острия, в том числе скошенные;
5. Единично встречаются геометрические микролиты (23).

Таким образом, авторы приходят к выводу, что мезолитические памятники Южного и Среднего Зауралья и Притоболья можно объединить в одну культурную общность. Они так же ставят вопрос о соотношении данных материалов с материалами памятников Янгельской культуры и считают, что материал Янгельской культуры существенно отличается.

С данными выводами авторов нельзя согласиться. Не совсем верно представляется объединение памятников эпохи мезолита Среднего Зауралья и Притоболья на основании ширины пластин. Предложенная ширина (до 1 см.) не полностью отвечает изделиям таких памятников как Камышное-I и Убаган-III, а так же вновь открытых памятников. Для изделий с этих объектов характерна ширина пластин 4-6 мм, в исключительных случаях она достигает 8-9 мм. Большую степень микролитоидности памятников, в которых не встречаются геометрические микролиты, отмечал и В.Н. Логвин, отграничивая стоянки Дузбай-VI и Дачная от Евгеньевки-I. В таком случае не совсем понятно, почему авторы объединяют данные памятники в одну культурную общность, при этом они не упоминают (либо не знают) о точке зрения В.Н. Логвина. Следует отметить еще одно спорное положение. Авторы обосновывают отличие описываемых памятников от памятников Янгельской культуры на том, что пластинки последней более широкие. Но, исключив из предложенных стоянок объекты без геометрических микролитов, видно, что параметры пластин оставшихся памятников существенно увеличиваются и становятся близкими к параметрам пластин Янгельской культуры.

Итак, данная работа не учитывает возможность существования двух

различных типов памятников среднекаменного века.

Одной из последних крупных работ по эпохе мезолита является статья Ю.Б. Серикова «Геометрические микролиты Среднего Зауралья», вышедшая в журнале *Российская археология* в 1998 году (24). В этой работе автор относит южную границу ареала распространения геометрических микролитов к поселению Сухрино-III под городом Шадринск Курганской области, что является территорией интересующего нас региона.

По мнению Ю.Б. Серикова, все геометрические микролиты Среднего Зауралья можно подразделить на 4 типа. Основой для такой классификации является форма изделий и их функциональное назначение. К первому типу автор относит геометрические микролиты в виде симметричных или асимметричных трапеций, прямоугольников и параллелограммов, изготовленных на мелких и узких (0,6-0,8 см) пластинах из местного сырья. Этот тип является преобладающим. Данные микролиты использовались в качестве вкладышей для составных вкладышевых орудий. К геометрическим микролитам второго типа Ю.Б. Сериков относит трапеции на широких пластинах (1-2,6 см), имеющие симметричную или слегка асимметричную форму и боковые выемки. Они применялись в качестве поперечно-лезвийных наконечников стрел для охоты на крупных животных.

К третьему типу принадлежат низкие вытянутые асимметричные трапеции с одной боковой выемкой. Трапеции изготовлены на пластинах шириной 1,1-1,3 см. В основном они выполнены из светло-серой яшмы южноуральского происхождения. Трапеция, найденная на Сухрино-III, относится к этому типу.

Четвертый тип представлен низким асимметричным треугольником с Камня Дыроватого. Изделия третьего и четвертого типа служили так же наконечниками стрел, но колющими.

Аналоги данным изделиям автором прослеживаются на весьма отдаленных и обширных территориях в торфяниках и стоянках Дании, Германии, Швейцарии, Англии, Франции, Украины (25).

Сериковым Ю.Б. вновь поднимается вопрос о происхождении геометрических микролитов. Он ссылается на Г.Н. Матюшина, который считал, что трапеции выходят из одного центра – области с наиболее ранним распространением производящего хозяйства, а так же - на А.А. Формозова, который связывал присутствие геометрических изделий с проникновением с юга индоевропейского населения.

Бесспорным следует считать мнение Ю.Б. Серикова о том, что геометрические микролиты 1-го типа имеют местное происхождение, т.к. изготовлены из местного сырья, а по ширине пластин и технике обработки ни чем не отличаются от других изделий пластинчатого комп-

лекса среднезауральского мезолита. Датируются мезолитические памятники Среднего Зауралья поздним мезолитом (6470 ± 80 лет до н.э).

Геометрические микролиты 2-го типа имеют широкие аналоги в Прикамье на рубеже плейстоцена и голоцена, а на Южном Урале (поздний мезолит) они единичны. Из этого автор вполне закономерно делает вывод, что при отсутствии радиоуглеродных датировок неясно, относить ли памятники с геометрическими микролитами 2-го типа к более раннему времени, или они будут представлять новый локальный вариант мезолита в Среднем Зауралье.

Геометрические микролиты 3-го типа изготовлены из южноуральской светло-серой яшмы и являются явным влиянием мезолита Южного Урала. Следует обратить внимание на тот вывод, что внедрение южных культурных элементов в мезолит Среднего Зауралья на его поздних этапах происходило по пути вдоль восточного склона Урала, образуя целую цепочку памятников, вплоть до самого севера Свердловской области (стоянка Атымая-IV, 61° сев. широты).

Таким образом, данная статья проливает свет на некоторые проблемы влияния мезолитических культур друг на друга, раскрывает вопрос о происхождении геометрических микролитов в Зауралье.

За последнее время появился ряд небольших публикаций сотрудников археологической лаборатории КГУ (26), которые на основе новых данных подтверждают точки зрения В.Н.Логвина и Н.Н.Куминова о существовании двух типов памятников эпохи мезолита на территории края. На наш взгляд следует с осторожностью относиться к точке зрения об объединении памятников мезолитического времени Среднего Зауралья и Притоболья в одну культурную общность, предложенную В.С.Мосиным и Е.М. Беспрозванным. Однако в окончательной интерпретации культурной принадлежности мезолитических памятников Южного Зауралья еще рано ставить точку. Окончательный ответ на поставленные выше вопросы могут дать лишь дальнейшие археологические исследования.

Примечания:

1. Шилов С.Н. *История археологического изучения Южного Зауралья. Автореф. дисс. канд. ист. наук. Курган, 1997. С.65.*
2. Петрин В.Т. *Работы Курганского отряда // Археологические открытия-1973. М., 1974. С.169-170.*
3. Петрин В.Т., Смирнов Н.Г. *Палеолитический памятник Шикаевка на левобережье Тобола // Вопросы археологии Урала. Свердловск, 1975. Вып. 13. С.75.*
4. Абрамова З.А. *Поздний палеолит Азиатской части СССР // Археология СССР. Палеолит СССР. М., 1984. С. 310.*

5. Стоянов В.Е., Крижевская Л.Я., Старков В.Ф. Мезолитическая стоянка Сухрино-1 на Исети // *Археологические исследования на Урале и в Западной Сибири*. Свердловск, 1977. С. 72-84.
6. Шилов С.Н. *История археологического изучения...*
7. Матюшин Г.Н. Мезолит Южного Урала. М., 1976. С.161-164.
8. Там же. С 272-274.
9. Старков В.Ф. Мезолит и неолит лесного Зауралья. М., 1980.
10. Там же. С.30-36.
11. Зайберт В.Ф., Потемкина Т.М. К вопросу о мезолите лесостепной части Тоболо-Иртышского междуречья // *Советская археология*, 1981, № 3.
12. Там же. С. 107-113.
13. Там же. С. 124.
14. Крижевская Л.Я. Раскопки мезолитического поселения Ташиково-IV в лесном Зауралье // *Археологические открытия Урала и Поволжья*. Сыктывкар, 1989.
15. Там же. С.126-127.
16. Логвин В.Н. *Каменный век Казахского Притоболья (мезолит-энеолит)*. Алма-Ата, 1991.
17. Там же. С.3-10.
18. Там же. С.10.
19. Там же. С.10.
20. Куминов Н.Н. *Верхний палеолит и мезолит // История Курганской области (с древнейших времен до 1861 года)*. Курган, 1995. Т.1.
21. Там же. С.40-45.
22. Беспрозванный Е.М., Мосин В.С. К характеристике мезолита Южного Зауралья // *Новое в археологии Южного Урала*. Челябинск, 1996.
23. Там же. С. 19-38.
24. Сериков Ю.Б. *Геометрические микролиты Среднего Зауралья // Российская археология*, 1998, № 3.
25. Там же. С.117-124.
26. Шилов С.Н., Кайдалов А.И., Кочуров О.Н. *Работы Курганского педагогического института // Археологические открытия-1995*. М., 1996; Кочуров О.Н. *Новые мезолитические памятники на территории Курганской области // Материалы XXX Урало-Поволжской археологической конференции молодых ученых*. Самара, 1998.

ТЮРКСКАЯ ТОПОНИМИКА ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ

А.Ю.Рудаков (КГУ)

В данной статье мы рассмотрим интереснейший пласт топонимики нашего края. Речь пойдет о названиях тюркского происхождения, нашедших свое место на карте Зауралья. Многие из этих названий появились гораздо раньше, чем русские. Они являются необходимой частью нашей топонимики области и нуждаются в детальном изучении в ее контексте.

Формирование топонимической системы любого региона начинается с того, что впервые пришедшие сюда люди дают географическим объектам местности первые названия. В первую очередь названия даются водным артериям. Реки служат главными ориентирами для человека на местности, где еще нет не только дорог, но и каких-либо поселений. Поэтому именно их человек называл первыми.

После этого топонимическая система региона оформлялась на основе языка пришедшего народа. Названия давались более мелким объектам: небольшим речкам, озерам, поселениям; названия получали леса, овраги, возвышенности и т.д. Естественно, человек использовал для наименования объектов тот язык, на котором говорил.

С течением времени населявший местность народ переживал периоды подъема и упадка. По каким-либо причинам он мог уйти со своей территории или просто исчезнуть. В этом случае данные им названия забывались. Мог он также быть вытеснен и другим, более сильным народом. Тогда часть оставленной побежденными топонимии могла перейти в язык победителя.

В новом языке названия видоизменяются в соответствии с особенностями этого языка. Иногда к старому названию присовокупляется формант из нового языка. В любом случае, несмотря на то, что старая основа, «каркас» названия остался, само название в большей или меньшей степени было видоизменено.

Но идет время, и новый народ идет на смену старому. Снова заимствуются наиболее употребительные названия и снова они видоизменяются. И так может повторяться достаточно много раз.

В результате не только многократно, но и даже однократно заимствованные названия могут измениться до неузнаваемости. И объяснить их исследователю сейчас бывает крайне трудно, если не невозможно, особенно если первоначальный язык, на котором объект назывался ранее всего, исчез. Понятно, что в этом случае даже многократные заимствования не обязательны для того, чтобы «засекретить»

происхождение названия.

Начало формирования современной топонимической системы нашего края можно отнести к XV в., когда эти территории начали подвергаться экспансии башкир и татар (1). Именно они дали первым географическим объектам территории названия, многими из которых мы продолжаем пользоваться в настоящее время. Башкиры, татары, а позднее, в XVII в., в первой половине калмыки-торгоуты, а в конце – киргиз-кайсаки (казахи), ведя кочевой или полукочевой образ жизни, и, как следствие, не имея в большинстве случаев постоянных поселений, оставили после себя относительно мало названий населенных мест, а те, которые есть, как правило, либо являются антропонимами и имеют кроме тюркских основ русские форманты, либо даны по аналогии с расположенными рядом водными объектами или названиями родо-племенных групп. Как примеры первой группы можно привести Шарипово, Аскарново (Альменевский район), Бурматово (Сафакулевский). Примеры второй группы – села Ачикуль, Иткуль, Тебеньяк, получившие свои названия от названий водных объектов, город Китайск, название которого дано русскими, а происходит от большой родо-племенной группы башкир – **карай**. Самостоятельные тюркские ойконимы (названия населенных мест) встречаются гораздо реже. Зато в гидронимии тюркские языки представлены очень богато. Тюркские имена носит в Зауралье большинство рек, очень много озер.

Однако удовлетворительного объяснения происхождения некоторых названий крупных рек нашего края нет, особенно это касается крупнейших – Тобола и Исети. Возможно, связано это с тем, что названия были даны рекам народами, жившими здесь еще до того, как сюда пришли тюркские народы. Также вполне возможно, что эти названия были видоизменены ими до неузнаваемости, так что сейчас вообще трудно сказать, сможем ли мы когда-нибудь раскрыть окончательно загадку происхождения этих топонимов, даже с учетом того, что именно им топонимисты, изучающие гидронимию Урала и Зауралья уделяют наибольшее внимание и версий, объясняющих происхождение этих названий, больше всего.

Итак, при даже беглом взгляде на карту, можно увидеть, что удельный вес тюркских названий особенно высок в гидронимии. Тюркское происхождение имеют названия многих рек и озер в Зауралье. В большинстве случаев по форме эти названия изменились мало или не изменились, их оригинальное звучание сохранилось при переходе в русский язык.

Если рассматривать названия таких гидронимов, как Тобол, Исеть и Миасс, то выяснится, что различные исследователи трактуют происхождение этих названий по-разному, в том числе и из разных язы-

ков. Тезис о том, что эти названия действительно имеют тюркское происхождение, не бесспорен. В данной статье не ставится задача раскрыть полемику по данному вопросу. Поэтому мы перейдем к тем названиям, тюркское происхождение которых не вызывает или почти не вызывает сомнений. Начнем с названий зауральских рек.

Теча, река в Челябинской и Курганской областях, правый приток Исети. По поводу этого названия существует интересная версия, по которой оно восходит к татарскому *динче* – «верующий», «служитель культа», «религиозный» (можно сравнить также с башкирским *дин* – «религия», *динц* – «религиозный», «священный»). Дело в том, что в путевых записках путешественника XVIII в. И.П.Фалька указано, что Теча по-башкирски Динц, а в «Географическом лексиконе Российского государства» 1773 г. сообщается, что башкирское название этой реки – Тиннис или Тинс. (2)

Название реки **Уй** (левый приток Тобола) восходит к башкирскому и татарскому *уй* – «низина», «впадина», «долина» (3). В казахском языке есть слово *ой* с тем же значением.

Река в Звериноголовском районе **Алабуга**, правый приток Тобола получила свое название от башкирского слова *алабуга* – «окунь». Кроме того, существует тюркское личное мужское имя Алабуга. Названий с этим корнем в Курганской области несколько и все они (кроме вышеупомянутой реки) получили «в довесок» русские слова-определения: река и село Нижняя Алабуга, село Отряд-Алабуга, село Верхняя Алабуга и т.д. Здесь мы видим типичный и яркий пример того, как географическое название адаптируется и обогащается другим языком, в данном случае – башкирское название – русским языком.

Закончим рассмотрение тюркских названий рек названием небольшой речки **Ик**, левого притока Тобола. Оно также примечательно тем, что дало названия нескольким объектам в нашем крае (р. Малый Ик, с. Иковское, ст. Иковка). Происходит оно от тюркского *ык* – «течение». Все остальные названия происходят от этого и так или иначе с ним связаны.

Что касается тюркских названий озер, то многие из них строятся по следующему принципу: определение + подлежащее. Чаще всего в качестве последнего выступают основы *куль* – озеро и *су* – вода. Хотя возможны и другие варианты.

Разберем несколько примеров. Название озера **Иткуль** в Каргапольском районе буквально переводится как «мясное озеро» (башкирское *ит* – «мясо» и *куль* – озеро). Говорит оно о том, что озеро богато рыбой. Народная этимология – «собачье озеро» (башкирское *эт* – «собака»). **Аккуль** (озеро в Частоозерском районе, есть названия-«двойники» на Урале и в Казахстане) – из башкирского *ала* – пес-

трый и знакомого нам **куль**. **Балакуль** (несколько названий в Лебяжьевском районе) – первая часть названия – башкирское **бала** – «ребенок» (в значении «маленький») или **балык** – «рыба». **Турналыколь** (озеро в Альменевском районе) – казахское «журавлиное озеро».

Как видим, примеров названий озер с основой **куль** (или казахским **коль**) очень и очень много. Их можно привести еще больше. Но есть и другие, не менее красивые названия. На территории Южного Зауралья есть несколько весьма поэтичных названий с основой **тибис** – «зеркало». **Куктибиз** (Щучанский и Сафакулевский районы) – «синее зеркало» (башкирское **кук** – «синий»), **Карагайтибиз** (Сафакулевский район) – «зеркало, [в которое смотрится] сосна (**карагай** – «сосна»). Правда, в последнем случае возможно и другое толкование – «[озеро] голый сосны», так как **тибис** – это еще и «голый» (здесь в значении «одинокий»), но оно менее вероятно, так как в тюркских названиях определение, как правило, стоит перед подлежащим.

Также среди тюркских названий озер следует отметить такие, как: **Кокшар** (Макушинский район), происходящее из башкирских слов **кок** (**кук**) – «синий» и **шар** (диалектное) – «топкое болотистое место, заросшее густым тальником и камышом», **Ачикуль** (Белозерский район) – из диалектного татарского **ачи** – «светлый» и **куль** – «озеро», **Калтык** (Лебяжьевский район) – вероятно из башкирского **калды** – «оставить, покинуть», **Еланач** (Макушинский район) – наиболее вероятно – из башкирского **елан** – «змея» (возможны и другие версии) и многие другие.

Отдельно следует остановиться на названиях с основой «карась». Таких множество у нас как среди озер, так и среди населенных пунктов. Можно предположить, что многие названия типа Карасье, Караси, Карасинское и т.д. являются переосмыслением тюркского **карасу** – «черная вода». Тюркское словосочетание было заменено близким по звучанию русским.

В заключение остановимся на тюркской ойконимии Южного Зауралья. Тюркские названия населенных пунктов отличаются тем, что, как правило, тюркские основы названий «разбавлены» русскими аффиксами **ово** (**ево**), **ка** и т.д. Однако есть и такие, которые сохранили свое первоначальное оформление. Как примеры можно привести два названия сел в Мишкинском и Шадринском районах: **Кокуй** и **Юлдус**. Первое происходит из тюркских слов **кок** – «синий» и **уй** – «долина», «низменность», т.е. «синяя долина». Село находится рядом с болотом и озером, следовательно, там нередки туманы, отсюда и название. Юлдус же восходит к **жулдуз** (**юлдус**) – «звезда». Есть и личное имя Юлдус.

Но, как уже было сказано, как правило, тюркские названия насе-

ленных мест испытали на себе влияние русского языка. Мы видим это на примерах названий Сафакулево, Танрыкулово, Мурзабаева, Сунгурова и многих других (подчеркнуты русские аффиксы). Да и рассматриваемые нами ранее названия Верхняя Алабуга и Нижняя Алабуга также относятся к этой группе. Можно даже говорить о том, что эти названия нельзя однозначно отнести к тюркской топонимике, скорее это переходные топонимы с тюркскими корнями. И таких названий гораздо больше, чем тех, которые свою структуру не изменили.

В данном случае мы не наблюдаем процесс вытеснения одного языка другим, несмотря на то, что русский язык в Зауралье давно господствует. Здесь нужно говорить о взаимопроникновении, контактах одного народа с другим, причем мирных, а не военных, так как в последнем случае местные названия, как правило, сметаются с территории вслед за побежденными, что, без сомнения, имело место, в том числе и у нас: на севере области переходных названий гораздо меньше, чем на юго-западе!

Топонимика нашего края достаточно самобытна и достаточно исследована. Попытка углубиться в сущность географических названий Зауралья открывает перед исследователем причудливые переплетения языковых культур живущих или живших здесь народов, слова, дошедшие до нас из не существующих уже языков и диалектов, людей, чьи имена навеки сохранили для потомков названия, историю, выразившуюся в топонимике. А главные успехи молодой и интересной научной дисциплины еще впереди.

Примечания:

1. *История Курганской области (с древнейших времен до 1917 года)*. Курган, 1995. Т.1. С. 103.
2. *Матвеев А.К. Географические названия Урала*. Свердловск, 1980. С. 245-246.
3. *Там же*. С. 260.

АДМИНИСТРАТИВНАЯ СФЕРА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ЗАУРАЛЬЯ: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ

М.Ф.Ершов (КГУ)

Изучение колониционных процессов требует от историков решения ряда проблем. Почему на осваиваемых территориях формируются те или иные социальные структуры? От чего зависит складывание и воспроизводство местной сферы управления? Эти и другие вопросы предполагают комплексное рассмотрение исторического прошлого с учетом социокультурных реалий и внутренней политики государства.

Несомненно, что в предельном обобщении усилия государства сводятся к созданию условий для непрерывности своего существования, к поддержанию и упрочению своего статуса. Конкретная историческая, географическая и социальная ситуация («когда», «где» и «как») усложняет реализацию программы, придает ей специфику и местный колорит.

Применительно к Зауралью на разных этапах его колонизации в сфере управления доминировали неодинаковые группы факторов, обуславливающих принятие тех или иных решений. Начнем с того, что не существовало фатальной предрасположенности вхождения в состав России крупнейших территориальных массивов, находящихся в восточнее Уральского хребта. «Ничто не мешало Ермаку учредить в Сибири порядок, отвечавший вековой мечте народа о воле, - замечает Р.Г.Скрынников, - вместо этого казаки, став властью, стали управлять именем царя, привели местное население к присяге на государево имя и обложили его государевым налогом - ясаком» (1).

Отвлекаясь от анализа вероятных исторических сценариев, все же заметим, что могла быть реализована одна из возможностей автономного существования Сибири в рамках Российского государства. Подобно Дону, Яику или Украине после 1653 г. , Сибирь вполне могла обрести некоторую самостоятельность, находясь под эгидой Строгановых, Ермака или казачьего круга. Но даже и при формальном беспрекословном подчинении Москве сибирские воеводы обладали немалой спесью и неоднократно претендовали на независимость в решении местных вопросов (2). За Уралом люди чувствовали себя более свободно по отношению к государству и, в то же время, уклонялись от активного противостояния его институтам.

Чем же были вызваны неразвитость казачьих традиций, внешняя покорность властям наряду с сохранением чувства собственного достоинства? Причин здесь множество. И Зауралье, и Сибирь заселялись в массе своей выходцами с русского Севера. Черносошные крестьяне Поморья не знали ужасов ордынского ига, практически не страдали от помещичьего гнета. Суровая природа и малоплодородные почвы содействовали консервации коллективных форм жизнедеятельности, неразвитости личностного начала. Противоречия с государственной властью снимались не только через социальные конфликты, но и посредством колонизации. По мнению В.О.Ключевского: «Московский народ выработал особую форму политического протеста: люди, которые не могли ужиться с существующим порядком, не восставали против него, а выходили из него, «брели розно», бежали из государства» (3). Данное положение не могло не учитываться и государственной администрацией. В своей практике она постоянно сталкивалась с угрозой уменьшения числа подданных. С одной стороны - это вело к неэффективной работе властных институтов, с другой - многие проблемы решались не в соответствии с законом, а исходя из местных реалий, «неформально». Особенностью Севера Приуралья и Зауралья было то, что природа здесь могла прокормить лишь ограниченное число жителей. Отсюда - чрезвычайно малая плотность населения и его мобильность.

Все это непосредственным образом сказывалось и на процессе формирования управленческих структур. «Если поверить наивным - для нашего компьютерного века - рассуждениям европейских философов XVIII в., то гражданское общество успешно складывается там, где сформировалась его ячейка, состоящая из земледельца, ремесленника, торговца и управляющего - «менеджера», которые в хозяйственном и социальном плане нуждаются друг в друге. Но у нас в России такой органической ячейке было трудно сложиться, ибо при наших просторах каждому из указанных участников - строителей будущего общества приходилось в прямом и переносном смысле слова гоняться друг за другом на необъятных просторах Российского государства», - считает Д.Я.Резун (4). Кратковременность, необязательность социальных контактов препятствовали налаживанию устойчивых связей и правил поведения, традиций. Отсутствие стабильной основы, да еще многократно усиленное традиционалистическим менталитетом вело к многочисленным служебным злоупотреблениям и даже преступлениям на местном уровне. Такое положение было особенно характерно для начальных этапов колонизации Зауралья. Например, в 1621 г. в грамоте царя Михаила Федоровича архиепископу Киприану, приводятся сведения о нехватке и бедности духовенства в Сибири,

о притеснениях воевод, подъячих и других неправдах. Приведем отдельные положения из этой грамоты: «А по которым городам ты ехал и попов видел, и по городам попы воры и бражники, да и быть им нелзе, только быть им по велекой нужы, что переменить нечем (...) А люди самовольные живут // у приказных людей не в послушаньи. А приказные люди им примани дают для своего прибытка, а правым обычаем ничто не делаеца, как на Руси в ьных городах ведетца у приказных людей на ряд. А у посатских людей послушанье с ним. А толке с обеих сторон теснят татар и вагулич, и остяков со всяких промыслов и в рыбных ловлях. И хто что продаст и купит пошлину емлют великую, не как на Русе. Да и черным людям и пашенным крестьяном та ж теснота великая во всех городех, // бьют челом и плачютца, а помилovati некому от силних людей (...). Да в Сибири ж дети боярские и казаки, и воевотские люди изо всех городов ездят и подводы у татар и у остяков, и у вагулич емлют без наказов самовольством, хто куды ни поедет для своего дела. И запасишка у них грабят, // и подводы проводят. А где подвод нет, и они у татар и остяков, и у вагулич емлют в проводники жон их и безчестят, позорят жон их и девок и спят с ними. И им от того от них насильство великое (...) И толмачев воеводы выбирают по себе для своего пристрастия. И всякое насильство чинитца от толмачев вместе с ними и продажа. И татаровья и вагуличи, и остяки воеводам бьют челом и приводят иных толмачей новых. И воеводы новых толмачей не поставят, а старых не отставят. И те все люди говорят от насильства недобро. А иные многие, дома свои покиня, // разбежались в дальние места. И с тех з беглых людей и ясаки на них же легли, и подводы. И они о том добре скорбят. А иной татарин новокрещен, покиня жену и двор, изменил, збежал в калмаки. Да приходили к тебе московские и устюжаны, и пермичи, и вятчяны, и вычегжяны, и многих разных городов торговые люди и били челом на воевод. А сказывают, что во всех городех, из Монгазеи едучи, от воевод им задержанье великое и продажа чиница. В Монгазее десятую пошлину они дают, // а из Монгазеи, едучи до Березова, и на Березове и в Тоболску, и на Тюмени, и на Япанчине, и на Верхотурье, и у Соли Камския, и у Соли Вычеготские товары у них распечатывают и пересматривают, и что де лутчие и те выбирают на себя. И во всяком городе задержанье им, живет по месяцу и болши. И в том чинятца им проести и убытки великие, и пошлину приметную емлют велику же. А сказывают, будто тое пошлину емлют на них на нас. И им вперед от воевотских насильств // и от продажи, и от задержанья в сибирские города ни с какими товары ездити невозможно.

Да в сибирских же городех подъячие живут годов по дватцети и болши. И живучи забогатели, дворы и деревни поставлены у них бол-

шие. А воевод во всех сибирских городех подьячие не слушают и всякое насилство всем людям чинят, и смута от них» (5).

Развернутая картина служебного хаоса и беспорядков, приведенная в документе, фактически является программой столичных властей по наведению порядка на окраинах страны. И, обратим внимание, адресовалась она не воеводам, а духовному лицу. Сделано это было далеко не случайно. Первые десятилетия после Смутного времени, воспринимаемого современниками как божья кара за совершенные грехи, молодость царя и властность его отца-патриарха Филарета, а также боязнь новой гражданской войны невиданно возвысили церковный авторитет. В зауральской глуши данные тенденции проявлялись определеннее, чем в центре страны. Исследователи уже давно обратили внимание на гипертрофированную роль церкви в Сибири. По справедливому замечанию Н.Н.Покровского: «Специфика Сибири лишь усиливала во вновь колонизируемом отдаленном крае необходимость для центральной власти использовать в своих целях епархиальную церковную организацию, особенно доверенное лицо государя - архиерея» (6).

Смещение функций духовных и светских властей (причем первых за счет последних) объясняется, по нашему мнению, в основном тем, что у государства отсутствовали иные действенные возможности для наведения порядка. В начале XVII в. человек, прибывший за Урал, утрачивал прежние социальные связи и погружал себя в стихию колонизационной горячки. Возможность быстрого обогащения в обстановке почти полной безнаказанности гарантировалась зачаточным состоянием органов государственной власти, дефицитом людских ресурсов, когда каждый человек, вне зависимости от его морального облика, оказывался для власти и общества буквально «на вес золота».

Острая нехватка людей, в свою очередь, вновь вела к разгулу аморализма и пренебрежению к законам. Нередко это приобретало самые причудливые формы. «Да сибирские ж казаки, будучи на Москве и по городом, и как назад поедут, подговаривают жонок и девок. А подговариваючи, знаменуютца им образы, что им понятия их за себя, и держат их, что протчих жен своих. А привезчи их, в Тобольску продают воеводам и литве, и немцом, и тотаром и пашенным крестьянам в работу» (7).

Архаизация быта и нравственных устоев, их деградация, падение до уровня язычества, объективно вызывали потребность в административных действиях церкви, в использовании ее как третьей стороны, наделенного чрезвычайными полномочиями. Нельзя не учитывать и то, что высшие церковные иерархи, принадлежа к черному духовенству, в принципе не были ориентированы на личное обогаще-

ние. В любом случае, частичное использование государством церковных институтов как органов административного управления являлось ситуационным, было вынужденной мерой. Яркий тому пример - начатое в 1713 г. строительство каменных стен вокруг Далматовского монастыря. Каменное, да еще церковное строительство вне Петербурга в эпоху Петра Великого, не отличавшегося особой набожностью, было вызвано оборонительным значением монастыря, который служил оплотом от башкирских набегов (8).

Успешное создание системы управления в условиях феодального общества было невозможно без сословной дифференциации. Принцип «divide et impera» в условиях феодального общества осуществлялся буквально. Уже в вышецитированной грамоте Михаила Федоровича архиепископу Киприану явно прослеживается разница интересов между теми или иными группами населения (русские переселенцы - абorigены; воеводы - торговые люди и т.д.). Властям требовалась регламентация обязанностей для подчиненного населения и возможно быстрое его распределение по сословным группам.

Грубые материальные интересы и архаизация культуры, при отсутствии ее внешних утонченных слоев, отодвигали идеологические пристрастия на второй план. На ранних этапах колонизации Зауралья место человека в сословной иерархии определялось не только происхождением, но и способностью выполнять конкретные социальные функции, степенью полезности. Максимально прибыльной для властей была охотничье-промысловая деятельность абorigенов, точнее говоря, добыча пушнины. В середине XVII в. среднегодовая добыча соболя составляла 145 тыс. штук ежегодно. Пушнина давала 20% доходной части бюджета России (9). Неудивительно, что государство вполне толерантно относилось к некрещеным абorigенам, проявлявшим склонность к «измене» и «шатости». Гигантская прибыль от сбора ясака с лихвой компенсировала нарушение привычных социальных норм. Так, в грамоте Бориса Годунова в Туринск голове Федору Фофанову от 30 августа 1601 г. указывалось: « По нашему указу во всех Сибирских городех воеводам и головам велено беречи того накрепко, чтоб сибирские земли ясашным людям насильства и убытков и продажи ни от кого не было, и ясаков бы лишних с них не имати, и вновь за посмех не прибавливать, и во всем им велено льготить. А велено им на нас ясак имать рядовой, как кому можно заплатить, смотря по вотчинам и по промыслам. А на кого будет ясак положен тяжел, не в силу, и вперед им того ясаку платить немочно, и того велено сыскивать, да будет ясак положен не по делу, и в том им тягость, и им в ясаке велено льготить. А бедных людей, кому платить ясаков немочно, и с тех ясаку имать не велено, чтоб им сибирским

всяким людям ни в чем нужи не было, и жили бы Сибирские земли всякие люди в нашем царском жалованье во всем в облегченье и в покое и в тишине безо всякого сумнения, и промыслы всякими промыслили и детей своих, и братью и дядь и племянников, и друзей на наше царское милосердие отавсюду призывали в городех юрты и в уездех волости полнили» (10).

Легко заметить, что политика Москвы оказывалась прямо противоположной устремлениям сборщиков ясака на местах. Столичные власти планировали политику, исходя из долгосрочных перспектив. На местах же пушнина изымалась самыми варварскими способами. И все же, «лобовое» противопоставление гуманной политики царизма и преступного корыстолюбия местных воевод, приказных людей, казаков вряд ли оправдано. Москва была заинтересована в регулярном поступлении пушнины и в упрочении своей власти на периферии государства. Для первого требовались добытки пушнины (аборигенное население) и сборщики ясака, причем на первых порах такие сборщики, которые бы обеспечивали себя сами. Казаки для этой цели подходили идеально. Для последнего, для упрочения своей власти, требовалось поддерживать обстановку относительной нестабильности и конфликтов. Стравливая аборигенов и местные власти и провоцируя воевод на правонарушения, Москва брала на себя функции верховного арбитра и всегда имела законную возможность пресечь излишнюю самостоятельность местных администраторов.

Эффективная конфискация «мягкой рухляди» сталкивалась со множеством препятствий. Одно из них - непомерные транспортные расходы по доставке припасов и особенно продовольствия для отдаленных гарнизонов. Все происходило точно по пословице: «За морем телушка, цена - полушка, да рубль перевоз». Попытки решить продовольственную проблему на местах обострили интерес к землям Южного Зауралья. Освоение территорий в бассейнах рек Пышмы, Исети, Миасса и среднего течения Тобола было выгодно как для казны, так и для русского земледельческого населения. Правительственная и вольнонародная ветви колонизации здесь, также как и на севере, органично дополняли друг друга.

Для земледельческого освоения Южного Зауралья требовались человеческие ресурсы. Острая нехватка в людях решалась уже апробированными способами. Правительство особо не утруждало себя поиском сведений о сословной принадлежности переселенцев и сквозь пальцы смотрело на нарушения закона. Главное - заполучить рабочие руки, а упорядочение сословной структуры и укрепление власти государства на местном уровне отходило на второй план.

Минимализация всех казенных расходов вела к тому, что местное

управление на новоосвоенных землях фактически формировалось «снизу», но под эгидой государства. На уровне отдельного селения и примыкающей к ней округи, связь между государством и крестьянским миром осуществляло компромиссное должностное лицо - слободчик. Он отвечал за оборону подведомственной территории, формировал воинские силы слободы, организовывал сельскохозяйственное производство, собирал таможенные пошлины, следил за порядком. Слободчик был обязан контролировать и процесс застройки слободы: «А под дворы места давать против тобольских жителей по пятнадцати сажен, а по перешнику по осьми сажен». Довольно мелочная опека, но вполне характерная для эпохи феодализма. В реальности же, на наш взгляд, эта опека не всегда имела место в действительности, так как общая атмосфера «захватного» земледелия и освоения рождала определенный тип людей, которые не всегда считались с установленными формальными рамками, это относится и к слободчикам, тесно связанным с крестьянской средой (11).

Унификация и нерасчлененность множества обязанностей частично сближала слободчика со служилой мелкотой, с людьми «по прибору», а еще больше - с руководителями первопроходцев - казачьими атаманами. И те, и другие обладали самостоятельностью, умением проявлять инициативу, компетентностью в военном деле. Существовали, однако, и различия, причем значимые. Согласно стандартной формуле слободчик призывал на новое поселение «гулящих и других вольных добрых людей, которые были бы не воры, не зернишники, и не бражники, и не беглые, и не тяглые иных городов и слобод люди и пашня б им была за обычай» (12). При анализе данного фрагмента наказной памяти на основании Шадринской слободы допустимо выделить два компонента. В одном из них сосредоточены правовые ограничения, которые слободчик, при определенных обстоятельствах, фактически мог и проигнорировать, невзирая на нарушение инструкции (юридическое положение новоприбывших). В другом же компоненте рассматривались реальные умения и навыки переселенцев. В условиях постоянной военной опасности, в малолюдном поселении, где каждая пара рук была на счету, содержать откровенно антисоциальные элементы тех, кто не умел крестьянствовать, кому пашня не «была за обычай», оказывалось непозволительной роскошью.

Вышеизложенное не опровергает фактов острых столкновений в переселенческой среде. «Грубость нравов», разумеется присутствовала, но эти конфликты уже не угрожали существованию самого микросоциума (13). Взаимоотношения в среде переселенцев отличались наличием ряда архаических черт, присущих догосударственной эпохе. Так, казачество ориентировалось на волю, бесшабашную удаль,

декларировалось пренебрежение к работе и скопидомству. Оно стремилось записаться на государеву службу и получать жалование, а не нести тягло. Следует однако заметить, что формирование казачества Зауралья и Сибири находилось под эгидой государства, в силу чего роль этого сословия была ограничена (14).

Основой существования переселенцев было пашенное земледелие, крестьянская жизнь в самом широком понимании. Тяга к оседлости, стабильности, комфорту сочеталась у крестьян с ярко выраженной ориентацией на земледельческий труд. По сравнению с казачеством крестьянство Зауралья экономически было более независимо от государства, но нуждалось в его защите. Земледельцы мирились с отчуждением части сельскохозяйственной продукции в пользу государства из-за выполнения последним управленческих и военных функций. При этом во взаимоотношениях с властью земледельцы предпочитали обходиться без лишних посредников, быть сразу «за великим государем» (т.е. числиться в сословии чернососных, а позднее - государственных крестьян). Социокультурный отбор на самостоятельное существование и дистанцирование от вмешательства в государственные дела был оптимальным на начальных этапах колонизации Северного, а затем и Южного Зауралья.

В последующие времена обстановка изменилась. С одной стороны, уменьшилась военная опасность и, соответственно, заинтересованность крестьянского населения в деятельности государственной администрации. С другой - в условиях усиления абсолютистских тенденций возросла мощь управленческих структур и их стремление к регламентации всего и вся. Колонизируемое Зауралье оказалось ареной ожесточенной борьбы между силами народного «низового» традиционализма и столичным военно-полицейским рационализмом, деформированным обыденностью провинциальной жизни (15). В наиболее острой форме данное противоречие реализовалось во второй половине XVIII - первой половине XIX вв. Однако данный вопрос требует особого рассмотрения и выходит за пределы настоящей статьи.

В начальный период колонизации, сфера действия твердой государственной власти нередко ограничивалась стенами острогов. Применительно к просторам Зауралья «механизмы» управления концентрировались в немногих численно ограниченных центрах. Не была четко отлажена система иерархического соподчинения административных органов. Утверждение о том, что Зауралье является воротами в Сибирь, уже давно стало общим местом в исторической науке. При этом в неполной мере исследован вопрос «из каких ворот», с каких направлений и из каких управленческих центров осуществлялось заселение самого Зауралья. Сей непростой вопрос обычно под-

меняется изучением того, из каких местностей прибыли переселенцы, откуда они родом.

Регион, вытянутый в меридиональном направлении, лежал поперек колонизационной волны. Подобно вехам на столбовом пути в Сибири отстраивались новые города. Впоследствии многие из них стали центрами уездов. Такими городами были Верхотурье, Туринск, Тюмень, Тобольск. Для Зауралья из перечисленной четверки наибольшее значение имели Тобольск и Верхотурье. Первый город выступал в качестве столицы всей Сибири, второй, опять же для всей Сибири, исполнял функции таможни на границе с Европейской Россией. С ростом населения и присоединением новых территорий уездных городов, увеличивалась доля управленческих функций. Происходило пространственное расширение зоны административной ответственности у зауральских городов. Власть «двигалась» с севера на юг несколькими извилистыми потоками, чья «сумма векторов» была перпендикулярна основному направлению русской колонизации.

Воеводы в зауральских городах ревниво следили за успехами друг друга на дальней периферии своих владений. Вторжение в чужую сферу нередко вело к конфликту между воеводами. XVII век отмечен рядом столкновений между верхотурской и тобольской администрациями. Так, в 1662 г. возник вопрос, чьи приказные будут собирать налоги с поселений «по Исете реке». Претендентов оказалось двое : приказчик Исетского острога Давыд Андреев и приказчик Катайского острога Илья Бакшеев. Первый был из недавно отстроенного Исетского острога (1650 г.), входившего в состав Тобольского уезда, второй - из недавно отстроенного Катайского острога (1655 г.), в свою очередь, числившегося за Верхотурским уездом. Верхотурские власти пошли на попятный, а в 1668 г. Катайский острог и вовсе был передан в ведение тобольских воевод (16).

Хотя Верхотурье и уступило, это не стало последним территориальным спором между уездами. В 1666-1667 гг. на речку Камышевку, недалеко от Терсютской слободы в низовьях Исети, прибыла группа крестьян, посланных верхотурским воеводой Колтовским. Годом позднее сюда же прибыли крестьяне, посланные тобольским воеводой Годуновым. Верхотурцы встретили тобольских крестьян в колья, дело дошло до топоров. Это и другие происшествия довели ссору воевод до апогея. Годунов отправил под Верхотурье стрелецкого сотника Владимира Клепикова с тобольскими стрельцами, который в течении двух месяцев стоял там, чтобы перехватить Колтовского, когда он поедет из города, сдал дела новому воеводе (17).

Вышеизложенные чрезвычайные происшествия были спровоцированы не только слабостью центральной власти в краях за Уральским

хребтом и местническими дрязгами воевод-«игемонов». Этому также содействовали и региональный геополитический расклад, общий рисунок местных силовых линий колонизационных процессов в Зауралье, особенно в южной его части. Первые шаги по заселению Южного Зауралья преследовали решение совершенно конкретной задачи - прикрыть, хотя бы отчасти, Тюмень и прилегающие к ней местности от набегов кочевников. С юго-запада захватчики прорывались в междуречье Пышмы и Исети, прорывая слабую оборону русских. Для предотвращения внезапных ударов тюменский воевода в 20-е гг. XVII в. учреждает несколько застав-постов, под прикрытием которых основывались и деревни. Заставы располагались на притоке Исети речке Кармаке (ныне Ирюме), затем сместились юго-западнее к следующим исетским левобережным притокам: речкам Мостовке, Терсюку и далее (18). В 70-80-е гг. от устьев к истокам шло заселение междуречья Исети, Миссы и Тобола, то есть по-прежнему в юго-западном направлении. Разумеется, что в те времена веер пространственных перемещений был значительно сложнее и обширнее предложенной здесь схемы.

Для понимания действия управленческих механизмов важно другое. Будучи «стыковым» регионом, Зауралье заселялось с нескольких направлений. Соответственно, группировались и административные центры. На севере они располагались в направлении на юго-восток вдоль знаменитой Бабиновской дороги (Верхотурье, Туринск, Тюмень, позднее - Ирбит). На юге рисунок колонизации был иным, его конфигурация отличалась особой сложностью. Навстречу русской переселенческой волне (направление с севера-востока на юго-запад), двигался башкирский колонизационный поток. Вопрос о владении землей стал одним из центральных в Южном Зауралье. Он также определял и мотивы башкирских восстаний. Например, в мае 1709 г. во время нападения на Крутихинскую слободу один из предводителей восставших подъезжал к стенам острога и кричал русским: «То де все наша земля Башкирская» (19). Кроме башкирских восстаний обстановка осложнялась постоянными набегами кочевников с юга.

В итоге Южное Зауралье оказалось ареной ожесточенных межэтнических столкновений. В XVII в. существовала реальная опасность консолидации всех антирусских сил. Местное аборигенное население сохранило память о независимом Сибирском ханстве, а потомки чингизида Кучума изо всех сил подогревали реваншистские настроения. Угроза распространялась не только на южные территории, но и на Зауралье в целом. Например, башкирские восстания 1662-1664 гг. поддерживали некоторые калмыцкие тайши (Дайчин и Аюка), сибирские царевичи кучумовичи (Кучук и Абугай, внуки хана Кучума), ясачные татары и манси (20).

Эта и подобные ей коалиции были непрочными, временными образованиями, что, в конце концов, и предопределило их поражение. Но произошло это не автоматически, а в результате долговременных административных усилий российских государственных органов. Однако, разнонаправленность переселенческих потоков, отсутствие «постоянного» противника («воровство и шатания» сменялись периодами покорности), усложняли военно-политическую обстановку в Зауралье и особенно в южной его части. Нередко анализ непростой геополитической ситуации были способны осуществить только вышестоящие власти, вплоть до столичного уровня. Это предполагало управление Зауральем извне - из Москвы (позднее - из Санкт-Петербурга), Казани, Уфы, Тобольска, Оренбурга, Перми. С другой стороны, для эффективности работы на местах требовалась пространственная близость к объекту опеки. На низовом уровне власть тяготела к подчиненным территориям.

Данные обстоятельства содействовали перемещениям старых управленческих центров и образованию новых. Бюрократические перетряски зауральских уездов продолжались с XVII по конец XVIII вв. Отсутствие стабильности и неизбежный произвол вновь учреждаемых и ликвидируемых административных органов также подрывали авторитет чиновничьей власти на местах, провоцировали регенерацию догосударственных начал. Однако, «запуск» этих процессов был возможен, как указывалось выше, не сразу. Прежде должна была сложиться традиция отчуждения от властей, стереотипы восприятия чиновничества как вредной и бесполезной социальной прослойки. Немалая заслуга в неосознанном насаждении подобных убеждений принадлежала Петру Великому (21).

В начальный же период колонизации, в конце XVI и большей части XVII вв. в Зауралье сфера управления находилась в стадии становления. Неразвитость государственных институтов отчасти компенсировалась инициативой переселенцев (разведка новых земель, сбор ясака, военное дело, хозяйственное освоение, местное самоуправление и т.д.). Непростая обстановка в колонизируемом крае вынуждала государственную администрацию смотреть сквозь пальцы на явные и скрытые нарушения существующего порядка. В целом, и власти, и население находили точки соприкосновения своих интересов. Пресечение тяжких правонарушений, оборонительные мероприятия, организация и упорядочение духовной и социальной жизни, сбор ясака, хозяйственное освоение новых территорий - эти и другие задачи объединяли управленцев и управляемых. Сочетание общероссийских и местных интересов содействовало упрочению Зауралья как неотъемлемой части территории России. Благодаря энергии пере-

селенцев, их бесстрашию и трудолюбию, исторические закономерности пролагали себе путь в хаосе случайных и второстепенных событий.

Комплексный анализ складывания административной системы в Зауралье выводит исследователей на ряд проблем не только чисто исторических и правовых, но, отчасти, культурологических и геополитических. Все это усложняет процесс познания исторического прошлого. На сегодняшний день на многие вопросы возможно дать лишь предварительные ответы, свидетельством чему и является настоящая статья.

Примечания:

1. Скрынников Р.Г. *Экспедиция в Сибирь отряда Ермака*. Л., 1982. С.26.
2. Шашков А.Т. *На службе государевой // Очерки истории и культуры города Верхотурья и Верхотурского края (К 400-летию Верхотурья)*. Екатеринбург, 1998. С.40-45.
3. Ключевский В.О. *Русская история. Полный курс лекций в 3-х кн.* М., 1995. Кн.2. С.170.
4. Резун Д.Я. *Может ли Россия построить открытое общество? (историко-культурный аспект)*. М., 1997. С. 8.
5. *Тобольский архиерейский дом в XVII веке*. Новосибирск, 1994. С.179-180.
6. Там же. С.20.
7. Там же. С.196.
8. Плотников Г.С. *Описание мужского Далматовского Успенского общежительного третьеклассного монастыря и бывшего приписным к нему женского Введенского монастыря (Екатеринбургской епархии, Пермской губернии)*. Екатеринбург (репринтное издание без выходных данных). С.63; Кондрашенков А.А. *Крестьяне Зауралья в XVII-XVIII вв.* Ч.1. *Заселение территории русскими*. Челябинск, 1996. С.93.
9. Алексеев В.В. *Природные богатства востока России в геополитическом аспекте // Россия и Восток: проблемы взаимодействия*. Тез.доклад. Ч.1. Челябинск, 1995. С. 5.
10. *На стыке континентов и судеб (Этнокультурные связи народов Урала в памятниках фольклора и в исторических документах)*. Ч.1. Екатеринбург, 1996. С. 78-79.
11. *Более подробно об этом: История Курганской области (с древнейших времен до 1861 г.)*. Т.1. Курган, 1995. С.172-173.
12. *Хрестоматия по истории Курганской области (досо-*

ветский период). Курган, 1995. С. 8-9.

13. См., например: *Допросные и ответные речи в Шадринской судной избе по разным делам 1677-1678 (Отрывок из: Дмитриев А. Пермская старина. Сборник исторических статей и материалов преимущественно о Пермском крае. Вып.VIII)/Шадринская старина. 1996. Краеведческая хрестоматия (вторая половина XVII - первая половина XX вв.). Шадринск, 1996. С. 31-32.*

14. См.: *Петров В.И. К вопросу о социальном происхождении сибирского казачества (XVIII - первая половина XIX вв.)//Экономика, управление и культура Сибири XVI-XIX вв. Материалы по истории Сибири. Сибирь периода феодализма. Вып.2. Новосибирск, 1965. С. 201-217.*

15. *Данная проблема исследована достаточно основательно: Пихоя Р.Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII-XVIII вв.). Раздел: Кризис традиционных представлений крестьянства Урала о взаимоотношениях с властями Российского государства в конце XVII в. Свердловск, 1987. С. 30-61.*

16. *Хрестоматия по истории Курганской области... С.6-8; История Курганской области. Т.1. С.117-118; 166-168.*

17. *Чернышев С.Ф. Наш край; Шашков А. На службе государевой... С. 45.*

18. *Чернышев С.Ф. Указ.соч. С. 3-4.*

19. *История Курганской области. Т.1. С. 105, 108.*

20. *На стыке континентов и судеб... С. 88, 104-108.*

21. *См.: Акишин М.О. Полицейское государство и сибирское общество. Эпоха Петра Великого. Новосибирск, 1996.*

СТРОИТЕЛЬСТВО ВООРУЖЕННЫХ СИЛ НА ЮГЕ ЗАУРАЛЬЯ

(50-е гг. XVII — 20-е гг. XVIII вв.)

В.Д. Пузанов (КГУ)

Усиление русского влияния на юге Зауралья в форме массового строительства укреплений как движущей и направляющей силы русской колонизации не могло иметь долговременного успеха без создания на месте воинских формирований в связи со спецификой пограничного положения региона. В качестве основы для строительства вооруженных сил Южного Зауралья администрация Сибири использовала контингенты городов ранней колонизации южной Сибири, в уездах которых находились угодья Зауралья. В 1649 г., по требованию царского указа о строительстве новых крепостей в Сибири, воевода города Тобольска В. Шереметев предписал воеводе Верхотурья Р. Всеволожскому отправить на построение «нового острога» по р. Исети конного казака Давыда Андреева с 20 стрельцами Верхотурья, а также 50 крестьян Ирбитской, Ницынской, Белослудской и Туринской слобод с лошадьми и инструментом (1). Официально статус беломестных казаков в качестве гарнизона новопостроенного острога был утвержден 20 марта 1657 г., когда воевода Верхотурья выделил сюда 30 казаков с семьями. Отношения их с администрацией были сложными. В 1661 г. Илья Бакшеев сообщал воеводе Верхотурья Ивану Камынину, что «... в Китайском же остроге Ондрей Липин, а сказывается атаманом казачьим катаяских беломестных казаков, а приходит ко мне в острог с большим невежеством и з шумом и на казаков мечется с ослопы, а называет себе их полчанами, а имени его у мене нет в наказе и кликовом списке». А. Липин владел пашней под Китайским острогом и деревней на Калмацком броду, где у него были «роспаша большие»(2), без сомнения он и являлся атаманом казаков, претендовавшим на земли Исетского монастыря. Впрочем, его статус в качестве атамана казаков признавался администрацией Верхотурья, 22 сентября 1656 г. по случаю перекрытия дорог на Казань воевода Иван Хитрово приказал «на заставах жить с великим бережением», наряду с Пышменским острогом и Новой Чусовской слободой, в Исетский острожек «к Верхотурскому сыну боярскому Григорию Лимареву да слободских беломестных казаков к атаману Андрею Липину» (3). К 1660 г. по разрешению администрации Верхотурья в Приисетье между Исетским и Китайским острогами возникли 3 слободы – Мехонина курья, Барнево и Царево Городище.

Башкирское восстание 1662 – 1664 гг. нанесло значительный урон

складывающейся военно-административной системе Зауралья. Летом 1662 г. восставшие перебили 30 беломестных казаков Катайского острога, разрушив затем и саму крепость, крупные потери понесли и другие остроги края. В этих условиях администрация Тобольска первоначально попыталась увеличить численность гарнизонов за счет населения самих зауральских слобод и острогов путем перевода его части в беломестные казаки. Так, если к 1665 г. в Шадринской слободе насчитывалось 6 беломестных казаков (при 4 крестьянах), то вскоре после указания администрации «прибрать 10 человек или сколько пригоже» Юрий Малечкин за один день 7 мая принял на службу 9 казаков, поручившихся друг за друга (4). Всего к 1667 г., по данным Тобольского воеводы П. И. Годунова (1667 - 1670), в острогах Приисетья находилось 160 беломестных казаков: в Исетском остроге – 30, Мехонской слободе – 60, Шадринской слободе – 20, Катайском остроге – 50 чел. (5).

В осмыслении социального статуса данной группы населения Зауралья историография за последние 30 лет прошла путь от интерпретации ее как «военнообязанной категории крестьянства» в трудах Н. А. Лапина и А. А. Кондрашенкова (6) до понимания беломестного казачества как «особой социальной группы... представителей служилых людей по прибору», хотя и близких по положению к крестьянам в работах Н. И. Никитина, Е. В. Вершинина, В. В. Менщикова (7). Выше уже было сказано о сложности интегрирования групп беломестных казаков в административную систему края, связанной с «ослушанием» представителей власти. Характерно, что спор Исетского монастыря и казаков Катайского острога за угоды, остановленный царской грамотой 1659 г., в 1664 г. вспыхнул с новой силой. Летопись монастыря сообщает, что в этом году катаяские казаки и крестьяне «дерут хмель и ограбляют вотчину» (8). Неудивительно, что в поручных записях о приеме группы казаков в Шадринскую слободу середины 1660-х гг., главное внимание администрации уделено «исправности» при несении службы – «и живучи ему Илюшке... в беломестных казаках... в их великих государей, службе, никоторого дурна не учинить... в казне помехи и хитрости, дурна не чинить... и воровским людям стану не чинить, и никуды ему, Илюшке, из новые Шадринские слободы, не спрашивавшись, не ходить и не сбежать» (9). В острогах Сибири беломестные казаки появляются в качестве замены «годовальщиков» – ежегодно сменяемых служилых людей из гарнизонов крупных городов, по сведениям З. Я. Бояршиновой с 1640-х гг., а по уточняющим сведениям Е. В. Вершинина, с рубежа 30 – 40 гг. XVII в. (10) в связи с резким увеличением с этого времени количества острогов и слобод, что при сохранении старой традиции неизбежно бы привело к распылению

основных контингентов сибирских служилых людей. В этих условиях сибирская администрация прибегла к известной на «Украине» – южной границе Европейской России со второй половины XVI в., по свидетельству В. Н. Татищева, практике. «Сих беломестных перво царь Иоанн Васильевич из солдат и других военных на Украине, а более царь Алексей после польской войны, не хотя саддатство на жаловании содержать, полками населил» (11). Происхождение названия данной категории служилых людей очевидно связано с архетипичными представлениями о символике цветов народов востока Евразии. В частности белый цвет традиционно означал «никому не подвластного, свободного от должностей и податей, также нечто радостное, счастье приносящее» (белый царь, белая земля). По авторитетному свидетельству И. Е. Фишера, «россияне приняли сии же наименования», в частности «козаки в Сибири, получающие вместо жалования землю, называются потому беломестными казаками, понеже они не платят с них никаких податей в казну», т. е. владея «белой» – свободной от налогов землей (12). По его мнению, в Южном Зауралье появление беломестных казаков было связано со строительством Катайского острога, жители которого «не токмо землю пахали, но в нужном случае отправляли в казацкую службу, с которой не платили они оброку». Источники позволяют уточнить данное высказывание. В уже цитированшей отписке Ивана Хитрово от 20 октября 1656 г. фигурирует в качестве атамана беломестных казаков «Исетского острожка» Андрей Липин, позднее действительно перешедший в Катайский острог, где его статус оспаривался местным приказчиком (13), что свидетельствует о появлении беломестных казаков уже в Исетском остроге – первом крупном русском военном центре Южного Зауралья. Служба беломестных казаков без хлебного и денежного жалования с пашни – традиционным для Тобольского уезда был надел «по шти десятин с полудесятиною в поле», всего 18 – 19,5 десятин (14), обязательное условие построения двора в слободе являлись факторами, снижавшими их боеспособность и профессиональную выучку. Кроме того, разбросанность казаков по слободам, острогам с полным подчинением своему слободчику, приказчику служила серьезным препятствием их объединению для выполнения более масштабных боевых заданий в случае возникшей необходимости, что и проявилось в ходе восстания 1662-1664 гг.

Наряду с беломестными казаками, появившимися под влиянием восточной (монгольской) практики, администрация Сибири использовала для вооруженной защиты Южного Зауралья в 1660-е гг. и обученные по европейским стандартам полки «нового строя» – рейтар и солдат. Полки, сформированные в Тобольске в 1660 – 1661 гг., уже

летом и осенью 1662 г. приняли на себя основную тяжесть борьбы с башкирским восстанием. Начало организации регулярных полков в Сибири было положено царским указом 1660 г., в котором предусматривалось создание тысячного пехотного полка, обученного по уставу 1647 г. (15). Рядовой состав полка набирался из имеющихся в Сибири «всяких чинов» служилых людей, а также «... их детей и их братьев и племянников» (16), переписанных заранее в городах Тобольского разряда – Тобольске, Тюмени, Туринске, Верхотурье, а также, по данным Есиповской летописи, и из «гулящих людей» (17). Командный состав новых полков, полностью присланный из Москвы, состоял из европейских и русских офицеров, прошедших школу «регулярства» – «полковники и полуполковники немцы Вилим Филиппов, Яков Меиль, Василий Плалка, Дмитрий Полуехтов, Иван Волков и многие иные немцы и русские майоры и порутчики и прапорщики», по материалам Сибирского летописного свода (18). На вооружение полков только в 1660 г. из Москвы в Тобольск отослали 2000 пудов пороха, 4000 пудов свинца, 1000 пудов фитиля и 1000 мушкетов (19). По данным Сибирского летописного свода к 1661 г. в полки удалось набрать 2500 чел. – 1000 рейтар, 1000 солдат и 500 стрельцов, однако Головинская редакция свода сообщает, что фактическая численность набранных войск была несколько меньшей, составив 1800 чел. (20). В любом случае перед нами интересный пример первого в Сибири быстрого формирования полков европейского типа на базе местных людских и привозных материальных ресурсов. По свидетельству Григория Котошихина вооружение рейтар и солдат проводилось за счет казны, в частности рейтары получали «ружье, карабины и пистолы, и порох, и свинец, а лошади и платье покупают сами». Солдатам выдавали «ружье, мушкеты, порох, фитиль, бердыши, шпаги, пики малые, а иным даетца шпаги, и мушкеты, и пики долгие, и те мушкеты, для нужного времени, взят за ними на лошадях» (21).

Корпус полков «нового строя» под командованием Д. Полуехтова, которому были также подчинены и нерегулярные служилые люди Тобольска и Тюмени, в период отсутствия сражений с крупными массами противника, применял тактику рассредоточения отрядами по слободам Зауралья с целью прикрытия наиболее угрожаемых участков русского заселения от мелких набегов. Так в сентябре 1665 г. главные силы корпуса размещались в Киргинской, Чубаровой и Ирбитской слободах, западнее, в Невьянской и Малой Ощепковой слободах, стояли вспомогательные отряды, перекрывая возможные пути выхода восставших с Урала, традиционного прибежища башкир в случае конфликтов, в район старой русской колонизации – бассейн р. Ницы и ее притоков (22). Помимо этого района Полуехтов направлял под-

разделения полка в рейды на юг от своего места сосредоточения – на Исеть и Пышму в случае возникающей угрозы русским поселениям. Так 27 сентября 1665 г., посланный в проезжую станицу к Мехонскому, капитан Юда Семенов сообщил о нападении кочевников на острог и деревню Зайкову на Шадринской заимке. Однако, практика постоянных рейдов с опорой на местные гарнизоны беломестных казаков далеко не всегда могла успешно противостоять набегам восставших на поселения Приисетья, что требовало кардинального пересмотра русской военно-административной системы в Зауралье. В 1667 г. корпус Полуехтова после 5 лет службы в острогах и слободах края был выведен в Тобольск в связи с окончанием башкирского восстания. К этому времени в его рядах насчитывалось 696 рейтар и 844 солдат.

Новый воевода Тобольска П. И. Годунов (1667-1670) довольно критично оценивал опыт первого сибирского «регулярства», сообщая, что рядовые полка плохо обучены и даже «начальные люди... да и то же они ученье забыли», объясняя это, впрочем, тем, что «... в слободах ученья не бывает, потому что бывают в слободах рейтарам станицы многие и рейтарам и солдатам караулы без престани, рейтары де и солдаты многие ученье забыли, новоповерстанные строю не знают» (23). Своеобразие опыта войны в лесостепном пограничье Зауралья – постоянные набеги, стычки – серьезно скорректировало тактику полков, заставив отбросить тщательно учимый европейский строй. По свидетельству Годунова после первых боев полки выступали в бой «не строем», а «по казацки», причем многие даже не с ружьями, а «с саадаками». Все это побудило Годунова провести серьезную реформу вооруженных сил Зауралья. В июне 1667 г. из распущенных рейтар и солдат начал формироваться драгунский полк, так как «к осаде и в посылках драгуны рейтар и солдат к татарскому бою прибыльнее, потому что рейтар татарина догнать в поле строем не поспеет», кроме того преимуществом драгун была их способность воевать как в пешем, так и в конном строю – «а драгун в походе конный, а и пеш драгун – солдат же». Еще одной причиной реформы стало сокращение содержания полков, обходившихся для Сибири очень дорого, «по 23 тысячи рублей на год и больши». Котошихин сообщает, что вообще в середине XVII в. жалование рейтара составляло 30 рублей в год, а солдата - 60 алтын в месяц (т. е. 21 руб. 60 коп. в год), сибирские полки служили без хлебного жалования, покупая хлеб у крестьян слобод Зауралья. Оклады набираемым драгунам были значительно сокращены - рядовые получали по 6 руб. и 2 с четвертью пуда соли в год, 2,5 руб. на лошадь и 1,5 руб. на постройку дома одновременно (24).

Состав драгунского полка был утвержден в 1200 рядовых и 53 чел. начальных людей (1 полковник, 1 полуполковник, 1 майор, 1 рот-

мистр, 1 капитан-поручик, 12 капитанов, 11 подпоручиков, 12 прапорщиков, 12 подпрапорщиков, 1 квартирмейстер). Размещаться драгуны были должны в поселениях строящейся Исетской линии, прикрывая крайний юго-западный участок новой колонизации, а также лежащие севернее города и слободы старого заселения Сибири. Предусматривалось расположить роту драгун в Тарханском остроге на р. Тоболе, полроты в Ялutorовской слободе, роту в Исетском остроге, роту в Мехонском, полроту в Шадринском, полроту в Китайском острогах. В намечающихся к построению на р. Исети новых острогах планировалось разместить: на речке Масленке – роту, на устье р. Синары – полроту, на устье р. Каменки – 2 роты, на озере Исеть – роту, на верховьях р. Чусовой – 2 роты. Годунов собирался поселить драгун по линии «домами», вооружив их оружием европейского образца «мушкетами с банделерами», выписанными из Москвы, выучить, наконец, правильному строю – ходить в бой «под знаменем» (25). Однако и здесь Годунова ждали большие затруднения, от набора уклонялись как раскассированные рейтары и солдаты, так и беломестные казаки северных слобод, которые должны были перейти на Исетскую линию. В частности казаки Верхотурского уезда в количестве 72 чел. «из верхотуринских слобод в исетские остроги не выехали». Недовольство проявляли и служилые люди Исетской линии, в 1668 г. беломестные казаки подали жалобу в Верхотурье о том, что прибывший в острог полковник Ульрих Сниттер (ответственный за набор полка) силой берет казаков в драгуны (26). Из требуемых 1200 драгун удалось набрать 720 чел., к 1671 г. в слободах реально находились лишь 438 драгун. В 1679 г. в острогах и слободах Зауралья насчитывалось 363 драгуна и 243 беломестных казака, в том числе 100 казаков в поселениях Верхотурского уезда, считая переведенных в Китайский острог, и 143 казака Тобольского уезда. Несмотря на это, размещение в Южном Зауралье драгунского полка заметно стабилизировало обстановку в крае, предоставило возможность колонизации новых территорий по притокам опорной базы русского продвижения – р. Исети.

Преобразования в строительстве вооруженных сил Зауралья как основного компонента военно-административной системы края после реформ П. И. Годунова являлись следствием взаимодействия двух расходящихся тенденций. С одной стороны, центральная власть неуклонно проводила политику снижения расходов на содержание пограничных войск края. С другой стороны, эта же власть старалась увеличить боеспособность войск, размещенных в Южном Зауралье путем увеличения их численности, улучшения вооружения и т. д. Первая задача решалась воеводами Тобольска мерами по полному переводу служилых людей на самообеспечение и ликвидацией даже того не-

большого жалования, что было положено Годуновым. Так, уже в 1671 г. Тобольский воевода Иван Репнин (1670 - 1672) приказал «драгунам 1000 человек», размещенным на юге Зауралья, служить «без денежного жалования с пашни», причем оклады начальным людям – подполковнику и майору были значительно увеличены, соответственно с 96 до 216 руб. и с 72 до 168 руб. в год (27). В 1679 г. Тобольский воевода Петр Шереметев (1676 - 1679) «выложил из окладов» остающихся в Зауралье беломестных казаков, их сотников и атаманов и снизил оклад майора драгун до 20 руб. А в 1679 г. Тобольский воевода А. П. Головин (1686 - 1690) издал распоряжение о снятии денежного и хлебного жалования уже и с тобольских боярских детей, начальствующих в слободах юга Зауралья. Земельный надел драгун по указу 1679 г. определялся в 15 десятин - «по 5 десятин в поле, а в дву потомуж». Начальство должно было следить за тем, чтобы драгуны сами обрабатывали пашню без участия «выдельщиков» для поддержания крепости хозяйства служилых людей.

Попытки усилить обороноспособность полка драгун в Южном Зауралье в 70 – 80 гг. XVII в. сталкивались с обычными для Сибири того времени трудностями – нехваткой служилых людей, оружия, денег. Первоначально в состав полка было включено значительное количество представителей социальных групп, не связанных с военной службой – оброчных крестьян, ямщиков, жителей посада. Тобольская власть терпела такое положение, сопряженное с фискальными потерями, прежде всего из-за нежелания элитных категорий служилых людей Сибири отправляться в остроги Зауральского пограничья. Указ 1679 г. Федора Алексеевича потребовал от воевод Сибири возвращения всех тяглых людей и их родственников, взятых после 1663 г. в драгуны, беломестные казаки, пушкари и затинщики, обратно в тягло (28). Этим был отменен указ Алексея Михайловича о невыдаче беглых, записавшихся в ратную службу. В 1678 и 1680 – 1681 гг. по России прошли массовые сыски беглых.

С целью усиления русских вооруженных сил на границах указами 1679 – 1680 гг. предписывалось дворянам, а затем и другим категориям служилых людей распределиться в «полковую службу» в составе одного из регулярных полков 9 пограничных разрядов – Тамбовского, Белгородского, Севского, Смоленского, Новгородского, Казанского, Тобольского, Томского, Енисейского (29). В Тобольском пограничном разряде царским указом ставилась главная задача по усилению Исетской линии путем доукомплектования ее гарнизонов до 1000 драгун, для чего предлагалась широкая программа замещения «выбылых людей» служилыми других поселений. В частности, предусматривалось из слобод и острогов, расположенных по рекам Нице и Нейве

и отгороженных теперь новопостроенной Исетской линией от степи, выслать гарнизоны – отряды беломестных казаков с женами и детьми «к прежним драгунам в степи в остроги и в слободы в драгуны не замочав». В острогах и слободах место покинувших их отрядов казаков планировалось «учинить» сверх тысячи человек по 3 – 5 драгун из числа прежних беломестных казаков для несения караульной и посыльной службы. Еще одной группой служилых людей, за счет которых Москва увеличивала контингент драгун в Зауралье, стали «дети, братья и племянники» стрельцов и казаков Тюмени, Туринска и Верхотурья. Большое внимание уделялось вооружению драгун. Мушкеты и пищали, изъятые для них у солдат, казаков, крестьян было приказано унифицировать по типу «Московской пехоты», недавно модернизированных стрельцов, «сделать к мушкетам, которые были с жаграми ложи новые, у которых ложь быть замком». Шереметев сообщал о нехватке оружия в Сибири - в зауральских слободах Верхотурского уезда «пушек нет, а ружья... мало, а в иных слободах и нет и в приход воинских людей оборониться будет нечем» (30). В самом Тобольске не у всех служилых людей имелись ружья. Помимо этого воевода сообщил царю, что после отставки тяглых людей из числа драгун, намеченного пополнения «природных» служилых людей оказалось «малое число». В ответ на это грамотой царя Федора Алексеевича Шереметеву было предложено увеличить усилия по набору в драгуны «драгунских детей и братья», а также выбрать из родственников стрельцов и казаков теперь уже элитного Тобольска 300 чел., срочно отправив их в слободы и остроги Южного Зауралья «к прежним драгунам». Предписывалось выдать средства на ведение хозяйства новым драгунам «на семена... взаймы... по 4 чети ржи, по 6 чети овса на сенью и той семянной хлеб им драгунам посеять, и в пашенное время смотреть за ними драгунским начальным людям, чтоб они драгуны того хлеба не истеряли» (31). Преобразования 1679 г. стали вторым после реформ П. И. Годунова серьезным шагом по формированию драгунского полка в Южном Зауралье, как наиболее важном пограничном участке Тобольского разряда. Они в свою очередь явились частью общего для России реформирования вооруженных сил на границах. Как его итог в 1680 г. Федору Алексеевичу была представлена «Роспись перечневая ратным людям, которые в 1680 г. расписаны в полки по розрядом», где все служилые люди Московского царства были расписаны по полкам, а неспособные к службе уволены. Унификация служилых людей позволила усилить состав зауральских драгун до планируемой 1000 человек, что сыграло положительную роль в предотвращении распространения башкирского восстания 1681 – 1683 гг. на Южное Зауралье.

Параллельно с усилением драгунского полка в Южном Зауралье

администрация Тобольска предпринимала меры по полному сосредоточению власти в крае в своих руках. П. И. Годунов переподчинил себе последнее верхотурское поселение на р. Исети – Катайский острог, обосновав это тем, что он «... построен меж слобод Тобольского уезду и от Верхотурья удален» и приказав управлять острогом не приказчиком, а «драгунским начальным людям» – майору Алексею Фефилову (32).

В 80-е гг. XVII в. в пограничном Зауралье выделяются 3 района по степени концентрации здесь военной силы. Во-первых, это новопостроенные в 70 – 80 гг. XVII в. слободы по Миассу и Тоболу – Усть-Миасская, Окуневская, Суерская, Усть-Суерская, Белозерская, Белоярская, Царево Городище. Этот район характеризуется незавершенностью военно-административного строительства, слабостью заселения и в целом слабым стратегическим интересом к нему у военных деятелей края. Так в 5 слободах Притоболья к 1686 г. насчитывалось лишь 74 служилых чел., из них 13 драгун и 61 беломестный казак, в двух слободах Примиасья 32 (8 драгун и 24 казака). Второй район – старая Исетская линия Годунова с укреплениями, построенными позже, особый интерес представляют Колчеданский острог и Арамилская слобода, давшие возможность контролировать проходы кочевников на верховьях р. Исети. Здесь сосредотачивались главные силы драгун и беломестных казаков – 688 чел. Это, прежде всего 4 острога, где численность служилых людей достигала около сотни чел. – Ялутровский (85 чел.), Исетский (85 чел.), Мехонский (128 чел.), Катайский (90 чел.). К ним примыкали Терсюцкий (58 чел.), Масленский (51 чел.), Шадринский (51 чел.), Колчеданский (61 чел.) и Арамилский (65 чел.) остроги с полусотнями. Опираясь на силы, дислоцированные в этих 9 острогах, воеводы Тобольска могли как обеспечить надежную защиту Приисетья, так и предпринимать оперативные действия в отношении отрядов кочевников в случае их прорыва в бассейны Миасса, Тобола и Пышмы. В данных острогах преобладали драгуны, которые изначально обладали большими возможностями для решения военных задач в Южном Зауралье, чем беломестные казаки, предназначавшиеся для военно-полицейской службы в районах слобод своего проживания. Остальные слободы Приисетья – Бешкильская, Ингалинская, Красногорская, Барневская, Красномысская с размещенными в них отрядами служилых людей (от 8 до 31 чел.) имели в крае большее экономическое, чем военное значение. Третий район – лежащие за Исетской линией старые и новые слободы по рекам Нице с ее притоками и Пышме – Беляковская, Ново-Буткинская, Угецкая, Куярская, Калиновская, Чубаровская, Мурзинская, Нижне-Ницынская и Верхне-Ницынская с отрядами от 31 до 2 служилых людей,

всего 99 драгун и беломестных казаков – это район, характеризующийся также большим удельным весом казаков по отношению к драгунам (62 и 37 чел. соответственно). Однако, в отличие от слобод первого района по рекам Миассу и Тоболу, здесь слабость военных сил вызвана не фактом недавнего построения, но фактом потери к ним стратегического интереса со стороны русской власти, так как они оказались после строительства Исетской линии в тылу военного строительства. Всего к 1686 г. в острогах Зауралья находилось 648 драгун и 352 беломестных казака – 1000 служилых людей (33).

В связи с русско-китайским пограничным конфликтом 1685 – 1686 гг. и боями в районе Албазина в марте 1686 г. с отрядом в 500 московских стрельцов в Тобольск прибыл полномочный посол и воевода Ф. А. Головин, посланный для урегулирования конфликта. С ним также прибыла группа офицеров для создания еще одного полка на месте. Воеводам Сибири предписывалось прислать ратных людей «тобольских 500, тюменских 100, томских 100, нарымских 30, енисейских 100, илимских 100 человек» (34). В числе 500 служилых людей Тобольского уезда на восток было послано 200 чел. из слобод Южного Зауралья – 165 драгун и 35 беломестных казаков. Отправка 1/5 части служилых людей Зауралья «в Дауры» стала возможной из-за снижения уровня военной опасности в 1680-е гг. – калмыки окончательно ушли за Волгу, отношения с башкирами также удалось урегулировать. Этот факт зафиксирован в царской грамоте 1686 г. воеводе Тобольска А. П. Головину (1686 - 1690), где ему предписывалось набранным в остроги и слободы Южного Зауралья драгунам «наперед сего денежного жалования не давати, а вместо денежного жалования пахати пашня и дати им землю под усадьбу и под пашню поскольку дано и прежним драгунам». Причина принятия этого решения объяснялась тем, что «в Тобольский уезд под Исетские остроги и под слободы» нет нападений кочевников и соответственно нет необходимости и в «посылках полковых больших и малых», т. е. в походах драгун в степь, участии в сражениях, а привычную дозорную сторожевую службу – «в отъезжие станицы» и «острожную службу» по мысли готовивших грамоту служить «без денежного жалования с пашни мочно» (35).

В 1690 г. меры правительства по уменьшению содержания и переводу на самообеспечение драгун Южного Зауралья завершились снижением статуса служилых людей края. С этого времени драгуны полностью слились с беломестными казаками, путем распространения названия последних на всех служилых людей края. Однако, чтобы не произошло полного расплывания сил беломестных казаков, традиционно находившихся в подчинении слободчиков и приказчиков, правительство учредило должность головы беломестных казаков Заура-

ля, «что были драгуны» (36). 19 июня 1690 г. первым головой стал «тоболенин» Артемий Обольянинов, присланный на службу в Исетский острог. Проблема обратного перевода драгун Зауралья в беломестные казаки не получила развернутой интерпретации в историографии. А. А. Кондрашенков, не локализуя этот перевод во времени, сообщал, что «реформа П. И. Годунова вызвала недовольство служилых людей и была отменена царским правительством, опасавшимся их открытого выступления» (37). Как видно из вышеизложенного, реформу Годунова никто не отменял, проводилась корректировка его плана с учетом реальных возможностей, а перевод из драгун в беломестные казаки произошел не тогда, когда факты недовольства действительно имели место (в конце 60-х гг.), а через 20 лет и не из-за боязни выступления служилых людей, а наложения фискальных задач правительства молодого Петра I на фоне временного ослабления военной опасности в Южном Зауралье. Н. И. Никитин также ничего не сообщает о времени перевода драгун в беломестные казаки, отмечая сам факт этого перевода – «Но и о драгунах вскоре в Сибири не стало слышно. Зато в приказной документации появились «книги именные беломесным казакам, которые вместо драгун» (38).

Царским указом А. Ф. Обольянинову предписывалось по приезде в Исетский острог провести смотр драгун, на котором «сказать великих государей указ» о переводе их в беломестные казаки и службе с пашни. Предусматривалась реорганизация полка, новый голова был должен на смотре пересмотреть весь состав войска, его вооружение, отписав воеводе Тобольска С. И. Салтыкову (1690 - 1692) о всех «старых, малых и увечных». Кроме того, на место выбывших, сбежавших драгун необходимо было набрать новых до постоянного уровня 800 чел., с учетом 200 командированных в Даурию, составляющих 1000 служилых людей на тобольском пограничье в Южном Зауралье. Главным мероприятием А.Ф. Обольянинова стало изменение в организации расположения беломестных казаков путем сокращения мест их проживания для усиления отрядов в наиболее важных пунктах. Именной указ велел «построить беломесных казаков в острогах и слободах где пристойно по 100 чел. для того что ныне... живут драгуны в розни человек по пяти и по десяти и больше по двадцати и в приход воинских людей собрать их вскоре затем будет немочно, и сходитца им к нему в полк малолуцством опасно» (39). Таким образом правительство в момент обострения русско-казахских отношений в Зауралье предвидело опасность при тактическом развертывании сотен полка, что в условиях крайней расплывленности его состава по разбросанным на сотни верст друг от друга острогам делало его крайне уязвимым при вводе в бой крупных подвижных конных масс противника.

События 1690-х гг. подтвердили подобные опасения - конные отряды казахов (по разным источникам от 1300 до 3000 чел.) при нападении на слободы Зауралья взяли инициативу в свои руки. Используя фактор внезапности, они появлялись под теми поселениями, которые хотели взять, разбивая по одиночке отряды беломестных казаков (например, перебив половину сотни слободы Царево Городище в 1692 г.). Не имели особого успеха и попытки воевод Тобольска усилить зауральские отряды казаков элитными частями Сибири - сотнями Тобольска и Тюмени, кончившиеся разгромом объединенного отряда Василия Шульгина 27 июля 1693 г. В этих условиях спасти положение Южного Зауралья, за несколько лет превратившегося из наиболее перспективного участка колонизации в самое опасное место Сибири, наряду с дипломатическими переговорами на государственном уровне, смогла концентрация сил Сибири в его слободах на опасный летне-осенний период, а также новые реформы военно-административной системы Зауралья. К 1696 г. количество острогов и слобод Южного Зауралья, где находились постоянные гарнизоны беломестных казаков, было сокращено усилиями администрации с 25 в 1686 г. до 16, состав полка оказался усиленным до 992 чел., путем наборов на место убитых в боях и обратного перевода 200 чел. с китайской границы. Полному сокращению подверглись гарнизоны третьего района - к северу от Исетской линии, из 9 слобод казаки были оставлены лишь в двух - Калиновской и Мурзинской (3 и 2 чел.). Оставлены без гарнизонов Усть-Миасская, Окуневская, Усть-Суерская, Белозерская, Иковская слободы по Миассу и Тоболу первого новокolonизируемого района. Небольшие отряды появились в новопостроенных Чумляцкой, Багаряцкой, Камышевской и Камыцкой слобод (от 4 до 11 чел.). Однако главные изменения коснулись острогов по р. Исети и Тоболу - в 4 острогах, где гарнизоны достигали сотенного состава уже в 1686 г., Ялutorовском, Исетском, Катайском и Мехонском они были несколько увеличены (соответственно до 107, 118, 96, и 115 чел.). В Мехонском остроге кроме того служил и отряд Ичкинских беломестных казаков из 22 татар. В среднем Приисетье с полусотни до сотни увеличились гарнизоны Масленского и Шадринского острогов (до 90 и 120 казаков) путем вывода гарнизона из Терсяцкого острога. По р. Тоболу за счет оголения остальных острогов были усилены гарнизоны Суерского острога (с 28 до 92 чел.) и Царева Городища (с 29 до 85 чел.). Таким образом, перепись служилых людей 1696 г. в Южном Зауралье ясно зафиксировала 2 тенденции в крае - укрупнение гарнизонов и постепенный перевод военных сил на юго-восток, прежде всего в Среднее Притоболье, для защиты крайних форпостов русской колонизации от набегов казахов. Наконец, в ходе но-

вой реорганизации служилых людей Зауралья в 1698 г. число острогов с гарнизонами полка еще раз сократилось с 16 до 10 (Исетский, Мехонский, Суерский, Катайский, Маслинский, Ялуторовский, Шадринский, Арамилский, Колчеданский и Царево Городище), в каждом из которых дислоцировалась полноценная сотня служилых людей (40).

В 1698 г. беломестные казаки Зауралья в челобитной на имя Петра I сообщали, «что им служить с одной пашни без жалования невозможно», объясняя это изменившимися условиями на границе Зауралья, «что служили они беломестные казаки по вся годы без жалования с одной земли, а земле пахать и в тоже время в походы воинские за неприятелем им ходить было невозможно, потому что неприятельские Казачей Орды приход всегда бывает... хлеб жнут и сена ставят и им оставя хлеб вскоре собрався и за неприятелем бежать невозможно, а без них прибрать некому и от того они в конечном пришли в разорение... и служба их была худа и к походам за неприятелем учиться неспособны и от того те неприятели не боясь казаков беломестных себе большого отпору и шкоды под слободы смело подбегали и с поля многих крестьяне и жен и детей в плен имали и скот отгоняли и многое различное разорение чинили и его Великого Государя ратных людей в малом собрании побили» (41). Таким образом, сами казаки главной причиной своих поражений от кочевников связывали с действиями правительства, в частности указом 1690 г. по приданию их полку иррегулярного характера.

20 февраля 1698 г. в грамоте Петра I воеводе Тобольска князю М. Е. Черкасскому (1698 - 1701) было приказано «прежние его Великого Государя указы, что им служить с одной пашни и без жалования отставить, а указать и с тех казаков прибрать полное число тысячу человек в драгунскую службу из денежного и хлебного и соляного жалования, чтоб они во всякие воинские приходы всегда с ружьем и на конех добрых и с запасы были в готовности и ничем не отговаривали». Рядовому драгуну полагалось ежегодное жалование 3 рубля, 3 четверти муки ржаной, 2 четверти овса, 2 пуда соли и по кумачу на человек «по вся годы сполна». Первым командиром полка в 1698 г. стал драгунский голова Иван Титович Текутьев, его помощник – полуголова Степан Текутьев. В 1699 г. И. Т. Текутьева сменил полковник Давыд Яковлевич Мейн. По ведомости сибирских городов в 1700 г. в штате драгунского полка Тобольского уезда находились 1 полковник, 10 капитанов и 1000 драгун. Полковник имел оклад 100 руб., 50 четвертей ржи и 50 овса, 20 пудов соли, капитаны – 60 рублей. Ежегодное жалование драгунам 3000 руб., 3000 четвертей ржи и 2000 овса, 200 пудов соли, а также 6 десятин пашни и сенные покосы на человека. Преобразование беломестных казаков в полурегулярный

Сибирский полк слободских драгун существенно расширило возможности служилых людей Южного Зауралья по защите края. В ходе русско-казахских переговоров один из представителей кочевой знати сообщил русскому послу, что причиной ослабления казахского натиска на слободы Зауралья в XVIII в. стали возросшие потери кочевников, если во время первого натиска (1690 - 1695) по его оценке казахи меняли одну свою голову на 3 – 4 русских, то позднее, после организации драгунского полка потери сторон стали равными. Как уже было сказано, воеводы Тобольска в кризисный момент разгрома кочевниками поселений Среднего Притоболья попытались изменить ситуацию, размещая элитные части Тобольска и Тюмени летом в урочаемых слободах Южного Зауралья.

С 1693 г. отряд тобольских детей боярских, служилых людей и татар, всего в 155 чел., находился в Суерской слободе, отряд служилых людей Тюмени в Царево Городище, подкрепляя слободские сотни, находившиеся, по данным «Сибирского летописца», «в разных слободах». Однако слишком разнородный состав служилых людей в Зауралье летом 1693 г. и отсутствие четкого взаимодействия между ними привело к выходу Казачей Орды под деревни Ялуторовской слободы, а затем и к разгрому в степи группы В. Шульгина из Суерской слободы. Разгром служилых людей Сибири в Южном Зауралье вызвал назначение новым воеводой Сибири родственника Петра I по матери одного из представителей могущественного в это время представителя клана Нарышкиных – «ближнего стольника» А. Ф. Нарышкина (1693 - 1698), посланного в Тобольск быть, как специально отмечалось, «полковым и осадным воеводой», т. е. для отражения набегов. В 1694 г. А. Ф. Нарышкин отрядил на летнюю службу в Южное Зауралье служилых людей Тобольска и Тюмени, приказывая «тем ратным людям быть на Государевой службе с великим обережением» (42). Отряд Бориса Черницына встал в Ялуторовской слободе, а соединенные силы в Царево Городище возглавил голова беломестных казаков Артемий Обольянинов. В 1695 г. 3 отряда служилых людей Тобольска посылались в Тарханский острог, на Царево Городище и «на Тобольского уезду слободы», видимо, на р. Миасс. Материалы Сибирского приказа сообщают, что Царево Городище охраняли «дети боярские и Литовского и новокрещенского списка и конные казаки и служилые татары» (43). Свидетельство первого историка Сибири С. У. Ремезова, по делам службы оказавшемся в одном из таких отрядов в 1696 г., дает представление о деятельности подобных формирований в Южном Зауралье, не ограничивающейся в пассивном отбывании сторожевой службы в одном из острогов. 10 апреля 1696 г. отряд сына боярского Андрея Кляпикова вышел из Тобольска «для оберегательства слобод

от приходу Казачей Орды неприятельских людей». В течение всего лета отряд курсировал по левому берегу р. Тобола, заходя в Ялutorовскую слободу, Суерский острог, Усть-Суерскую, Белозерскую, Иковскую слободы. 20 августа служилые люди вошли в Царево Городище, а затем ушли в направлении р. Миасс в Окуневский острог и село Воскресенское. 29 августа, когда «пришли в Тобольского уезда село Воскресенское неприятельские люди», отряд А. Кляпикова вышел «на выласку и сбились с воинскими людьми с лицо на лицо, гнали их и рубили верстах на десяти». 2 сентября отряд вышел степью в Утяцкую слободу, а затем вновь в Царево Городище, только 30 сентября «ратные люди» вернулись в Тобольск (44).

После создания в Южном Зауралье драгунского полка, у администрации Сибири появились новые возможности для использования местных сил в охране края. Так, к началу XVIII в., по данным «Статейного списка о походах 1701 года», сотни полка самостоятельно охраняли большую часть его территории. На июнь – сентябрь из слобод Исетской линии полк переходил в южные наиболее уязвимые для ударов кочевников слободы по р. Миассу и в Среднем Притоболье, что позволяло перекрывать все возможные пути продвижения в Зауралье. 10 июня 1701 г. командир полка Д. Я. Мейн и полуголова Степан Текутьев с 2 ротами – Исетской капитана Ивана Алексеева и Мехонской капитана Карпа Постовалова, взяв полковые припасы 3 пушки и 99 мушкетеров, вышли из Исетского острога «на береговую великого государя службу в слободу на Царево Городище» (45). 13 июня роты вошли в крепость слободы, 14 июня сюда подошла Шадринская рота капитана Степана Ранчковского, 15 июня Арамильская рота капитана Ивана Буткеева, 17 июня Колчеданская рота капитана Василия Лосева. Вместе с гарнизоном слободы – ротой капитана Ивана Обольянинова – здесь было сосредоточено 6 сотенных рот драгун. Маслинская рота капитана Алексея Рачковского в это время заняла Воскресенский городок, а Катайская рота Ивана Рублевского Чумляцкую слободу на р. Миассе. В северной части Среднего Притоболья половина Суерской роты (50 драгун) сержанта Федора Угренинова вошла в Емуртлинскую слободу, вторая половина осталась на месте. Ялutorовская рота капитана Федора Матигорова временно перешла в распоряжение Петра Толбузина, расположившего здесь полк тобольских и тюменских служилых людей. Таким образом, линия русской обороны в период казахского натиска на Зауралье проходила Ялutorовская слобода – Суерская слобода – Емуртлинская слобода – Царево Городище – Утятская слобода – Воскресенский городок – Чумляцкая слобода, причем наиболее крупные силы размещались в южной и северной частях Среднего Притоболья, что создавало возможности для

проведения активных боевых действий в этой наиболее угрожаемой части Зауралья. В западной части края после летнего вывода оставалось только 2 сотни драгун на р. Миассе, что частично компенсировалось резервами башкирской волостей, прилегавших к данной территории русского заселения. Так в августе 1699 г. группа джунгар, перебившая 7 крестьян Чумляцкой слободы, была истреблена в степи отрядом из 300 башкир. Служба в Царево Городище, где сосредоточилось большинство драгун полка, сочетала как боевое дежурство в прилегающих поселениях, так и проведение рейдов – преследования прорвавшихся в Зауралье отрядов кочевников. 18 июня 1701 г. 40 драгун роты Царева Городища заняли Иковскую слободу, а 20 июня Исетская рота расположилась в Утятской слободе, ранее за р. Тобол были отправлены драгуны из разных рот до озер Станового и Дектева «для проводывания воинских людей их следов и дорог». Отряды драгун в Утятской слободе и в заставах на озерах периодически сменялись из основных частей в Царево Городище. Занятие отрядами Утятской и Иковской слобод позволило перекрыть основные подходы кочевников в районе Царево Городище. В ответ на выход небольших групп кочевников в район Утятской слободы, деревни Смолино, деревни Слободчиковой Емуртлинской слободы в июле – августе 1701 г. главными силами Сибирского драгунского полка из Царева Городища были организованы рейды в степь. 29 июля сразу после получения известий о стычке с кочевниками под Утятской слободой из Царева Городища вышли роты полка во главе с Д. Я. Мейном, взяв «мелкие 2 пушки верховые». Вечером они прошли Утятскую слободу и «... легким ходом пошли ночью и верст 5 отшед ночь постояли». 30 июля отряд перешел 2 Черные речки по правой стороне р. Тобол, в обед «по следам побежали наспех и пробежали 2 речки Алабуги», «по степе ночь постояв», 31 июля перешли р. Абугу, отправив вперед Исетскую роту. Через 5 верст рота вернулась, «степи пошли безтравны и твердоземны и следов воинских людей незнатно, и воинские люди пошли в рознь». 3 августа отряд вернулся в Утятскую слободу. Все это время здесь дежурил перешедший на юг из района Ялуторовской слободы во время преследования полк тобольских и тюменских людей Петра Толбузина. Следующий рейд на восток в район р. Ишима проводился из постоянной базы – слободы Царево Городище, проводился уже соединенными силами обоих сибирских полков. 7 августа после нападения кочевников на деревню Смолино полки «бежали в степь днем и ночью двои сутки по следам воинских людей к Ишиму реке». Структуру вооруженных сил во время преследования составлял первый отряд - драгунский полк с посланным вперед авангардом – 150 драгунами рот Исетской слободы и Царева Городища. Позади, «за днище»

пути шел полк Петра Толбузина, его авангард – 200 служилых людей Тобольска и Тюмени. Таким образом, небольшой преследующий отряд подкреплялся на случай встречи с крупными группами кочевников, всеми наличными силами драгунского полка и служилых людей Сибири, стоявших в Зауралье. Такая тактика оправдывалась стремлением кочевников заманить отряды служилых людей в «дальние» степи, истребив их превосходящими силами. Указ Петра I 1706 г. новому командиру драгунского полка Ивану Аршинскому обращал особое внимание на эту опасность, «а самому с ратными людьми быть в опасности великом, чтоб обманами неприятельскими подбегами те неприятельские люди на государевых людей скрытых своих многих людей не навели, и тем такой же беды не навели, как в прошлых г.ех Василию Шульгину учинилось» (46). В конце XVII в. служилые люди Южного Зауралья понесли новые потери, в ходе уже упоминавшегося рейда к р. Абуге полк драгун «прошед две черные речки», прошел «прежние побоище Ивана Давыдова». С. У. Ремезов в первом атласе Сибири отметил на правой стороне Тобола в указанном районе «побиты драгуны 103» (47). Указ требовал ходить в походы «с большим опасением, чтоб в дальние пустые безводные степи не отбыть, а быть к слободам в близости...». Осенью происходил вывод полка на слободы постоянного квартирования по Исетской линии, 30 сентября 1701 г. после получения указной памяти Д. Я. Мейн выехал в Исетский острог, Степан Текутьев в Мехонскую слободу, одновременно роты расходились по своим поселениям.

В целом активное боевое пространство Сибирского драгунского полка, при условии сосредоточения его сил в Среднем Притоболье, не выходило к началу XVIII в. за пределы р. Абуги на юге и р. Ишима на востоке, через которые части полка старались не переходить, так как это увеличивало опасность в малознакомых дальних степях как для самого полка, так и для остававшихся с небольшим прикрытием слобод Южного Зауралья. Традиционная для Южного Зауралья 90-х гг. XVII – начала XVIII в. схема размещения вооруженных сил, реконструированная по статейному списку 1701, предусматривавшая перевод драгун в «крайние в степь» слободы по р. Миассу на юге и р. Тоболу на юго-востоке, с концентрацией двух мобильных конных групп в ключевых пунктах Среднего Притоболья – Царево Городище и Ялutorовске, откуда они могли контролировать район прилегающих степей, потребовала серьезной корректировки в ходе башкирского восстания 1705 – 1711, когда отряды противника могли проникать в край не только через Миасс и Тобол, но и всего плохо укрепленного восточного предполья Уральских гор. Так в июне 1709 г., после получения известий о разорении повстанцами приписных деревень северо-

запада Зауралья, из Катайского острога майор Дмитрий Угрюмов и капитан Иван Оболянинов сообщили в ответ на просьбу местной администрации организовать рейд с целью очистки территории, что они «без тобольской указной памяти в степь идти малолюдством не смеют» (48). По данным тобольской администрации в мае 1709 г. в Арамильской слободе «драгунского капитана нет, а драгун по сказке их сержанта малое число, а иные живут в разных слободах в домах». План развертывания драгунского полка 1709 г., составленный в Тобольске, главный упор делал на обороне Приисетья. Полковнику Л. Парфентьеву предписывалось разослать по роте драгун в Белоярскую, Теченскую, Чумляцкую, Пещанскую слободы, Уктусские заводы и Воскресенский городок, перекрывая таким образом все выходы в западную часть края. Это в свою очередь спровоцировало мощные набеги казахов в ослабленное выводом войск Среднее Притоболье в августе и сентябре 1709 г. на Иковскую слободу и Царево Городище. Тобольская администрация в мае 1709 г., собрав служилых людей Тобольска и Тюмени, дворян, детей боярских, конных казаков, служилых и захребетных татар в полк Федора Толбузина, перебросила его в июне в Южное Зауралье. 10 июня Ф. А. Толбузин принял в Исетском остроге у Л. Парфентьева верховное руководство над драгунами края, 17 июня вышел в район Крутихинской слободы, где к нему присоединилась Катайская рота. Однако на месте выяснилось, что «которые люди присланы из Тобольска на обереговую службу... те в присылке старый да малый», так как основные источники пополнения ратных людей Сибири были исчерпаны рекрутским набором – «А у которых служилых людей в Тобольску были дети и братья и племянники и те ныне отписаны в солдаты». Это обстоятельство и предопределило неудачу попытки разгромить отряд башкир, отступающий по р. Миассу после разгрома деревень Зауралья. Погоня завершилась поимкой одного из восставших Урасака Карабашева, ранившего в схватке 2 драгун, 2 тобольских татар и убившего ичкинского татарина Суналея. Остальные «бежали в степь розно, постичь их было не в мочь, для того, что те башкиры многоконны, а у полковых ратных людей у многих от скорого загоны лошади испристали». С 25 июня по 31 июля полк стоял в Катайском остроге, не реагируя на разгром повстанцами поселений верхней Исети. 4 августа полк вышел, наконец, в район Каменских заводов, деревни которых испытали недавно угрозу нападения башкир и пошел по следам отходящего отряда к озеру Маяну, за р. Миасс на озеро Чебаркуль, где «во многом собрании башкиры учинили нам бой», продолжавшийся 3 дня, где полк потерял 10 убитых и 24 раненых, «побив многих башкир» (49). 18 августа полк вернулся в Катайский острог.

Третий рейд полка в 1709 г. с 15 по 23 октября, проходивший вновь в направлении Каменных заводов, и четвертый с 4 по 10 ноября на «переем» башкир, грабивших Пещанскую слободу, закончились безрезультатно, служилые люди успевали лишь подсчитывать потери, понесенные населением края. Гораздо эффективнее проявили себя небольшие гарнизоны слобод из драгун, привлекавшие в свой состав на время боев крестьян своих слобод и вообще «охочих людей», успевавшие оборонять главные поселения и преследовать отряды програвшихся башкир. Так 7 июня подполковники Ф. Матигоров, С. Текутьев и майор Д. Угрюмов «с капитаны и драгуны и крестьяны – сот с 5» отразили набег башкир на деревни Катайского острога, отбив захваченный полон, а 8 сентября 1709 г. подполковники драгунского полка С. Текутьев и Ф. Матигоров с 4 ротами вышли из Царева Городища под разоряемую Иковскую слободу и бился с повстанцами «весь день до вечера», нанеся им крупные потери.

В целом тактические изменения в дислокации вооруженных сил в Южном Зауралье как попытки ответа на резко ухудшившуюся ситуацию в крае в связи с восстанием башкир, заключавшиеся в рассредоточении драгунского полка по слободам, прикрывавшим выход в Приисетье с последующей концентрацией двух групп: второстепенной (в Царевом Городище) и главной группы Толбузина (в Катайском остроге, откуда они должны были совершать рейды в случае выхода к слободам крупных сил восставших) не принесли ожидаемого эффекта. Регулярные силы не смогли обеспечить контроль русской власти над всей территорией Южного Зауралья, что было обусловлено как неожиданно расширившейся областью, открытой для вторжения, так и резким увеличением людских ресурсов противника (к 1709 г. в крае действовала группа башкир Ногайской и Сибирской дорог численностью около 5000 чел., оперировавшая отдельными отрядами от 50, 100, 200 и более повстанцев). В свою очередь, мобилизационное истощение людских ресурсов Сибири в преддверии Полтавской битвы помешало перебросить в Зауралье свежие резервы, могущие существенным образом изменить обстановку в крае. Воевода Тобольска князь Алексей Черкасский (1701-1710) смог собрать в полк Ф. А. Толбузина всего 161 чел. дворян и детей боярских, 307 конных казаков, «да с ними служилых и захребетных татар всех без остатку» (50). О качестве этого войска уже было сказано и все это вместе взятое и привело к тому, что вместо активных боевых операций полк большую часть лета простоял в Катайском остроге, а три из четырех его выходов в район боевых действий закончились безрезультатно. Результатом стало разрушение множества деревень Приисетья с частичной приостановкой экономической деятельности края.

Правительство Петра I в поисках средств для широкой европейской политики продолжало попытки сокращения расходов на содержание служилых людей Сибири. К 1700 г. в пограничных слободах Тобольского уезда насчитывалось 1000 дворов драгун и 134 беломестных казаков, к 1703 г. количество казаков было сокращено до 28 чел. В 1710 г. в Зауралье, по данным М. Ключкова, находилось 1025 дворов драгун, где проживало 5320 душ м. п., 83 двора беломестных казаков с 404 душ м. п. (51), что свидетельствовало о вновь появившейся тенденции к увеличению числа последних. В 1713 г. офицерам драгунского полка в Южном Зауралье было предписано огласить рядовым указом Петра I «... служить в беломестных драгунах без денежного жалования... с пашенной и сенокосной земли и соли» по примеру драгун Усть-Ламенской слободы, а также собрать и выслать в Тобольск «скаска» драгун, «которые похотят... и которые не похотят» продолжать службу. Шадринская рота во главе с урядниками Иваном Уткиным и Меркулом Илешиним подали скаску к губернатору Сибири князю М. П. Гагарину (1711-1717), где сообщили о невозможности служить службу без жалования в связи с большим перечнем обязанностей, «... бывают они непрестанно в городе и на заставах и на караулах и по ведомости в посылках в степь против неприятельских людей и к Москве и в Тобольске за денежною казною и за солдаты в провозятых и в слободы с указа для сбора денежной казны да определены князем Василием Мещерским в новоучрежденные верх-тобольские остроги для отпору неприятельских людей...». В Катайском, Колчеданском острогах и на Каменском заводе в связи с отменой жалования предусматривалось увеличение в 2 раза служилых людей – до 400 чел., путем привертки к драгунам их «братья», однако, эти планы натолкнулись на нежелание служить с одной пашни. Катайская и Колчеданская роты в «скаске» Гагарину сообщали, что из-за ежегодной службы в станицах они стоят «... месяца по три и больше в самое страдное время и вешнего посева они драгуны никогда не сеют и сена на себя не ставят и взята у них на Москве списка что служить им драгунам одвуконь и если им драгунам денежного жалования не будет то им драгунам оных лошадей купить будет не на што и в походах быть разве пешими...». В ответ М. П. Гагарин приказал «... оных драгун от службы отставить», набрав место них «охочих людей изо всякого чину 200 человек... и крестьяне разных слобод ведомства его и из иных чинов» с Каменских заводов (52).

В Среднем Притоболье аналогичную «скаску» подали драгуны Царева Городища, на что Гагарин приказал «... на Царевом Городище, в Иковском и Утятском станцах велеть крестьянам всем быть в беломестных драгунах». Как выяснилось позднее в ходе следствия по делу М.

П. Гагарина за выполнение просьбы крестьян, «чтоб им быть в беломестных казаках и податей государевых не платить», он получил от крестьян Царева Городища, Иковского и Утятского станцов взятку 1500 рублей (53). Беломестные драгуны получили надел «... по пяти десятин в поле, дву потому ж, лугу по пяти десятин, да по усадьбе пять же десятин, да по пуду соли». Подобная дезорганизация вооруженных сил пограничных слобод Тобольского уезда – Южного Зауралья – могла проходить лишь в условиях ослабления военной опасности в крае после подавления в 1711 г. башкирского восстания и уже упомянутого кратковременного улучшения русско-казахских отношений. В слободах увеличился произвол офицеров. Так полковник Л. Парфентьев самовольно «без указа» верстал рядовых Царева Городища в сержанты, прапорщики и подпрапорщики, посадил драгуна Иковского станца Савву Васильева под караул, вымогая деньги и лошадь, из леса драгун Утятского станца построил «хоромы» своему брату Андрею Парфентьеву, брал драгун себе на двор для выполнения домашней работы, широко торговал с казаками, позднее во время следствия у него конфисковали несколько тысяч лошадей (54). Процесс М. П. Гагарина, затронувший ряд высокопоставленных чиновников и офицеров Сибири, совпал по времени с началом новой серии набегов казахов на юг Зауралья, начиная с 1718 г., что побудило Сибирский приказ восстановить жалование драгунам для обеспечения их элементарной боеспособности. Материалы подворной переписи 1719 г. по Катайскому, Колчеданскому, Багаряцкому острогам свидетельствуют, что драгуны вновь получали жалование, предусмотренное указом Петра I 1698 г. Характерно, что они, как правило, при условии получения денежного довольствия не стремились к расширению запашки. Так в Катайском остроге из 23 драгунских дворов (85 м. и 100 ж.) 2 двора имели запашку по 3 десятины, 6 по 2,8, 11 двор - 0,5 десятины, 2 - 0,25, а 4 двора не пахали вообще. Таким образом, на 23 двора приходилось лишь 27 десятин пашни (55).

В 1722 г., по приказу Петра I, генерал-лейтенант В. де-Геннин начал строительство нового завода на р. Исети – будущего Екатеринбургa, что обострило отношения с местными группами башкир. Строительство, по воспоминаниям самого де-Геннина, велось руками полка солдат (Тобольский гарнизонный полк) и рабочих людей из ближних дистриктов - т. е. Зауралья. В Горный Щит – поселение в 19 верстах от завода – была переброшена в качестве гарнизона рота сибирских драгун (56). 23 ноября 1723 г. командир Сибирского полка слободских драгун полковник Леонтий Парфентьев подал в Тобольск письмо, в котором военно-стратегическое положение Южного Зауралья представало в самом неприглядном свете. Сообщая о нараста-

ющих нападения казахов на слободы края, он писал, что «... одним полком никакими мерами от неприятелей охранять будет невозможно, понеже неприятель подбегает ради разорения и полонного взятия в одних числах в разные многие места». В ответ на нападения «... и за ними для поиску ходить... не с кем, для того, что драгун малое число, и в скорое время весь полк собрать за дальним расстоянием невозможно, понеже оный полк поселен по разным слободам больше как на тысяче верст», всего же полку приходилось оперировать на территории где «... города и остроги и слободы поселены на две или три тысячах верстах». Тяжелым было и положение материальной части полка, «... многие офицеры и драгуны держат при себе плохих лошадей, а есть многие и безконные, а неприятель каждой имеет при себе по 3 – 4 коня добрых и взяв русских людей в полон бегут день и ночь, а им следов их ночью следить невозможно». Затрудняли действия полка и противоречивые приказы администрации, отражавшие колебания политики России в Средней Азии, так в сентябре 1723 г. в полк пришел указ быстро преследовать кочевников, отгоняя их стада, не возвращаясь без боя, «а на улусы их Казачей Орды отнюдь не ходить». Парфентьев сообщал, что в связи с приходом казахов на кочевья «в близости» Южного Зауралья «... если до улусов не ходить, то съехать с ними невозможно будет... а малолюдством ходить туда опасно – приходят во многолюдстве» (57). Аналогичная картина положения Зауралья содержалась в письмах де-Геннина и Бухгольца. Так де-Геннин, сообщая Петру I о множестве «отягчительных пакостях» местной администрации, писал, что «... в слободах зело тягостно и без охранения», сожалел, «что ты сам здесь не бывал и о здешних сибирских состояниях обстоятельно не знаешь» (58). Подполковник Бухголец в 1719 г., докладывая о русско-казахских противоречиях на р. Иртыше, особо отмечал о тревожной обстановке в «Тобольных слободах» – юге Зауралья, где по его данным «от Казачей Орды набеги и подъезды бывают частые, и многие села и деревни разоряют и берут государевых людей в полон и скот отгоняют». Чтобы предотвратить набеги, Бухголец предлагал построить в Зауралье в стратегически важных пунктах «крепких присутствующих местах... не малое число крепостей и удовлетворить не малыми воинскими людьми и артиллерией».

В свою очередь Парфентьев предлагал на юге Тобольского уезда наряду с драгунским полком по Исети – Миассу – Тоболу и 3 ротами на р. Ишим, создать еще один драгунский полк. В 20-е гг. XVIII в. эти предложения не были реализованы, правительство попыталось выйти из военного кризиса на зауральском пограничье, используя существующие ресурсы. В 1724 г. иррегулярный полк драгун Южного Зауралья был преобразован в регулярный гарнизонный Сибирский драгунс-

кий полк. 20 февраля 1724 г. указом Петра I предусматривалось использование военных ресурсов всей Тобольской провинции – Тюмени, Тобольска, Верхотурья и др., чтобы «чинить ему Парфентьеву помощь». Помимо этого указом предусматривалось усиление мер безопасности Южного Зауралья, земским комиссарам тобольских дистриктов (Окуневского, Ялуторовского, Шадринского, Катайского, Исетского) предписывалось следить, чтоб жители жили «... с великим опасением и осторожностью» (59). Во время рекрутского набора 1725 г. впервые с 1703 г. – начала рекрутских наборов в Сибири, было приказано рекрут и недорослей Сибирской губернии не высылать в Европейскую Россию, а укомплектовывать ими сибирские полки. По данным И. К. Кириллова, в 1724 г. всего в Сибирской губернии располагалось 3 пехотных гарнизонных полка и 1 драгунский, в которых по штату полагалось 148 штаб и обер-офицеров, 4828 унтер-офицеров и рядовых и 162 нестроевых – всего 5138 чел., содержание которых обеспечивалось подушным налогом населения Сибири. Как было указано, в Южном Зауралье из них дислоцировался 1 драгунский – Сибирский драгунский полк, с конским составом 1043 лошади. Полку была придана и артиллерия – 11 орудий разных калибров: 1,5 фунтовое – одно, 1 фунтовых – два, 0,75 фунта – три, 0,5 фунта – пять, их обслуживала специальная команда из 2 обер-офицеров и 54 унтер-офицеров и рядовых (60). Наказ 1706 г. командиру полка зауральских драгун требовал использования полковой артиллерии не только при обороне слобод, но и рейдах в степь, «... буде на тех неприятелей идти мочно... драгунских начальных людей и рядовых драгун посылать со всякою опасностью и с ружьем, с которым они служат и с пушки» (61). Использование европейской тактики – строение сомкнутыми шеренгами, широкое применение артиллерийских систем, ружейного огня, гранат должно было компенсировать драгунам в бою превосходство кочевников в живой силе – «... и для того свои шеренги держать вместе, чтоб те супостаты драгун не разорвали, и разлуча врозь не побиили... а буде неприятели учнут многолюдством на государевых людей напирать и по ним велеть стрелять из пушек и мелкого ружья, буде можно достать бросать в них ручные гранаты, а вдаль где достать не мочно гранат небросать, чтобы их напрасно не потерять». Обманывая кочевников, драгуны могли бросать «кожаные гранаты и в груди бросать железными, чтобы их побивать... беречь их на самые нужды». Петровский указ призывал «биться с неприятелем грозно... призвать в помощь себе Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа... биться смело и дерзновенно однакож с разумом и осторожностью». В случае бегства с поля боя драгуна или капитана «... на бегу велеть такова застрелить и лучше ему за церковь Божию и за велико-

го государя и за всех православных христиан на бою умрети, нежели въ ворах казнену или у тех бусурман в работе вечно и отступлению от христианской веры быть». За подвиги – «ратобойство» – предусматривалось «пожалование великого государя милостью» вплоть до производства из рядовых, «смотря по разуму, в капитанское уполное место».

В. К. Андриевич считает образование в 1700 г. драгунского полка датой создания первой регулярной части Сибири, началом процесса перевода сибирских служилых людей в «регулярство» (62). В этой оценке отразилось пренебрежение русских историков XIX в. мероприятиями первых Романовых от Михаила Федоровича до Софьи Алексеевны включительно по созданию в России войска европейского типа, без чего была бы невозможной завершившая этот процесс военная деятельность Петра I. Как мы видели драгунский полк, размещенный в Южном Зауралье, возник на базе созданных в 1661 г. рейтарского и солдатского полков, действительно первых регулярных в Сибири.

Крепостное строительство и формирование вооруженных сил на границе Южного Зауралья стали двумя частями процесса формирования военно-административной системы края, обеспечивавшую его колонизацию русским населением. Изменение национального состава населения края путем смены немногочисленного ясачного населения растущим потоком русского крестьянства, административный переход его территории из состава Тюменского и Верхотурского в Тобольский уезд, начавшееся административное деление внутри Южного Зауралья обуславливались его важностью в системе русского господства в Сибири в целом, как в военно-стратегическом (перекрытие пути из степей к центрам русской власти), так и экономическом отношении (хозяйственная разработка Приисетья позволила перейти на хлебное самообеспечение Сибири).

Примечания:

1. Чернышев С.Ф. *Наши край. Шатрово*, 1993. С. 4.
2. Миллер Г.Ф. *История Сибири*. М., Л., 1941. Т. 2, прил. С. 546.
3. ДАИ. Т.4. С. 87.
4. Дмитриев А. А. *Пермская старина*. Пермь, Вып. 8. С. 27.
5. Титов Ю. *Сибирь в XVII в.* М., 1890. С. 25.
6. Латин Н. А. *Слобода Царево Городище в XVII столетии // Ученые записки Курганского пединститута*. Курган, 1962. Вып. 4. С.12; Кондрашенков А.А. *Русская колонизация Зауралья в XVII - XVIII вв.* // *Ученые записки Курганского пединститута*. Вып. 6. Курган, 1964. С. 19.
7. Меничиков В.В. *Военно-политическая ситуация в Юж-*

- ном Зауралье. // *История Курганской области*. Курган, 1995. Т. 1. С.158.
8. ШФ ГАКО, ф. 214, д.3243, л.5.
9. Дмитриев А. А. Указ. соч. С. 27.
10. *Крестьянство Сибири в эпоху феодализма*. Новосибирск, 1982. С. 131; Вершинин Е. В. Беломестные казаки Зауралья в XVII в. // *Казаки Урала и Сибири в XVII- XX вв.* Екатеринбург, 1993. С. 53.
11. Татищев В. Н. *Лексикон Российской исторической, географической, политической и гражданской // Избранные произведения*. Л., 1979. С. 185.
12. Фишер И. Е. *Сибирская история*. Спб., 1774. С. 52.
13. ДАИ. Т. 4. С. 87.
14. ДАИ. Т. 7. С. 363.
15. Андриевич В. К. *История Сибири*. Спб., 1889. Ч.1. С. 159.
16. Шишонко В. Н. *Пермская летопись*. Пермь, 1884. Т.3. III период. С. 488.
17. *Есиповская летопись* ПСРА. М., 1987. т. 36 С.100.
18. *Сибирский летописный свод* ПСРА. М., 1987. Т.36. С.167.
19. Слобцов П. А. *Историческое обозрение Сибири*. Б/м., 1837. С. 100.
20. *Сибирский летописный свод...С.205*.
21. Котошихин Г. *О Московском государстве в середине XVII столетия*.// *Русское историческое повествование XVI - XVII вв.* М., 1984. С. 282.
22. ДАИ. Т. 4. С. 386.
23. Бахрушин С. В. *Научные труды*. Т. 3. Ч. 2. М., 1955. С. 277.
24. *Хрестоматия по истории Курганской области (досоветский период)*. Курган, 1995. С. 23.
25. РГАДА, ф. 214, к. 535, л. 106.
26. ДАИ. Т. 3. С.354 - 355.
27. РГАДА, ф.214, д. 100, л. 514.
28. Шишонко В. Н. Указ. соч. Т.4. С. 400.
29. Богданов А. П. *Федор Алексеевич // Романовы - исторические портреты*. М., 1997.С. 176.
30. ДАИ. Т.7. С. 349.
31. ДАИ. Т. 7. С. 352.
32. РГАДА, ф. 214, К. 535, л. 106.
33. РГАДА, ф. 214, д. 100, л. 554.
34. *Есиповская летопись... С. 102*.
35. РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2623, л. 34об.

36. РГАДА, ф. 214, д. 100, л. 559.
37. Кондрашенков А. А. *Крестьяне Зауралья в XVII - XVIII в. Челябинск, 1966. Ч.1. С. 100.*
38. Никитин Н.И. *Начало казачества Сибири. М., 1996. С.72.*
39. РГАДА, ф. 214, д. 100, л. 562.
40. РГАДА, ф. 214, ед. хр. 1104, л. 26 - 61 об.
41. РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2623, л. 35 — 35 об.
42. *Сибирский летописец, летопись конца XVII- начала XVIII столетий. Тобольск, 1892. С. 37.*
43. РГАДА, ф. 214, ед. хр. 1104, л. 13.
44. ГАКО, ф. 2260, оп. 1, д. 100, л. 7.
45. *Памятники сибирской истории XVIII в. Спб., 1882. Ч.1. С. 144.*
46. *Там же. С. 289.*
47. РГАДА, ф. 192, оп.4, д.26, л. 43.
48. *Памятники... С. 331.*
49. *Там же.С.389.*
50. *Там же. С. 378.*
51. *Клочков М. Население России при Петре Великом. Т.1. Спб., 1911. С. 64.*
52. РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2623, л. 36 - 38.
53. *Акишин М. О. «Старый полковник» на «береговой службе» Тобольска // Казачество на государственной службе. Екатеринбург, 1993, С. 42.*
54. РГАДА, ф. 214, оп. 5, д. 2654, л. 61 - 94об.
55. *Кондрашенков А. А. Крестьяне... С. 101.*
56. *Геннин В. Описание Уральских и Сибирских заводов 1735 г. М., 1937. С. 75; Земцов В. Н., Лятин В. А. Екатеринбург в мундире. Екатеринбург, 1993. С. 20.*
57. *Памятники... Т.2. С. 443.*
58. *Попов Н. В.Н.Татищев и его время. М., 1861. С. 47.*
59. *Памятники... Т.1. С. 446.*
60. *Кириллов И. К. Цветущее состояние всероссийского государства. М., 1977. С. 261.*
61. *Памятники... Т.1. С. 289.*
62. *Андреевич В. К. История Сибири. Т. 2. СПб., 1889. С.188.*

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ

г. КУЗНЕЦКА В 1618 -1860 гг.

О.Н. Вилков (Институт истории СО РАН)

Возникновение, становление и развитие Кузнецкого острога, построенного сначала в апреле 1618 г. томскими, тюменскими и верхо-турскими служилыми людьми на левом берегу Кондомы в 4-х верстах от ее впадения в Томь, а затем в июле 1620 г. перенесенного кузнецкими «годовальщиками» и присланным из Томска вспомогательным отрядом на правый берег Томи и поставленного «на новом угодном месте за Томью рекою... у пашен и у санных покосов и у рыбных ловель», напротив устья Кондомы (1), происходило в сложной и противоречивой обстановке. Наличие здорового климата, плодородной черноземной почвы, сочных лугов, полноводных рек, лесных массивов с обилием разных пород зверей и дичи, разнообразных полезных ископаемых и накопленного местными народностями определенного производственного опыта содействовали развитию Кузнецка. Пограничное же положение Кузнецкого острога, частые и разрушительные вторжения кочевых феодалов в 1622, 1624, 1633, 1634, 1635, 1638, 1640, 1648, 1665, 1673, 1674, 1675, 1682, 1700, 1701, 1709 годах, значительная пространственная оторванность в южном направлении от всех прочих русских поселений Сибири, похожая на изоляцию, нахождение в стороне от основных торгово-транспортных магистралей и рынков сбыта, чрезвычайная загруженность государственными службами основного контингента местных торговцев - служилых людей, мешавшая им в большей степени отдаваться промыслово-торговым делам, малочисленность купцов и мизерность их капиталов, тормозили его нормальное развитие. Особенно большие препятствия для частного торгово-промышленного предпринимательства ощутило население Кузнецка будучи в составе Кольвано-Воскресенского (с 1831 г. Алтайского) горного округа, образованного в 1747 г. в связи с переходом Кольвано-Воскресенских заводов и рудников А.Н. Демидова в личную собственность царствующего императора и под управление его императорского величества Кабинета. В этот период почти вся жизнь Кузнецка была подчинена интересам заводского производства (2).

Население Кузнецкого острога, находившегося до 40-х годов XVIII в. полностью под юрисдикцией губернского правления, непрерывно росло: в 1618 г. - 10 д.м.п., в 1624 г. - 74, в 1663 г. - около 287, в 1698г. - 429, в 1724 г. - 1918 д.м.п. (3). На увеличение населения города в 4,5

раза между 1698 и 1724 гг. существенную роль играло известное ослабление военной опасности в связи с проведением в 1716-1720 гг. Иртышской оборонительной линии и постройкой в 1713 г. Чаусского острога, в 1716 г. - Бердского, в 1717 г. - Белоярской крепости и в 1718 г. - Бийской крепости (4). С начавшейся с 1727 г. приписки жителей Кузнецкого уезда к Колывано-Воскресенским заводам население Кузнецкого острога стало убывать: в 1744 г. - 1884 д.м.п., в 1782 г. - 996, в 1795 г. - 770 д.м.п. Четвертая ревизия 1782г. уже зафиксировала среди неокладных жителей г.Кузнецка 32 мастеровых царской горнозаводской вотчины. Вторая ревизия 1744г. в отношении населения г.Кузнецка также пользовалась терминологией Колывано-Воскресенских заводов, а именно: «приказные служители», «отставные служители и дворяне» (5). Отрицательные последствия для демографического развития г.Кузнецка, полностью попавшего со всеми оставшимися от прежних приписок податным сельским и частично городским населением в 1760-1761гг. под юрисдикцию канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства, не смогло смягчить даже сооружение в 1760г. старой Колывано-Кузнецкой оборонительной линии, смыкавшейся с Иртышской (6). В условиях ожидаемого нападения со стороны Цинского Китая, завоевавшего в 1755-1758 гг. Джунгарское ханство и вышедшего в результате этого к южным рубежам Западной Сибири, был дан 17 октября 1760 г. указ правительствующего Сената о сооружении новой Колывано-Кузнецкой оборонительной линии с определенными затем крепостями: Усть-Каменогорская, Ануйская, Катунская, Бийская, город-крепость Кузнецк, в котором в 1800 г. деревянная рубленая крепость была заменена каменным кремлем. Пространство между крепостями заполняли 7 форпостов, 2 редута, 6 защит, 14 укрепленных маяков и 2 полумаячка (7). Указ Сената «О занятии в Сибири мест от Усть-Каменогорской крепости по реке Бухтарме и далее до Телецкого озера, о построении там в удобных местах крепостей и о заселении той стороны русскими людьми до 2000 человек», сыграл очень большую роль в освоении и изучении Алтая и непосредственно в оборонном укреплении границ Южной Сибири. Окончательный вариант Колывано-Кузнецкой линии по проекту Шпрингера-Деколонга был оформлен в начале 1765 г., а строительство крепостей и форпостов было закончено в основном в 1771 г. (8). Сама линия, опоясывающая укрепления Западную Сибирь с юга, в последствии была продолжена до Саянского острога (1718 г.) на Енисее. Проведение новой Колывано-Кузнецкой оборонительной линии, возвращение в 1797 г. купцов и мещан г.Кузнецка, частично приписанных к заводам в 40-70-х гг. XVIII в., из под юрисдикции канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства под

Тобольскую губернскую юрисдикцию с освобождением их от заводских повинностей (9), реформы М.М.Сперанского (10), открытие золотых россыпей в округе и допуск к их разработке с 1835 г. частных промышленников, а также передача алтайских предприятий горнозаводской промышленности из под управления Кабинета под арендованное управление Министерства финансов с 1830 по 1855 гг. (11) не могли не способствовать в целом увеличению населения г.Кузнецка: в 1825 г. - 1248 д.м.п., в 1831 г. - 1040, в 1835 г.- 1385, в 1842 г. - 1407, в 1847 г. - 1433, в 1850 г. - 1513 д.м.п., а затем снова падение: в 1858 г. - 983 д.м.п., в 1860 г. - 962 д.м.п.(12). Хотя население г.Кузнецка из-за убытия в другие места и снизилось с 1724 по 1858 г. почти наполовину с 1918 до 983 д.м.п., но он все же по количеству населения продолжал прочно удерживать среди наличных сибирских городов срединное положение. В 1744 г. ему принадлежало 9 место из 21, в 1782 г. - 17, из 37, в 1823 г. - 13, из 24, в 1835 г.- 14, из 30, в 1852 г. - 17 место из 33 (13). В этом отношении он, имея в 1852 г. 2831 д.об.п., опережал такие города Сибири как Канск (272 д.об.п.), Бийск (2677), Курган (2649), Ялуторовск (2526), Ачинск (2429), Ишим (2365), Кольвань (2319), Ялуторовск (2281), Нижнеудинск (2089 д.об.п.) и другие (14). Приведенные данные свидетельствуют о прошедшем превращении г.Кузнецка из военно-административно-хозяйственного центра в настоящий административно-экономический город.

Происходили изменения и в застройке г.Кузнецка. До 1771 г., она колеблясь, возрастала: в 1698 г. - 424 двора, в 1705 г. - 525, в 1710 г. - 351, в 1763 - до 500 и в 1771 г. - 583 двора (15). Затем сократившись к 1825 г. до 375 зданий, стала снова с заметными колебаниями увеличиваться: в 1835 г. - 409, в 1842 г. - 414, в 1847 г. - 380, в 1851 г. - 449, в 1858 г. - 453 дома. Но происшедшего увеличения не хватило для возвращения Кузнецка по количеству дворов в соответствии с требованиями регламента Главного магистрата от 16 января 1721г. снова из четвертой (250-500 дворов) в третью (500-1000 дворов) группу. В 1831г. Кузнецк по количеству населения (в 1825 г. - 2359 д.об.п., в 1835 г. - 2787 д.об.п.) в соответствии с требованиями Устава 1822 г. был отнесен в разряд средних городов (16).

С конца XVIII в. стали появляться в Кузнецке каменные здания. Первыми из них были приходская церковь святой Одигитрии (1775-1786), заложенная на деньги купца 3-й гильдии И.Д.Муратова и достроенная на средства купца Почекушина и построенные в 1793-1812 гг. кафедральный Спасо-Преображенский собор на месте старой деревянной церкви, здание присутствующих мест, кремль на Вознесенской горе в 1800 г. на месте прежнего четырехугольного деревянного укрепления с башнями, «которые ныне (1797 г.- О.В.) в конец разрушились»,

гауптвахта, пороховой погреб, офицерский дом, солдатская казарма (к 1807 г.), «крепостные ворота о трех этажах с жилыми покоем и подзорною башнею» (1809-1810), часовня на кладбище (1810), два штаб-офицерских дома, вторая солдатская казарма, кухня, артиллерийский цейхгауз (17). К 1825г. к ним прибавились 1 каменная православная церковь и 2 каменных жилых частных дома. В 1833, 1842,1847 и 1861 гг. в городе было по 3 каменных жилых частных дома. В 1864 г. в Кузнецке имелось 3 каменные православные церкви, 5 казенных каменных жилых домов и 1 частный каменный жилой дом. В 1875 г. он имел 4 каменные православные церкви, 4 каменных жилых здания, да, «кроме того, сохранилась каменная стена с башнями и бойницами бывшей крепости» (18). В 1910 г. в Кузнецке было всего 11 каменных строений, в том числе 4 православные церкви и 7 каменных жилых домов (18). Отсюда видно, что успешно начавшееся в Кузнецке в конце XVIII - начале XIX в. каменное строительство в дальнейшем должного развития не получило из-за отсутствия у города необходимых для этого экономических и духовных стимулов.

Претерпела изменения и структура городского населения. Переломным рубежом в ней стал промежуток времени между 1698-1724 гг. Если в 1698 г. в населении города доминировали служилые люди всех категорий, на долю которых приходилось 67,3% (289 д.м.п.), а на долю податного посадского 9,3% (40 д.м.п.) и крестьянского 23,4% (100 д.м.п.) люда, то в 1724 г. на их долю стало приходиться уже 71% (1363 д.м.п.), а доля людей служилого чина упала до 29% (555 д.м.п.) (19). Превалирование податного населения над неподатным сохранилось и в последующие годы. Доля первого в населении г.Кузнецка составляла в 1744 г.-74,4% (1713 д.м.п.), в 1782 г. - 67,4% (672), в 1825 г.- 59,9% (748 д.м.п.), в 1835 г. - 63,3% (1765 д.об.п.), в 1851 г. - 71,1% (2071 д.об.п.), в 1860г. - 69,3% (1169 д.об.п.), а доля второго соответственно только 25,6% (171 д.м.п.), 32,6% (324), 33,3% (440 д.м.п.), 30,9% (861 д.об.п.), 18,2% (514), 30,7% (518 д.об.п.) (20).

Основную и наиболее активную часть среди жителей г.Кузнецка в занятиях торговлей, промыслами, промышленностью и частично хлебопашеством, представляли на всем протяжении XVII в. служилые люди всех категорий, на долю которых в 1698 г. приходилось 67,3% (289 д.м.п.) населения города. Максимум в численности они достигли к 1724 г. (555 д.м.п.), но с утратой доминирующего положения в населении города (29%). В последующее время их абсолютная и относительная роль в составе и структуре населения заметно колебалась: в 1782 г. - 267 д.м.п. (26,8%), в 1825 г. - 319 (25,6%) и в 1860 г.- 401 д.м.п. (23,8%) (21). Но даже и теперь с падением удельного веса в населении г.Кузнецка неподатных сословий их элита в лице дворян, офице-

ров, чиновников всех рангов и т.д. оставалась в условиях феодального общества серьезным потребителем приобретаемых на рынке разнообразных продовольственных и промышленных товаров, купить которые им, получавшим высокие оклады жалованья, не составляло большого труда. Что касается служилых людей XVII в., то они, выполняя многочисленные государственные службы военного, административного, транспортного, хозяйственного, финансового и дипломатического характера в городе, уезде и за пределами их, почти всегда умели использовать эти службы с немалой выгодой для развития своей собственной, хотя и не всегда длительной, торгово-промышленной деятельности. Освобожденные от податей и налогов, получившие постоянное дифференцированное по чинам жалование деньгами, товарами, хлебом и солью, пребывавшие почти в непрерывных разъездах по сбору ясака и других поборов с ясачного и русского окладного люда, занимавшиеся ежегодно доставкой «государевой соболиной казны» в Томск, Тобольск и даже Москву, а обратно сопровождавшие из Тобольска до Кузнецка груженные хлебом и солью дощаники, наделенные некоторыми таможенными пошлинными льготами служилые люди по сравнению с окладными сословиями имели большие возможности для занятия торговлей, промыслами и промышленностью. Служба же с пашни в зачет хлебного жалованья не получила в XVII в. у служилых людей Кузнецка заметного распространения. Зачет при выдаче хлебного жалованья за службу с пашни составил в 1659 г. лишь 9% общего хлебного оклада 199 кузнецких служилых и оброчных людей в 1198 четей ржи и 781 четь овса, в 1663 г. - 7,4% общего хлебного оклада 235 служилых и прочих людей в 1407 четей ржи и 906 четей овса, в 1665 г. - 7,1% общего хлебного оклада 238 служилых оброчных людей в 1437 четей ржи и 941 чети овса, в 1673 г. - 4,9% общего хлебного оклада 257 кузнецких служилых и оброчных людей в 1658 четей ржи и 1172 чети овса, в 1677 г. - 6,6% общего хлебного оклада 232 служилых и оброчных людей в 1482 чети ржи и 1073 четей овса и в 1679 г. - 5,3% общего хлебного оклада 238 кузнецких служилых и оброчных людей в 1481 четь ржи и 1055 четей овса. В 1702 г. все 269 служилых людей сидели полностью на хлебном жаловании и никто из них, за исключением редких случаев, и потом не служил с пашни. В 1707г. на казенные хлебные дачи кузнецким служилым людям ушло 1405 четей ржи и 794 чети овса и восьмипудную четверть. При этом тобольская присылка дала 1087 четей ржи (77%) и 427 чети овса (53%), а хлеб местного производства с 32 десятин государственной пашни составил 318 четей ржи (27%) и 372 чети овса (47%) (22). Заслуга служилых людей г.Кузнецка состояла в том, что они, став первыми его постоянными жителями, оказались и пионерами в заведе-

нии в нем запашки еще в 1620г., когда перенесли город на правый берег Томи и поставили его «на новом угожем месте», «у пашни и сенных покосов» (23). Первые успехи городского хлебопашества сказались уже к 1631 г., когда на рынке появился впервые в продаже местный хлеб. Если еще в 1625 г. из Москвы предписывалось «семьянистых» служилых людей отпускать в пашенные сибирские города покупать хлеб «в прибавку к государеву жалованью», то уже в 1631г. в наказе пятому воеводе Ф.Нащекину отмечено: «будет из которых не пашенных городов» приедут служилые люди «покупать хлеб в Кузнецком остроге про свою нужду, а не продажу», им разрешать покупку (24).

Вторым компонентом городского населения Кузнецка были пашенные крестьяне, основной источник которых на всем протяжении XVII и начала XVIII в. составляла ссылка, ибо в пограничный город Кузнецк, лежащий в стороне от главного пути, пересекающего Сибирь и подвергающийся частным военным нападениям, вольные переселенцы в крестьяне не шли. Впервые крестьяне в городе появились к осени 1625г. в количестве 13 человек, а через год были присланы еще 13 человек из Ницынской слободы в наказание за убийство приказчика С.Молчанова (25). Военная опасность не позволяла удалять пашни от городских стен, которые были защитой крестьянским пашням и которые сами защищались силами крестьян. В своей челобитной 1703 г. кузнецкие крестьяне писали: « а в приход воинских людей служили мы... всякие... службы и летние и на караулах около города по башням с детишками своими и на выласки ходим и бьемся не щадя голов своих». Поэтому Сибирский Приказ отмечал в 1703 г., что все кузнецкие крестьяне пахали пашню «кругом города» (26). Характер же контингента кузнецких пашенных крестьян, состоявший более чем наполовину из холостых, а не женатых и не «семьянистых» ссыльных, среди которых к тому же «многие люди» были «стары и увечны», «а иным» и «пашня» была «не за обычай» (27), не содействовал быстрому естественному приросту крестьянского населения города. Оно росло главным образом за счет присылки в крестьяне новых ссыльных. В силу этого рост был медленный и с большими колебаниями. При этом в 1628 - 1660 гг. численность их возрастала: в 1628 г. - 25 д.м.п., в 1640 г. - 32, в 1652 г. - 50, в 1660 г.- 54 д.м.п., а затем с колебаниями уменьшалось: в 1661 г. - 41, в 1662 г. - 52, в 1663 г. - 40 д.м.п., и снова испытывала колеблющееся повышение: в 1674 г. - 53, в 1678 г. - 98, в 1681 г. - 91, в 1698 г. - 100, в 1705 г.- 96 д.м.п. (28). По переписи 1710 г. крестьянских дворов в г.Кузнецке насчитывалось 46, а в 1719 г. - 35 (29). В населении города 1698г. на долю государственных пашенных крестьян приходилось 23,4% (100 д.м.п.), а в 1710 г. - 13,1% (46 дворов). С ослаблением военной опасности произошло увеличение в го-

родском населении численности крестьян с 357 д.м.п. в 1744 г. до 504 д.м.п. в 1782 г. С учетом всего городского населения на долю крестьян в этом населении приходилось в 1744 г. - 20%, а без учета разночинцев, коих было 1418 д.м.п., уже 57,9%. В 1782 г. доля крестьян во всем городском населении, в котором не показаны разночинцы из-за изменения их социального положения в связи с припиской к заводам, составила 50,6% (30). Академик И.П.Фальк, посетивший в 1771 г. г. Кузнецк, нашел, что «в оном году было в нем жителей 1530 душ мужского пола и 1629 женского пола и гарнизон состоявший из 2 эскадронов драгун. В числе первых было 90 служащих казаков, прочие же кроме канцелярских служителей и духовных, были все крестьяне, кои занимались торговлею и ремеслами. Главный здесь промысел есть сельское хозяйство и большая часть жителей должны, по примеру прочих поселян, зарабатывать подушные подати на Барнаульских заводах. Они находились под ведением Горной Канцелярии, имевшей здесь управителя. Здесь живет также определенный из Тобольской губернии воевода, под управлением которого состоят освобожденные от горных работ русские и все Татара». В примечание к этому положению академика И.П.Фалька указывалось, что «в 1782 г. при учреждении Колыванской губернии, в Кузнецке, как уездном городе, вместо воеводской Канцелярии и Горной конторы, учрежден уездный суд, зависящий от Колыванского губернатора» (31). С выводом в 1797 г. Кузнецка из под юрисдикции канцелярии Колывано-Воскресенского горного начальства в ведомстве Тобольской губернии и последующие административно-территориальные реформы 1804 и 1822-1824 гг., вызванные социально-экономическими сдвигами в стране, оказали существенное влияние на вытеснение крестьян из городской среды Кузнецка. В 1825 г. доля крестьян в его населении составляла всего 4,1% (108 д.об.п.), в 1875г. - лишь 1% (31 д.об.п.). По своей численности в городском населении (2359 д.об.п.) крестьяне стояли в 1825г. впереди прислуги (64 д.об.п.), ссыльных (58), духовенства (38), купцов (25), губернских чиновников (16), инородцев (15 д.об.п.) и дворян (1 д.м.п.), но многократно уступали численности горожан и ремесленников (1275 д.об.п.), военных (510) и чиновников разных рангов (254 д.об.п.). В населении г. Кузнецка 1875 (3020 д.об.п.), крестьяне, опережая количественно и потомственных дворян (18 д.об.п.) и духовенство (28), с колоссальным разрывом отставали от мещан (1960), бессрочных, временно отпусковых и отставных воинских чинов (335), ссыльнопоселенцев (290), нижних воинских чинов на службе (247), дворян личных и чиновников (71), купцов и почетных граждан (40 д.об.п.) (32). Кузнецк здесь выглядит по составу постоянного населения настоящим административно-мещанским городом, крестьянское население которого

в силу своей производственной и сословной специфики и нажима администрации предпочитало теперь разворачивать свою сельскохозяйственную деятельность в уездном приволье, надежно защищенном оборонительными линиями от разорительных военных нашествий кочевых феодалов. Численность уездного крестьянства, в том числе разночинцев, под которыми в XVIII в. подразумевались люди, вышедшие из одного сословия и не приписанные к другому, а именно: отставные солдаты, отпущенные на волю дворовые, переселившиеся в деревню горожане, а также и не пахавшие государеву пашню государственные крестьяне Сибири, быстро росла: в 1724 г. - 3165 д.м.п., в 1743 г. - 4955, в 1763 г. - 5280, в 1783 г.- 10287, в 1796 г. - 12711, в 1825 г.- 18386 д.м.п. (33). В этих условиях, при товарности уездного земледелия в 1788 г. не менее 13% от валового сбора хлеба в 106782 четверти, хлеба вполне хватало и на удовлетворение всех внутренних потребностей, и на продажу (34). Городское неземледельческое население теперь уже не испытывало недостатка в нем на местном рынке, как это было еще в начале XVIII в. В целом же, в Алтайско-Томской части Сибири товарность земледелия росла по сравнению с центром страны более быстрыми темпами. Если в центре страны за четверть века (1800-1825 гг.) товарность, исчисленная от чистого сбора, выросла с 10% до 17%, то за тот же период в Алтайско-Томской части Сибири, товарность, исчисленная от валового сбора, выросла с 9% до 26% (35).

Третьим компонентом постоянного населения г.Кузнецка, в котором первыми двумя категориями населения были служилые (с 1618 г.) и пашенные крестьяне (с 1625 г.), являлись посадские люди. Посадские, как постоянные жители Кузнецка, появились в нем не ранее 1633 г., ибо в этом году отмечалось, что посадские люди - «томич... живут в Кузнецком и Мелесском остроге в целовальниках по 18 человек» (36), Кузнецкий посад не отличался многолюдностью. В 1698 г. в нем насчитывалось 40 д.м.п., в 1707 г. - 61, в 1710 г. - 31, в 1719 г. - 93, в 1744 г. - 110-119, в 1747 г. - 111, в 1762 г. - 157, в 1765 г. - 128, в 1767 г. - 184 и в 1782 г. - 103 д.м.п. В общем составе населения г.Кузнецка на долю посадских приходилось в 1698 г. - 9,3%, в 1705 г. - 11,6%, в 1744 г. - 5,8-10% и в 1782 г. - 10,3%. Иными словами, доля их в городском населении не спускалась ниже 5,8% (110 чел.) и не поднималась выше 11,3% (61 чел.). По количеству посадского населения Кузнецк превосходил в 1699 г. только Березов (3), Тару (6) и Нерчинск (6 д.м.п.), не считая не имевших посадских Пельма, Сургута, Нарыма и Кетска, а в 1744 г. - Березов (9 д.м.п.), Нарым (12), Кетск (12) и Омск (34 д.м.п.), Сургут, Пелым и Семипалатинск не имели посадских (37). Заметно колеблющийся и при том замедленный рост

посадского населения г.Кузнецка обуславливался многими причинами, среди которых немаловажное значение имели и небезопасное для жизни положение Кузнецка как пограничного в XVII - начале XVIII в. города-воина, и тяжесть самого посадского тягла, и приписка части посадского населения г.Кузнецка к Кольвано-Воскресенским горно-металлургическим заводам и рудникам, и оттягивание сформировавшихся на территории горного округа промышленными поселками части ремесленно-торгового населения Кузнецка к себе, и конкуренция посадским Кузнецка со стороны Томска, Бийска, Барнаула, и административные переводы, и самовольные уходы части посадского люда в другие места (38). Тяжким бременем на плечи как русского, так и нерусского служилого и посадского населения легло острожное строительство в 1709-1719 гг. Бикатунской крепости, Чаусского и Бердского острогов, Белоярской и Бийской крепостей и отражение военных нападений. В 1709 г. посадские люди вместе с другими кузнецанами во главе с И.Максюковым встретили ойротов (джунгар) в трех верстах от Кузнецка и в коротком бою рассеяли их войско, захватив 677 лошадей и другие трофеи. Нередко от тяжести острожного и военного дела и податей посадские пускались в бег. Так, в 1715 г. из Кузнецка бежали «в Контайшина владения в Белые Калмыки» 2 посадских человека. В 1717 г. из Кузнецка бежали «от строения городского 7 служилых людей и казачьих детей, да от податей 7 крестьян и посадских людей да подгородные белые калмыки» (39).

Общая масса посадских людей, состоявшая в основном из торговцев и ремесленников и, получившая по Соборному уложению 1649 г. монопольное право на занятие торгово-промышленной деятельностью, была по регламенту Главного магистрата от 16 января 1721 г., как и все остальные горожане, кроме дворянства, духовенства, иностранцев: купцов и мастеров, разделена на «регулярных» и на «нерегулярных» граждан. К «нерегулярным» гражданам относились лица, не имевшие собственности и определявшиеся в силу этого регламентом как «подлые люди, обретающиеся в наймах и в черных работах, которые нигде между знатными и регулярными гражданами не считаются». «Регулярные» граждане в свою очередь делились на 2 гильдии. В первую гильдию из посадских вошли «банкиры (которые дают на вексея деньги), знатные купцы, которые имеют отъезжие большие торги и которые разными многими товарами в рядах торгуют, городские доктора, аптекари, лекари, шкиперы купеческих кораблей, золотари, серебряники, иконники, живописцы». Ко второй гильдии относились мелкие торговцы, «которые мелочными товарами и харчевыми всякими припасами торгуют», а также «рукомесленные» люди: «рещики, токари, столяры, портные, сапожники и сим подобные». «регуляр-

ные» жители пользовались правом избирать местные магистраты, а «нерегулярные» - нет. (40). Последние ни в гильдии, ни в цехи не включались. Сами же гильдии представляли собой не добровольные союзы, организованные в интересах своих членов, а государственные институты с административно-фискальными обязанностями, и по замыслу Петра 1 должны были объединить в особое сословие все торгово-промышленное население городов, представлявшее, по его выражению, «рассыпанную храмину» (41). Когда же дело дошло до обложения налогами городского населения, то ревизоры не стали облагать подачу «подлых» отдельно, а включили их в общее для всей посадки общины тягло. Но как старый термин «посадское», обозначавший всю совокупность налогоплательщиков городских налогов, в законодательстве не употреблялся, то «подлых» (тяглые городские низы), а также разночинцев, записывающихся в посадское тягло, стали причислять к «купечеству», т.е. к тем, кто был определен в гильдии. В итоге термин «купечество» приобрел второй смысл и стал идентичен термину «посадские» (42), которые до реформ Петра в правовом отношении представляли однородное сословие с подразделением внутри посадской общины по имущественному признаку в основном на три статьи: первостатейных, среднестатейных и третьестатейных (или «лучших, средних и молочших», а иногда выделялись и «самые молочшие»). Так, на практике 20-70-х гг. XVIII в. посадские люди, названные купечеством, по-прежнему делились по имущественному признаку (по тяглам и промыслам) на 3 статьи или гильдии, между которыми не было существенных различий сословного характера. Сам же термин «гильдия» был впервые упомянут в регламенте Комерц-коллегии (1719 г.), а регламентом Главного магистрата было объявлено обязательным создание гильдии во всех городах (43). Но данное требование не везде и не всегда выполнялось. Так, в г.Кузнецке горожане, подведомственные магистрату, не были еще и в 1767 г. расписаны по гильдиям, а в само купечество записывались с нарушениями даже нормативного минимального размера капитала в 500 р. Поэтому в числе 175 горожан, записанных в купечество, оказалось: 11 человек, «торгующих в портах и на границе на общую сумму в 4000 р.», вложенных во внешнюю торговлю : 5 человек, «записанных в купечество, а занимающихся ремеслом», 77 человек «числящихся купцами, но работающих по найму» и 82 человека «старых, дряхлых, увечных и малолетних». Здесь же отмечалось, что «реальное количество занимающихся торговлей» составляло 11 человек, что «общее количество цеховых в городе» являло 16 человек, а «реальное количество занимающихся ремеслом - 21 человек. Из общего числа «горожан, подведомственных магистрату, в наличии» был 191 человек. При этом указывалось, что

среди кузнецких купцов в 1767 г. - 27 человек вышли из крестьян (44).

Положение существенно изменилось в 70-80-х гг. XVIII в., когда зажиточное меньшинство выделилось особыми сословными (гильдейскими) правами и привилегиями из массы податного населения городов. Манифестом 17 марта 1775 г. купеческое сословие было разделено на гильдейское купечество (3 гильдии) и мещан. К первым причислялись купцы, объявившие капитал от 500 р. (по указу от 25 мая 1775 г. : третья гильдия от 500 р. до 1 тысячи, вторая от 1 до 10 тыс.р., первая 10 тыс. и более), остальные горожане отнесены к мещанам. Гильдейское купечество получило освобождение от уплаты подушной подати, которая была заменена сбором в размере 1% с объявленного капитала (в 1797 г. - 1,25%, в 1810 г.- 1,75%, в 1812 г. - 4,75%, в 1818 г. - 5,23%, в 1821 г. - с пошлиной за купеческие книги), и в 1776 г. - от рекрутской повинности, замененной денежным взносом в 360 р. (с 1782 г. - 500 р.). Жалованная грамота городам не только определила права и обязанности гильдейского купечества, но и пересмотрела нормы капитала в гильдиях (третья 1-5 тыс.р., вторая 5-10 тыс.р., первая 50 тыс.р.). Крупнейшие купцы (капитал более 50 тыс.р.), банкиры (капитал 100-200 тыс.р.) и некоторые другие горожане были выделены в разряд «именитых граждан», который с введением в 1832 г. нового сословия «почетных граждан» был упразднен. Купцы 1-й гильдии и «именитые граждане» получили преимущественное право вести заграничную торговлю наряду с внутренней, второй - крупную внутреннюю и третьей - мелкую городскую и уездную торговлю. «Именитые граждане» и купцы первых двух гильдий получили освобождение от телесных наказаний, а все гильдейское купечество - от тяжелых и обременительных казенных служб. Попытка Е.Ф.Канкрин, так называемой гильдейской реформой 1824 г. укрепить позиции гильдейского купечества в борьбе с мелкой торговлей крестьян и мещан в городах, не имела успеха, ибо она не прекратила постепенный упадок гильдейского купечества, сокращение его численности, уменьшение капитала. В 1863 г. третья гильдия была отменена и были установлены купеческие, или гильдейские свидетельства, обязательные для торгово-промышленных предприятий. С развитием капитализма роль гильдий упала (45). Гильдейских купцов в г.Кузнецке было мало. В 1825 г. их насчитывалось 25 человек (7 м. и 18 ж.), в 1833 г. - 13 мужчин, в 1842 г. - 36 человек (19 м.п. и 17 ж.), в 1847 г. - 16 (9 м. и 7 ж.) и в 1851 г. - 16 человек среди них не было ни одного купца первой гильдии, а купцы второй гильдии отмечены одним семейством в 1847 г. и 1-2 семействами в 1851 г. Основной контингент гильдейского купечества составляли купцы 3 гильдии. В 1864 г. в Кузнецке уже имелись: 1 купец первой гильдии и 31 купец второй. Третья гильдия в 1863 г.

была отменена. С повышением качественного состава гильдейского купечества и с учетом капиталов негильдейского купечества общая сумма объявленного капитала возросла с 48 тыс.р. в 1825 г. до 88 тыс.р. в 1860 г., т.е. в 1,8 раза. При этом между 1834 г. и 1850-м годом произошло ее падение с 48 тыс.р. до 27,6 тыс.р., а затем она увеличилась в 3 раза: в 1850 г. - 27,6 тыс.р., в 1855 г. - 52,8 тыс.р., в 1860 г. - 88 тыс.р. (46). Падение ее было связано с переходом купцов от торговли к капиталистической золотопромышленности, а непрерывное возрастание суммы объявленного капитала также обуславливалось необходимостью через торговые поставки удовлетворять все возрастающие потребности успешно функционировавшей золотопромышленности в разнообразных сельскохозяйственных и промышленных предметах (47). Показательно при этом, что в общей массе населения г.Кузнецка доля гильдейского и негильдейского купечества в 1782-1795 гг. росла, составляя в 1782 г. 4,3% (43 д.м.п.) и в 1795 г. 5,8% (45 д.м.п.), а затем топталась в пределах 0,6 и 1,8%, а именно: в 1825 г. - 1,06% (25 д.об.п.), в 1831 г. - 1,8% (36), в 1835 г. - 1,04% (29), в 1842 г. - 1,3% (36), в 1847 г. - 0,6% (16), в 1850 г. - 1,7% (47), в 1851 г. - 1,05% и в 1860 г. - 1,8% (30 д.об.п.) (48). Определенную роль в этом процессе замедленного роста купечества и накопления его капиталов играла и кабинетная политика по запрещению до 1865г. переселений на Алтай, вольного маркитанства, вывоза с территории округа кирпича, леса, хлеба и прочего (49).

Основную массу «городовых обывателей» под которыми по «Грамоте на право и выгоды городам Российской империи» от 21 апреля 1785 г. подразумевались все те, «кои в том городе или старожилы, или родились, или поселились, или дома или иное строение, или места, или землю имеют, или в гильдии, или в цех записаны», составляли мещане, т.е. посадские, не располагавшие необходимым капиталом для записи в гильдии и достаточным профессионализмом для вхождения в цехи в качестве мастеров, подмастерьев и учеников различных ремесел (50). Хотя запись в цехи и была обязательной, а внецеховое ремесло запрещалось, но не все ремесленники записывались в цехи. Так, по данным Комиссии о коммерции в 1767 г. из 21 ремесленника г.Кузнецка в цехи записались 16, а 5 нет (51). В сводных статистических таблицах составленных по данным второй, третьей и четвертой ревизией, сам термин «цеховые» присутствует, но в отношении г.Кузнецка значился всегда без указания самого количества цеховых ремесленников (52). По ревизии же 1795 г. кузнецкие цеховые идут уже не самостоятельной графой, а в совместном числе и вместе в одной графе с мещанами, а именно: «мещан и цеховых 670» (53). Таким же совместным выражением «мещан и цеховых» пользуется и Ю.А.Гаге-мейстер при описании структуры населения городов Сибири в 1823,

1835, 1851 гг. (54). Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи, составленные Статистическим отделением Совета Министерства внутренних дел и по данным 1840 г., 1842 г. и 1847 г. пользуются иным обобщенным термином: «мещан и посадских» (55). В опубликованной книге К.Ф.Ледебура, А.А.Бунге, К.А.Мейера «Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи» в приложениях таблицы 16 со сведениями о состоянии городов Томской губернии в 1825 г. составители ее из состава делопроизводителей Канцелярии Кольвано-Воскресенского горного начальства оперировали другим объединяющим термином: «горожане и ремесленники», употребляя его после термина «кушцы», членя их по гильдиям (56). Отсюда видно, что из трех самостоятельных сословий, входящих в состав городских сословий, самостоятельное количественное исчисление имело одно лишь купечество. Сословия мещан и цеховых этого количественного разъединения в статистическом отношении были лишены и в статистических таблицах давались в едином суммированном количественном исчислении, в разных вариациях: «горожане и ремесленники», «мещане и посадские», «мещане и цеховые», свидетельствуя тем самым о недостаточной развитости цеховой организации. Что касается г.Кузнецка, то в нем, видимо, развитию цехового строя препятствовала в какой-то степени и сложившаяся в Алтайском горном округе практика запрещения объединения мастеровых в цеховые организации, законодательно оформленная статьей 400 «Горного устава» 1857 г. (57).

Само название «мещане» произошло от проникшего из Украины и Белоруссии слова «место» - город (58). Принадлежность к мещанскому обществу города была наследственной. Мещане г.Кузнецка занимались мелочной торговлей, каковых в 1850 г. насчитывалось 32 чел., а в 1861 г. - 320 чел. (59), ежегодным тканьем холста до 25000 аршин, выделкой кож, вываркой мыла, ежегодной добычей воска до 20000 пудов, изготовлением железных изделий и прочими ремеслами и личными услугами, в которых было занято в 1850г. до 220 чел. (60). Знали они и хлебопашество, в котором подвизались в 1850 г. 7 чел., а в 1860 г. - 3 чел., не чуждались огородничества, хмелеводства, табаководства, пчеловодства, скотоводства, звероловства и рыболовства, удачно сбывая ее продукцию в Томской и Енисейской губерниях и на Ирбитской ярмарке (61). Служили они и у купцов приказчиками и доверенными лицами, нанимались на промысловые и промышленные предприятия, золотые прииски, судоходство и в личное услужение. Уходящие из Кузнецка на заработки в другие места, преимущественно на золотые промыслы, получили в 1868 г. около 448 паспортов (62). Разбогатевшие мещане Кузнецка переходили в кушцы, а мещан, занимавшихся сельским хозяйством, отчисляли в крестьяне. Среди пос-

ледних в 1798-1800 гг. оказалось 41 душа мужского пола кузнецких и томских мещан (63). С ликвидацией в 1824 г. единой Колывано-Воскресенской посадской общины с центром в Барнауле, существовавшей с августа 1800 г. по март 1824 г. и состоящей из «заводских» купцов и мещан Барнаула, Бийска, Сузуна, Бердска и Салаира, бердские и салаирские мещане в количестве 443 чел. были приписаны к мещанам г.Кузнецка (64). В целом же доля мещан в городском населении Кузнецка начала свое движение вверх с 6% (60 д.м.п.) в 1782 г. В 1795 г. на долю мещан и цеховых уже приходилось 87% (670 д.м.п.), в 1825 г. - 54,04% (1275 д.об.п.), 1831 г. - 58,2% (1158), 1835 г. - 62,2% (91736), 1842 г. - 57% (1547), 1847 г. - 69,9% (1863), 1850 г. - 65,3% (1784), 1851 г. - 72% (2041), 1860 г. - 50% (841), 1864 г. - 45,7% (875) и в 1875 г. - 64,9% (3020 д.об.п.) (65). Отсюда видно, что мещане безраздельно господствовали в численном населении г.Кузнецка с 1795 г. по 1875 г. за исключением 1864 г., в котором количественный и сословный состав населения г.Кузнецка был следующим (таблица № 1):

Таблица 1 *

* *Костров Н.И. Историко-статистическое описание городов
Томской губернии- Томск. 1872. С.45-46.*

Из приведенной таблицы видно, что Кузнецк по составу своего населения, в котором на долю городских сословий (почетных граждан личных, купцов и мещан) приходилось 55% (1067 д.об.п.), также просматривался как настоящий небольшой город.

Городские сословия и в предыдущие годы господствовали в населении г.Кузнецка в количественном и процентном отношениях. Так, в 1825 г. на долю купцов, горожан и ремесленников в городском населении приходилось 59,3% (1300 д.об.п.), в 1835 г. доля купцов, мещан и цеховых составляла 63,3% (1765 д.об.п.), в 1842 г. удельный вес купцов, мещан, посадских равнялся 58,4% (1583 д.об.п.), в 1851 г. купцы, мещане, цеховые занимали в кузнецком городском населении (2831 д.об.п.) 73,1% (2071 д.об.п.) (66). При этом надо иметь в виду, что увеличение удельного веса городских сословий в городском населении Кузнецка не сопровождалось увеличением количественного состава самого этого городского населения. Оно возрастало только в 1618 - 1720 гг., а особенно с 1699 по 1720 гг., достигнув к 1720 г. своего количественного максимума в 1918 д.м.п., городское население Кузнецка затем начало постепенно сокращаться в своих величинах : в 1771 г. - 1530 д.м.п. и 2 эскадрона драгун, в 1825 г. - 1248 д.м.п., в 1858 г. - 943 д.м.п. и в 1864 г. - 1084 д.м.п. (67). Уменьшение его происходило главным образом за счет сокращения военных, государственных крестьян и разночинцев. Из последних двух категорий городского населения в Кузнецке оставались преимущественно только торговцы и ремесленники, а хлебопашцы переселялись в сельскую местность. Происходила дифференциация городского населения по роду занятий и величине капитала.

Примечания:

1. Миллер Г.Ф. *История Сибири*. М. А., 1937. Т.1. Приложение: № 94, с.451; № 98, с.454; № 99, с.454 - 455; Кабо Р.М. *Города Западной Сибири. Очерки историко-экономической географии (XVII - первая половина XIX вв.)* М. 1949. С.46; *История Кузбасса. Кемерово. 1967. Ч.1-П. С.40-47;* Бояришинова З.Я. *Ранние страницы истории Кузнецкого города // Новокузнецк в прошлом и настоящем : Материалы научной конференции, посвященной 350-летию основания Кузнецка. Новокузнецк. 1971. С.12-18;* Сергеев В.И. *Основание Кузнецка и его уезда в Западной Сибири // Вопросы истории хозяйства и населения России XVII в. Очер-*

ки по исторической географии XVII в. М. 1974. С.296-307; Огурцов А.Ю., Ширин Ю.В. К вопросу о местоположении первого Кузнецкого острога // Памятники быта и хозяйственное освоение Сибири. Новосибирск. 1989. С.59-63; Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. Новосибирск. 1989. С.193-196.

2. Заваляшин Ип. Описание Западной Сибири. Томская губерния. М. 1865. Т.2. С.196-197; Шунков В.И. Очерки по истории земледелия Сибири XVII в. М. 1956. С.60-92,238; Карпенко З.Т. Промышленные города и поселки Западной Сибири в XVIII в. // Сибирь XVII-XVIII вв. Новосибирск. 1963. С.186-206; Агапова Т.И. Возникновение и развитие кабинетского хозяйства на Алтае в XVIII в. Там же. С.207-228; Карпенко З.Г. Горная и металлургическая промышленность Западной Сибири в 1700-1860 гг. Новосибирск. 1963. С. 47-100, 139-190; Громыко М.М. Западная Сибирь в XVIII в. Новосибирск. 1965. С.86-87, 107-132, 208-221; История Сибири. Л. 1968. Т.2. С.73, 181-182, 184-193, 227-249, 253-270, 357-433; Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск. 1982. С.5-142, 157-353; Очерки истории Алтайского края. Барнаул. 1987. С. 29-196.

3. Сергеев В.И. Основание Кузнецка... С.298; Резун Д.Я., Васильевский Р.С. Летопись сибирских городов. С.194; Бояринова З.Я. Ранние страницы... С.22-23; История Кузбасса... Ч.1-П. С.45; Ивонин А.Р. Численность и состав городских казаков Западной Сибири XVIII - первой четверти XIX вв. // Демографическое развитие Сибири периода феодализма. Новосибирск. 1991. С.132.

4. История Кузбасса... С.47; Колесников А.Д. Памятники военно-оборонительного искусства Сибири// Памятники истории и архитектура Сибири. Новосибирск. 1986. С.2-22; Очерки Алтайского края... С.37-44; Кабо Р.М. Города... С.96-101.

5. Очерки Алтайского края... С.52; История Сибири... Т.2. С.230-231; Кабузан В.М., Троицкий С.М. Численность и состав городского населения Сибири в 40-80-х годах XVIII в. // Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII-XIX вв.). Новосибирск. 1968. С.168, 172-173; Шпалтаков В.П. Динамика численности и структура городского населения Западной Сибири в дореформенный период (1795-1860 гг.) // Проблемы исторической демографии СССР. Томск. 1982. С.64; Статистическое обозрение Сибири, составленное на основании сведений, почерпнутых из актов правительства и других достоверных источников. СПб. 1810. С. 302.

6. *Очерки истории Алтайского края...* С.57; Громыко М.М. *Западная Сибирь...* С.208-210; Жидков Г.П. *Кабинетское землевладение (1747-1917 гг.). Новосибирск. 1973.* С.199; Карпенко З.Г. *Горная и металлургическая промышленность...* С.50-54, 72-74.
7. *Очерки истории Алтайского края...* С.43-44; *Сибирский промышленный ежегодник 1914-1915 гг. Отд.4.* С.271.
8. Сергеев А.Д. *Тайны алтайских крепостей. Барнаул. 1975.* С. 33-37.
9. Соболева Т.Н. *Об управлении городами и горнозаводскими поселками Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа в первой половине XIX в.//Города Алтая. Барнаул. 1986.* С.101.
10. Там же. С.106-110; *Полное собрание законов. СПб. 1830. Т.38 (1822-1823).* С.342-344.
11. Винникова Т.М. *Города Алтая в первой половине XIX в. // Города Алтая. Барнаул. 1986.* С.80; *Очерки истории Алтайского края...* С. 76-77.
12. Леденур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. *Путешествие по Алтайским горам и джунгарской Киргизской степи. Новосибирск. 1993.* С.368; Гагемейстер Ю.А. *Статистическое обозрение Сибири. СПб. 1854. Т.П. Таб.8; Шпалтаков В.П. Динамика численности... С.64; Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. СПб. 1842; Списки населенных мест Российской империи, составленные и изданные центральным статистическим комитетом МВД; Томская губерния. СПб. 1868.* С.58.
13. Гагемейстер Ю.А. *Статистическое обозрение...* С. 566-567. Табл. VIII; Кабузан В. М., Троицкий С.М. *Численность и состав...* С.163, 172-173.
14. Там же.
15. Фальк И.П. *Записки путешествия. СПб., 1824.* С. 528; Словоцов П.А. *Историческое обозрение Сибири. СПб., 1886. Кн.2.* С.67-68; Шунков В.И. *Очерки по истории земледелия...* С.88; Водарский Я.Е. *Численность населения...* С.204
16. Леденур К.Ф. и др. *Путешествие по Алтайским горам...* С.367; Гагемейстер Ю.А. *Статистическое обозрение...* Табл. VIII; *Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи. СПб., 1842. Там же. СПб., 1852; Списки населенных мест...* Томская губерния. - СПб. 1868. Т.60. С. VIII (58); ПСЗРИ - СПб. 1830. 1 собр. Т.VI. № 3708. С.291; *Города Алтая (эпоха феодализма и капитализма). Барнаул.*

ул. 1986. С.106-107; Рабцевич В.В. Управление городами в Сибири последней четверти XVIII - первой половине XIX в. // *Сибирские города XVII - начала XX в.* Новосибирск. 1981. С.168-169.

17. Огурицов А.Ю., Ширин Ю.В. К вопросу о местонахождении... С.62; Резун Д.Я., Беседина О.Н. Городские ярмарки Сибири XVIII - первой половины XIX в. Ярмарки Западной Сибири. Новосибирск. 1992. С.113; Костров Н.А. Историко-статистическое описание городов Томской губернии. Томск. 1872. С.43; Сибирский торгово-промышленный ежегодник... Отд. IV. С.271; Прибыткова А.М. Кузнецкая крепость // *История СССР.* 1975. № 1. С.231-241.

18. Ледебур К.Ф. и др. Путешествие по Алтайским горам... С. 367; *Статистические таблицы...* СПб. 1842; СПб. 1852; *Экономическое состояние городских поселений Сибири. Издание хозяйственного департамента МВД,* СПб. 1882. С.194; Завалишин Ип. Описание Западной Сибири. Томская губерния. М. 1865. Т.2. С.272; *Обозрение состояния городов Российской империи в 1833г.* Изд. МВД, СПб. 1843; *Города России в 1910г.* СПб. 1914. Табл. 2. С.1022; Табл. 12. С.1050.

19. Бояришинова З.Я. Ранние страницы. С.22-23; *История Кузбасса...* С.45; Ивонин А.Р. Численность и состав... С.132.

20. Кабузан В.М., Троицкий С.М. Численность и состав... С.168, 172-173; Ледебур К.Ф. и др. Путешествие... С.367; Газемейстер Ю.А. *Статистическое обозрение...* Табл.8; Рутц М.Г. *Социальный состав городского населения Западной Сибири в первой половине XIX в.* // *Демографическое развитие Сибири периода феодализма.* Новосибирск. 1991. С.95. (Проценты здесь как и в других местах, вычислены преимущественно лично мною - О.В.).

21. Бояришинова З.Я. Ранние страницы... С.22-23; Ивонин А.Р. Численность и состав... С.132; Винникова Т.М. *Города Алтая...* С.89; Кабузан В.М., Троицкий С.М. Численность и состав... С.172-173; Ледебур К.Ф. и др. Путешествие... С.368.

22. Шунков В.И. *Очерки по истории земледелия...* С.88-90; Ивонин А.Р. *Участие городских казаков Западной Сибири в сельскохозяйственном освоении края в XVIII в.* // *Город и деревня Сибири в досоветский период.* Новосибирск. 1984. С.34.

23. Сергеев В.И. *Основание Кузнецка...* С.298-299.

24. *Акты исторические...* СПб., 1841. Т.3. № 135. С.219; Сергеев В.И. *Основание Кузнецка...* С.302-303.

25. Сергеев В.И. Основание Кузнецка... С.302; Каменецкий И. Волнения служилых людей в Кузнецком остроге в 20-х годах XVII в.// Сибирские города XVII - начала XX в. Новосибирск. 1981. С.120.
26. Шунков В.И. Очерки истории земледелия... С.84.
27. Там же. С. 85.
28. Там же. С. 85-87.
29. Клочков М. Население России при Петре Великом по переписям того времени. СПб. 1911. Т.1. С.67; Водарский Я.Е. Численность русского населения... С.200; Шунков В.И. Очерки по истории земледелия... С.86-87.
30. Кабузан В.М., Троцкий С.М. Численность и состав... С.168, 172-173.
31. Фальк И.П. Записки путешествия... С.528-529.
32. Ледебур К.Ф., Бунге А.А., Мейер К.А. Путешествие по Алтайским горам... С. 368; Экономическое состояние городских поселений... С.194-195.
33. История Алтая в документах и материалах. Конец XVII - начало XX в. Барнаул. 1991. № 20. С.30-31; Громыко М.М. Западная Сибирь... С.107; История Кузбасса... С.60; Ледебур К.Ф. и др. Путешествие по Алтайским горам... С.370.
34. Громыко М.М. Западная Сибирь... С.172, 162-163;
35. История Сибири... Т.2. С.383.
36. Сергеев В.И. Основание Кузнецка... С.306-307.
37. Бояришинова З.Я. Ранние страницы... С.22; Водарский Я.Е. Численность русского населения... С.200; Шунков В.И. Очерки по истории земледелия... С.86; Рафиненко Л.М. Функции и деятельность сибирских магистратов в 40-70-х гг. XVIII в. // Бахрушинские чтения 1966г. Новосибирск. 1968. С.41, 51; Кабузан В.М., Троцкий С.М. Численность и состав городского населения... С.168, 172-173; Громыко М.М. Западная Сибирь... С.109.
38. История Кузбасса... С.60; Карпенко З.Г. Горная и металлургическая промышленность... С.72-76; Вилков О.Н. Тобольский посад XVII в.//Освоение Сибири в эпоху феодализма (XVII-XIX вв.). Новосибирск. 1968. С.41-58; Емельянов Н.Ф. Город Томск в феодальную эпоху. Томск. 1984. С.138-184; Леонтьева Г.А. Посадское тягло в Западной Сибири XVII в.// Торговля, промышленность и город в России XVII - начала XIX в. М. 1987. С.23-40; Громыко М.М. Западная Сибирь... С.86-87.

- 39.** Уманский А.П. *Телеуты и русские в XVII-XVIII вв.* Новосибирск. 1980. С.173-175, 183-184.
- 40.** Тихомиров М.Н., Епифанов П.П. *Соборное уложение 1649г.* - М. 1961. Гл. XIX. С.228-236; Дмитриев С.С. и Нечкина М.В. *Хрестоматия по истории СССР.* М. 1949. Т.2. 2-е изд. С.67-71; *Хрестоматия по истории СССР XVIII в.* Под ред. Бескровного Л.Г. и Кафенгауза Б.Б., составители Белявский М.Т. и Павленко Н.И. М. 1963. С.150-151; ПСЗРИ. 1 сб. СПб. 1830. Т.1; там же. Т.VI. № 3708. С.291-303.
- 41.** БСЭ. 2 изд.- М. 1952. Т.11. С.375.
- 42.** Анисимов Е.В. *Податная реформа Петра 1.* Л. 1982. С.206-207.
- 43.** *Советская историческая энциклопедия.* М. 1963. Т.4. С. 442-443; ПСЗРИ 1 собр. СПб. 1830. Т.16. № 3708. С. 291-303.
- 44.** Рафиенко А.М. *Функции и деятельность сибирских магистратов...* С.42-43; *История Сибири...* Т.2. С.226.
- 45.** ПСЗРИ. Т.20. № 14275. Параграф 5. С.83; № 14327. С.145-147; СИЭ... Т.4. С.443; Рындзюнский П.Г. *Городское гражданство дореформенной России.* М. 1958. С.40-96; *Очерки истории СССР XVIII в. Вторая половина.* М. 1956. С.151-165, 298-300.
- 46.** Ледебур К.Ф. и др. *Путешествие по Алтайским горам...* С.368-369; *Обозрение городов Российской империи в 1833 г.* СПб. 1834; *Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи.* СПб. 1842; Там же. СПб. 1852; Гагемейстер Ю.А. *Статистическое обозрение Сибири...* Т.2. С.566-567; Винникова Т.М. *Города Алтая...* С.60.
- 47.** Карпенко Г.Г. *Горная и металлургическая промышленность...* С.199-201; Гагемейстер Ю.А. *Статистическое обозрение...* С.500-505; *История Сибири...* Т.2. С.394-401.
- 48.** Кабузан В.М., Троицкий С.М. *Численность и состав...* С.172-173; Ледебур К.Ф. и др. *Путешествие...* С.368; *Статистическое обозрение Сибири, составленное на основании сведений, почерпнутых из актов правительства и других достоверных источников.* СПб. 1810. С.302; *Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи...* СПб. 1842; Там же... СПб. 1852; Гагемейстер Ю.А. *Статистическое обозрение...* Т.2. Табл.8; Шпалтаков В.П. *Динамика численности...* С.68.
- 49.** Винникова Т.М. *Города Алтая...* С.80.
- 50.** ПСЗРИ. Т.22. № 16188. С.358-384; Ст.77. С. 365; Ст.68.

- С.364; *Очерки истории СССР XVIII в. Вторая половина.* С. 156-158.
- 51.** Рафиненко Л.М. *Функции и деятельность...* С.41-43.
- 52.** Там же; Кабузан В.М., Троицкий С.М. *Численность и состав...* С.172-173.
- 53.** *Статистическое обозрение Сибири...* С.302.
- 54.** Гагемейстер Ю.А. *Статистическое обозрение Сибири...* Т.П. Приложение VIII.
- 55.** *Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи...* - СПб. 1840; СПб. 1842; СПб. 1852.
- 56.** Ледебур К.Ф. *Путешествие по Алтайским горам...* С.368.
- 57.** Соболева Т.М. *Об управлении городами и городскими поселениями...* С.102.
- 58.** *Очерки истории СССР XVIII в. Вторая половина...* С.158.
- 59.** Винникова Т.М. *Города Алтая...* С.86.
- 60.** Гагемейстер Ю.А. *Статистическое обозрение Сибири...* С.153-154; *Статистическое обозрение Сибири...* С.302; Завалишин Ип. *Описание Западной Сибири...* Кн.2. С.31; Винникова Т.М. *Города Урала...* С.86.
- 61.** Фальк И.П. *Записки путешествия...* С. 526-528; Костров Н.И. *Историко-статистическое описание городов Томской губернии.* Томск. 1872. С.50; Завалишин Ип. *Описание Западной Сибири...* Кн.2. С.33, 155, 196-197; Винникова Т.М. *Города Алтая...* С.86-89.
- 62.** Завалишин Ип. *Описание Западной Сибири.* Кн.2. С.196-197, 233; Рутц М.Г. *Социальный состав...* С.95.
- 63.** Соболева Т.М. *Об управлении городами...* С.102.
- 64.** Там же. С. 106-107.
- 65.** *Источники те же, что и в сноске № 48 и еще: Костров Н.И. Историко-статистическое описание.* С.45-46; *Экономическое состояние городских поселений Сибири.* СПб. 1882. С.194-195.
- 66.** Ледебур К.Ф. и др. *Путешествие по Алтайским горам...* С.368; Гагемейстер Ю.А. *Статистическое обозрение Сибири...* Т.П. Приложение VIII; *Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи...* СПб. 1842.
- 67.** Бояришинова З.Я. *Первые страницы...* С.23; Ивонин А.Р. *Численность и состав...* С.132; Фальк И.П. *Записки путешествия...* С.528; Ледебур К.Ф. и др. *Путешествие по Алтайским горам...* С.368; *Список населенных мест Российской империи.* Т.60. Томская губерния... С. VIII (58); Костров Н.И. *Историко-статистическое описание...* С.45-46.

МЕНТАЛЬНОСТЬ:

ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ЭКСКУРС

*Г.Е. Корнилов, А.С. Приходько
(Институт истории и археологии УрО РАН)*

«Менталитет», «ментальность»... Сегодня эти термины на слуху, «всплывают» то здесь, то там, с особым эффектом используются как название научной работы или девиз (призыв). И, тем не менее, что скрывается за этими словами для подавляющего большинства населения, остается тайной: красивые слова, обозначающие что-то уникальное, - не более.

Так что же такое - «менталитет», «ментальность»? Существует ли единая ментальность для всех этносов? Эти и другие вопросы занимают умы многих ученых мира. Данная статья, не претендуя на окончательное рассмотрение вопроса, представляет собой попытку историко-философского экскурса в мир ментальности*.

Термин «менталитет» встречается уже у Р.Эмерсона (1856 г.), но свое продуктивное и многоплановое развитие понятие ментальности получает во франкоязычной гуманитаристике. М.Пруст, отмечая его новизну, с симпатией вводит неологизм в свой словарь, заодно проникая в дотоле невиданные пространства, за ним предугадываемые (1). В научный оборот слово «менталитет» (*mentalitet*) ввел антрополог Леви-Брюль, выделив в одной из своих основных работ («Первобытное мышление») (2) два типа менталитета - дологический и логический. Первый тип менталитета он рассматривал в связи с мышлением первобытных людей, которое считал в основе своей «пралогическим», ибо оно не стремится (подобно нашему) избегать противоречий, и мистическим, потому что оно содержит в себе коллективные представления, мистические по своему существу. Второй связан с европейской традицией рационального мышления. С его подачи в первые десятилетия XX в. термин использовался по отношению к приматам и жителям первобытных обществ (Ф.Бродель хвалил труды антрополога-структуралиста К.Леви-Стросса (3), использовавшего это понятие).

Следующий этап в эволюции термина и разработка концепции ментальности представлены работами французского историка Ж.Лефевра, который ввел в качестве объяснительного средства представление о «коллективной ментальности» (4). Обратившись к социально-экономической истории (в частности, исследуя панику, охватившую в 1789 г. французскую деревню), Лефевр пришел к необходимости рассмотрения психологии масс, поведение которых (особенно в кризисные периоды) невозможно объяснить без учета структуры колебаний

коллективной ментальности. Историк увидел, что коллективная эмоция (страх - в данном случае) легко направляется на новый объект, если начальный разоблачается как мифический. Позже, исследуя поведение «революционных толп», он показал, что за идеолого-политической «событийной» историей скрывается ее глубинный источник - подчиненная особым закономерностям динамика коллективной ментальности. Коллективная и индивидуальная ментальности представляют, по его мнению, своего рода биологически обусловленные контакты.

Другой подход к понятию наблюдается у основателей журнала «Анналы» Марка Блока и Люсьена Февра, которые стремились к преодолению барьеров между общественными науками. В своей первой научной работе Блок еще связывал «менталитет» с вопросами религиозных и народных верований (5). Но уже в 1883 г., выступая перед обществом психологов, он предложил, поставив вопрос о менталитете, объединить усилия историков и психологов. В этом выступлении он определил привязанность крестьян к рутинным методам хозяйства как проявление «коллективного менталитета», причем, экономический расчет бедных крестьян играл не последнюю роль (6). В 1939 г. вышел в свет капитальный труд Блока «Феодалное общество» (7), в котором пятая глава «Разновидности чувствования и мышления» содержала специальный раздел «Религиозный менталитет».

В работах Люсьена Февра менталитет играет большую роль, хотя слово употребляется редко, а иногда и вообще отсутствует. В статье «История и психология», вышедшей в 1938 г. через несколько месяцев после выступления Блока, он поставил задачу «инвентаризировать, а затем воссоздать духовный багаж, которым располагали люди изучаемой эпохи; с помощью эрудиции, а также воображения восстановить во всей его цельности физический, интеллектуальный и моральный образ эпохи, в которой зрели предшествующие ей поколения» (8).

В манифесте школы «Новых Анналов» (1946 г.) Февр подчеркивает, что мыслительные установки и привычки, навыки восприятия и эмоциональной жизни наследуются людьми от прошлых поколений, без ясного осознания этого. Он называет весь этот блок «Сознанием», который генерирует импульсы, формирует историю и самого человека. Менталитет мыслится им не как биологически укоренная константа, а как исторически складывающаяся структура, определяющая мысли, чувства, поведение людей, их ценности и «жесты». Менталитет обнаруживается как причина «отставания» или «сопротивления» переменам в социополитической и идеологической сферах (инерция Менталитета), т.к. изменяется медленнее, чем материальная культура и социальные институты (9). В 1930-1950 гг. Февр занимался историей умственной жизни образованной элиты (10).

И у Блока, и у Февра понятие «менталитет» не имеет научной строгости, системности, базируется на опыте историка и интуиции.

Одним из первых употребил термин «менталитет» в исторической литературе историк античности М.И.Ростовцев (11).

Классическими образцами воссоздания менталитета различных эпох являются работы нового поколения школы «Анналов» (Ж. Ле Гофф, Р.Мандру, Ж.Дюби и др.).

Новый этап начался в 1957 г., когда главным редактором журнала стал Фернан Бродель (12), оказавший значительное влияние на развитие исторической науки на Западе (в первую очередь - Франции) своими работами «Средиземное море в эпоху Филиппа II», «Материальная цивилизация, экономика и капитализм» (13) и рядом программных статей, среди которых ведущее место по праву принадлежит статье «Время большой протяженности» (14). В них Бродель разрабатывает два главных понятия: «тотальная история» (*l'histoire totale*) и «мировая история». Как бы развивая призывы М.Блока и Л.Февра к междисциплинарным занятиям, он настаивает на первенствующем значении «тотальной истории», т.к. Время (Хронос) царствует над человеком, а историки являются хозяевами Времени. Он призывает все общественные науки подчиниться своей королеве - Истории. «Общественные науки (*Les sciences de l'homme*), - заявил он в 1978 г., - не позволяют истории подчинить их себе. Они все не обращают внимания на нее. Напрасно кричат, напрасно их упрекают, они остаются слепыми и глухими к уроку (*sis!*) истории» (15). Броделя обвинили в «империализме», и его преемники, «не претендуя на «объединение всего исследовательского поля социальных наук..., сосредотачивает внимание на «пограничных с другими дисциплинами исследовательских пространствах...» (16) (т.е. уже не «империя», а, выражаясь современным языком, забота о «ближнем зарубежье»).

По Броделю, второй стороной «тотальности» истории является необходимость быть «мировой»: только целый мир может быть объектом серьезного исторического исследования, а исследования отдельных регионов и наций носят вспомогательное значение. Идея «тотальной истории» оказалась непосильной: на практике (на страницах журнала) она сводилась к публикации статей об истории разных стран, что не выделяло их среди аналогичных по диапазону статей в «Вопросах истории» или «*American Historical Review*». Объем опубликованных работ впечатляет, но часто многое «просачивается сквозь пальцы» исследователя. Так, тот же Бродель пишет о мировом сельском хозяйстве XV-XVIII вв.: «Три культуры имели выдающийся успех - пшеница, рис и кукуруза. Они до сих пор разделяют посевные площади мира», не учитывая пространство от Венгрии и Германии до Урала, где вла-

дычицей полей была рожь. Приводя данные Слихера фон-Бата об урожайности в Европе, он отмечает: «Восточная Европа, 1150-1820 гг. - 4,1». Но такая средняя урожайность была редкой в Европейской России даже в конце XIX века (17). И хотя приводится много данных по другим странам (Индия, Китай, Южная Америка) фактически миром «тотальной истории» является «Franses et outre-mer».

Введенное Броделем понятие «La longue dur`ee» («время большой протяженности»), связано с понятием структура и через него с менталитетом. Определяется структура как «... организация, цельность довольно определенного ряда отношений между реальностями и социальными массами...», отмечается, что некоторые структуры «становятся устойчивыми элементами для бесконечного количества поколений; они преграждают историю, мешают течению ее, и, мешая, образуют ее. Другие структуры изнашиваются довольно быстро. Но все они оказывают и поддержку, и помеху. Как помехи... они являются пределами, через которые ни человек, ни человеческий опыт не могут пройти. Представьте себе, как трудно вырваться из известных географических рамок, из известной биологической реальности, из известных преград к высокой производительности, даже из известных духовных обуз. Ибо ментальные рамки тоже могут быть тюрьмами времени большой протяженности» (18).

Последняя работа Броделя, как бы подводя итог его рассуждениям, заканчивается почти марксистским выводом: «... она («La longue dur`ee») ограничивает - я не говорю «устраняет» - и свободу, и ответственность людей. Ибо не они делают историю, а наоборот - история сама делает людей, и таким образом отпускает им грехи» (19). Субъективно Бродель дружески относился к марксизму, отмечая, что «Гений Маркса... состоит в том, что он первым строил истинные социальные модели на основании исторического времени большой протяженности. Эти модели застыли в упрощенной форме и были переделаны в законы, переделаны в предвзятые и автоматические объяснения, применимые ко всем местностям, ко всем обществам. А положить их снова в постоянно изменяющееся течение времени... (и они) будут все появляться вновь, хотя в более гибкой, более тонкой форме...» (20). Эти и ряд других его фраз говорят об усиливающемся фатализме Броделя.

Но все-таки его «La longue dur`ee» слабо связана с понятием менталитета. Например, в «Грамматике цивилизаций» (1987 г.) он говорил о «долгом, трудном пути, лежащем перед новыми государствами Африки, «из еще частично родового общества к той национальной дисциплине, которую требуют модернизация и индустриализация. Все надо творить - даже менталитеты» (21). То есть создание «менталитета» рас-

сма­три­ва­ет­ся как на­ме­рен­ное дей­ствие. В дру­гой ра­бо­те он по­ста­вил под сом­не­ние су­ще­ство­ва­ние ка­пи­та­ли­сти­че­ско­го мен­та­ли­те­та, «со­сто­я­ще­го из рас­че­та, ра­зу­ма, ло­ги­ки и уда­лен­но­сти от нор­маль­ных эмо­ций, со все­ми эти­ми ка­че­ства­ми, под­чи­нен­ны­ми не­обуз­дан­ной жа­д­но­сти к при­бы­ли... (Ибо) пред­ста­в­ле­ние ка­пи­та­ли­зма как воп­ло­ще­ния из­вест­но­го мен­та­ли­те­та яви­лось вы­нуж­ден­ным хо­дом Вер­не­ра Зом­бер­та и Мак­са Ве­бе­ра из­за от­ча­ян­но­го же­ла­ния из­бе­жать вы­во­дов Марк­са» (22).

Та­ким об­ра­зом, е­ще в кон­це пяти­де­ся­тих го­дов по­ня­тие мен­та­ли­те­та не бы­ло оп­ре­де­ле­но, а изу­че­ние его бы­ло ма­ло раз­ви­то.

1960-1970 гг. ха­рак­те­ри­зу­ют­ся по­вы­шен­ным ин­те­ре­сом в изу­че­нии мен­та­ли­те­та. И об­ъяс­ня­ет­ся это, во-пер­вых, раз­ви­ти­ем ко­ли­че­ствен­ных ме­то­дов в сре­де фран­цуз­ских ис­то­ри­ков (ви­ди­мо, от­сю­да и за­яв­ле­ние Э.Ле­руа Ла­дю­ри, что че­рез де­ся­ти­ле­тие ис­то­рик стан­ет про­грам­ми­стом или ну­лем) и, во-вто­рых, в рас­ту­щем и мно­го­ас­пект­ном вли­я­нии ан­тро­по­ло­гии на прак­ти­ку ис­то­ри­ков евро­пей­ских стран.

От­ли­чи­тель­ной чер­той фран­цуз­ской шко­лы ко­ли­че­ствен­ни­ков яв­ля­ет­ся пред­по­ч­те­ние диа­х­ро­ни­че­ских ис­точ­ни­ков, со­став­ля­ю­щих боль­шие се­рии и ох­ва­ты­ва­ю­щих очень боль­шие про­ме­жут­ки вре­ме­ни (23). В мо­но­гра­фии о кре­стьян­стве Лан­ге­до­ка Ле­руа Ла­дю­ри пи­сал, что, изу­чая се­рий­ные ис­точ­ни­ки о зем­ле­вла­де­нии и на­блю­дая их дви­же­ние за че­ты­ре ве­ка, «... мог ощу­щать ог­ром­ное ды­ха­ние со­ци­аль­ной струк­ту­ры» (24).

Оби­лие фак­ти­че­ско­го ма­те­ри­а­ла, ко­неч­но же, по­зво­ля­ет де­лать вы­во­ды по ис­то­ри­че­ской де­мо­гра­фии, эво­лю­ции зем­ле­вла­де­ния, раз­ви­тию до­ка­пи­та­ли­сти­че­ской э­ко­но­ми­ки, об из­ме­не­ниях кли­ма­та, про­сле­дить из­ме­не­ния в мен­та­ли­те­те (25).

Вы­со­кий пре­сти­ж ан­тро­по­ло­гии в 60-х гг. об­ъяс­ня­ет­ся ду­хом вре­ме­ни: ко­гда об­ще­ствен­ное м­не­ние в Ев­ро­пе и США под­чер­ки­ва­ло куль­тур­ную про­па­сть ме­жду «ци­ви­ли­за­ци­он­ным» и «пер­во­быт­ным» че­ло­ве­ком, но­вая ан­тро­по­ло­гия под де­ви­зом *cultural relativism* («куль­тур­ной от­ста­ло­сти») ис­ка­ла глу­бо­кий смы­сл в бы­те и об­ра­зах жи­те­лей да­ле­ких ос­т­ро­вов и пу­стынь. Ос­мыс­ли­вая мен­та­ли­те­т ан­глий­ских и фран­цуз­ских про­ш­лых вре­мен, евро­пей­ские ис­то­ри­ки ста­ли срав­ни­вать с на­блю­да­е­мы­ми яв­ле­ния­ми в со­вре­мен­ной Аф­ри­ке (26). И в от­ли­чие от «су­хих» ка­бинет­ных со­ци­аль­ных наук ан­тро­по­ло­гия рас­це­ни­ва­лась как жи­вая. Об­раз ис­сле­до­ва­те­ля-пу­те­ше­ствен­ни­ка эк­зо­ти­че­ских зем­ель зат­ми­л об­ра­з ка­бинет­но­го уче­но­го. Тщатель­ное по­ве­ство­ва­ние об од­ном со­бы­тии с це­лью вы­жать ма­ксимум ин­фор­ма­ции (тай­ной и яв­ной) из жестов, ми­ми­ки, дей­ствий очень под­хо­дил к ана­ли­зу мен­та­ли­те­та в про­ш­лом (27).

В 1975 и 1979 гг. вы­шли две кни­ги Ле­руа Ла­дю­ри (ко­то­рые бы­ли

практически сразу переведены на английский язык), ознаменовавшие новые тенденции в литературе о менталитете и в общей практике социальной истории (28). Книги породили интерес к маргинальным социальным группам и прослойкам (преступникам, проституткам, еретикам, сумасшедшим и т.п.) (29), к традиционным выражениям вольности вообще и переворачиваемости социальных отношений в частности (30), к употреблению семиотического анализа.

Даже этот беглый обзор показывает, что изучение менталитета идет вместе с общим движением исторической науки, и понятие менталитета «воплощает собою скорее форму восприятия историков, чем четко обозначенный предмет исследований» (31). И, видимо, одной из интереснейших форм этого движения является движение через национальные границы. Так, из всех историков менталитета может быть самым выдающимся и влиятельным Д.Филд считает англичанина Е.П.-Томсона (32), который исследовал «Моральную экономию «английской толпы XVIII в.». Подчеркивая умеренность и дисциплину толпы, Томсон анализирует идейные основы ее деятельности и находит их корни в докапиталистической идеологии рынка и даже классовые отношения, он защищает честь бунтовщиков, раскрывая нечто общее в менталитете деревенских баб, мировых судей и их соседей из простого народа (33).

Концепция коллективной ментальности нашла свое развитие в трудах известного немецко-американского философа, социолога и психолога Э.Фромма, который ввел понятия «социальный характер», «рыночный характер» и др., аналогичные по своей сути понятиям коллективного и индивидуального менталитета. В известной своей работе «Бегство от свободы» (1941 г.) (34) он предложил модель взаимодействия социальных, экономических и психологических факторов, предполагающую между ними систему двойных связей. Согласно такой модели, все социально-экономические и политико-идеологические мотивы активности людей имеют шанс на успех в истории лишь при условии их «резонанса» с социо-психологической аурой, в которой они действуют. Иными словами, «рацио» структурировано как жизне-способное образование на матрице социально значимой «эмоцио», причем их локальное комплектование может перерасти в «глобальное» по автокаталитическому механизму» (35).

Создавая подобного рода модели и концепции менталитета, ученые Запада способствовали становлению новой методологической атмосферы в гуманитарном знании. А что же у нас в России?

Несколько лет назад Б.Н.Миронов заявил: «Вся мировая историография, вслед за французской школой Анналов, уже несколько десятилетий внимательно занимается менталитетом разных сословий и клас-

сов. Это считается исследовательской задачей первостепенного значения. А советские историки только начинают заниматься этой проблемой» (36). Получается, что Россия опять отстает от своих передовых коллег?

Это так и не так. Еще до этих западных авторов Ф.М.Достоевский, не употребляя термина «менталитет», по существу сформулировал его основные смысл и значение. «Есть идеи, - писал он, - невысказанные, бессознательные и только лишь чувствуемые, таких идей много как бы слитых с душой человека. Есть они и в целом народе, есть и в человечестве, взятом как целое. Пока эти идеи лежат бессознательно в жизни народной и только лишь сильно и верно чувствуются, - до тех пор только и может жить сильнейшей живой жизнью народ. В стремлении к выяснению себе этих скрытых идей и состоит вся энергия его жизни. Чем непоколебимее народ содержит их, чем менее склонен изменить первоначальному чувству, чем менее склонен подчиниться различным и ложным толкованиям этих идей, тем он могучее, крепче, счастливее» (37).

К числу таких глубинных, «сокрытых в русском народе идей Достоевский отнес идею «беспрерывного покаяния и самосовершенствования, идею всеобщей ответственности, взаимопомощи и всеобщих «братских связей» (38). Эта «чисто русская идея» «братских связей» и подлинного, христианского единения и лежит, по Достоевскому, в основе развития России.

Г.И.Успенский, по собственному утверждению, обнаружил «сущность, внутреннюю цельность и резонность» крестьянской жизни, когда «положил в основание всей организации» ее земледельческий труд (39).

Строгое терминологическое употребление понятия «менталитет», связанное с конкретной исследовательской перспективой, в работах отечественных ученых-гуманитариев встречается не часто (хотя слово и появляется в многочисленных публикациях). Косвенно, не определяя предмета своего исследования как ментальность, содержательно работали с историческими формами мышления М.М.Бахтин, В.С.Библер, С.И.Великовский, В.В.Кизима, Л.Е.Куббель и др.

В ранге категории используют ментальность историки, культурологи, философы истории, знакомые с трудами французских историков, рассматривающие бытие любой конкретной культуры сквозь призму их единого основания ментальности. Прежде всего, видимо, следует назвать А.Я.Гуревича, для которого анализ ментальных структур представляет собой ключевой момент анализа культурного облика любой исторической эпохи, а первая проблема исторического исследования и вопрос о нем связаны с задачами возрождения духовной жизни. В учебнике для школы «История средних веков» А.Я.Гуревич и

Д.Э.Харитонович определили «ментальность как социально-психологические установки, способ восприятия, манеру чувствовать и думать». «Менталитет, - пишут они, - выражает повседневный облик коллективного сознания, не отрефлектированного и не систематизированного посредством целенаправленных усилий мыслителей-теоретиков».

Привлекают категорию ментальности в описании тоталитарного и посттоталитарного общества А.Подорога, М.Рыклин, А. Захаров, Н.Любомирова, Э.Надточий, М.Ямпольский и др.

Заслуживает внимания диссертационная работа Калужской М.В. «Тоталитарная ментальность: опыт философско-политического анализа», защищенная в 1993 г. в Екатеринбурге. Автор, определив менталитет как «систему устойчивых мыслительных приемов, способов производства смысла, представляющую собой структурный элемент культуры, частично оформляемых рационально, частично существующих в виде социального воображаемого» (40), рассматривает тоталитарную ментальность как продукт взаимодействия идеологии с властными структурами. Тотальная ментальность определяет нормы и границы тоталитарной культуры, представляя собой механизм ее воспроизведения и сопротивления.

Но полностью категория «менталитет» не внедрилась в наш философский обиход: не обоснованы концептуально связки «ментальность - культура», «ментальность - политика», «ментальность-идеология» применительно к нашей недавней и настоящей истории. В связи с этим несомненный интерес представляют материалы «круглого стола» «Российская ментальность», проходившего в начале 1993 г. в редакции журнала «Вопросы философии» (41), и материалы международной конференции «Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.)» (42). Помимо историографических подходов участники конференции обсудили ряд аспектов: анализ системо-образующих факторов менталитета русского крестьянства; влияние природно-географического фактора, влияние общинных структур и различных форм их трансформации; воздействие на менталитет специфических проявлений власти и государства, а также владельца крестьянских душ (феодала), земельного собственника и т.п. Было уделено внимание фактору влияния политической борьбы в обществе и политических структур, воздействию экономики (как натуральной, так и рыночной), влиянию религии, просвещения, традиций уклада жизни, культурно-исторических факторов и т.п.

В Польше вышел словарь «Русский менталитет» (43). Необходимо остановиться на материалах «круглого стола» «Российская ментальность», где был представлен широкий диапазон заявленных тем.

Вызывает несомненный интерес оригинальное выступление док-

тора философских наук Г.Д.Грачева «Ментальность или национальный космопсихоз» (С.25-31), в котором структура национального целого представлена как «Космо-Психо-Логос», как единство национальной природы (Космос), национального характера народа (Психея) и склада мышления (Логос), а, говоря о «русской ментальности,... мы, естественно, танцуем не от индивидуального «Я» и его *cogito*, но улавливаем его примыкание к некоему целому. И это дыхание целого исходит на мой Логос, на мою мысль». Задавшись вопросом: что такое русский Космос?, Г.Д.Грачев представляет и его структуру. Это - «Мать-сыра земля Россия» («прародина»), которая «рождает русский народ, который ей и сын, и муж. Но этого мало. «В России, - считает Грачев, - женское начало обслуживается двумя мужскими - Народ и Государство... И эта триада субъектов действует, пока существует русское «целое».

Особенности русской ментальности ученый видит в особенностях соотношения Пространства и Времени. В России - гигантское пространство, «бесконечный простор», а для времени применяется обычно западная мерка. «А у нас такт кровообращения - то иной... И психика русского человека замедленная... Несоответствие шага Пространства и шага Времени сказывается и в русском Логосе»: «в нем естественней задний ум».

Серьезному анализу подвергаются столь привычные строки: «умом Россию не понять». Показано, что рассудочная Логика (строгая философия) не присуща России: Русский Космос хорошо постигается русской литературой. И философия у нас всегда на грани художественной литературы или религиозной.

Рассматривая второй субъект русского бытия - Государство, Грачев отметил, что обычно оно строится по западным образцам, излучает жестко рассудочный логос и им обслуживается «живое бытие».

Третий субъект - Народ - «светер». Его логос, по мнению философа, - это песня, поэзия, матерный блатной язык и безмолвие, в поле которых бьется логос русской личности. Слово России... И здесь тоже интересная находка: формула русской логики - «Не то, а...» (на Западе: «Это есть то-то»). Русский ум, - отмечает Грачев, - начинает с какого-то отрицания, отвержения, взяв, как правило, с Запада готовую данность. (Например: «Нет, я не Байрон, я другой...»). Он предложил модель-схему Русского Космоса: это Путь-дорога, Русь-тройка, космодром в однонаправленную бесконечность. И в этом он видит корни «незавершенки» во всей русской культуре и задушевной мечты русской души - начать все снова, жизнь - сначала.

Доктор философских наук И.К.Пантин в выступлении «Национальный менталитет и история России» (с.31-33), определил менталитет как выражение на уровне культуры народа исторических судеб

страны, как некое единство характера исторических задач и способа их решения, закрепившихся в народном сознании, в культурных стереотипах. И далее: «Менталитет - это своеобразная память народа о прошлом, психологическая детерминанта поведения многих миллионов людей, верных своему исторически сложившемуся «коду» в любых обстоятельствах, не исключая катастрофические. Учитывая «пестроту» понятия, Пантин предлагает взять в качестве рабочей гипотезы понятие «менталитет нации». Он выделил две сквозные линии истории России, свойственные ей на протяжении нескольких столетий. Это, во-первых, борьба за объединение Руси, за выживание страны перед лицом нашествия иноземных полчищ. И, во-вторых, модернизация народного хозяйства, обновление общества и экономического строя («европеизация»). Далее отмечено, что большинство проблем страна решала с помощью «сильной власти»; отсюда и такая черта русской ментальности, как преобладание монархической традиции в сознании народных масс (44), которая, в конечном счете помогла прийти к власти большевикам в 1917 г. (45).

Начиная со времен Ивана Грозного, Россия стремилась на Запад, чтобы завоевать выход в Балтийское море, а с Петра 1, осуществившего это, «начинается настоящее участие России в политическом концерте европейских держав»; начиная с Петра, мы можем говорить о «догоняющем развитии», «догоняющей модернизации» как особом типе экономического и социального движения России. Вслед за Петром, революции «сверху» осуществили Александр II, а в XX веке - большевики. Автор объединяет эти события в единую эпоху - эпоху великих реформ, имеющих в начале своем, как правило, поражение в войне, и отмечает наличие некоего «инварианта исторических изменений», характерного, если не для всей Российской истории, то, по крайней мере, для последних трех веков. Суть инварианта заключается в том, что вестернизация оказывается обычно делом меньшинства народа..., и «европеизация» ограничивалась изменением внешних аспектов общественной жизни и превращалась в освобождение из одного рабства во имя другого. Этим он объясняет тот факт, что «простому человеку» в России не достаёт глубокого чувства самостоятельности и ответственности, что он не имеет правильного понятия о свободе, осознания грани компетентности государства и компетентности гражданского общества: на протяжении веков его главное желание, чтобы правительство управляло им для него, а не против него. А так как это невозможно, в конечном счете «возникает своеобразная историческая инерция», которая и проявляется в осуществлении реформационных процессов в России: почти всегда смелые реформаторские замыслы колоссально ускоряются в начале для того, чтобы потом сме-

ниться периодом контрреформ, вызванных тем, что вливания «в умы и быт россиян гигантскими, героическими дозами достижений мировой культуры «народ просто-напросто не может сразу переварить». И в этом смысле, - подчеркивает И.К.Пантин, - всегда имеется почва для контрреформ и попятных движений.

Своеобразен материал доктора философских наук В.П.Макаренко (46), который предложил свою гипотезу о том, «что для русского менталитета власть - дьявольская сила», т.к. «система социальных представлений выступает как регулятив человеческого поведения, независимо от того, принимаем мы их или отвергаем». Он утверждает, что язык... несет в себе культурно-оценочные компоненты. Используемый язык и его выразительные возможности предопределяют, в известном смысле «строят» то общество, в котором мы живем: языковой строй обнаруживает специфику менталитета. Далее звучит мысль о том, что менталитет обнаруживает себя как фактор политического процесса, как когнитивный фактор. На всем протяжении русской государственности формировались особенности, к которым предлагается отнести общность, соборность и православную веру, которые в 30-е гг. XIX в. преобразовались в каноническую государственную формулу: «православие, самодержавие, народность». (В годы советской власти триада вскоре превратилась в диаду - партийность и народность. Но суть сохранена: роевое, общинно государственное начало в противовес «гнилому индивидуализму Запада»). Ученый выявил в связи с этим некоторые особенности русской ментальности. Это, во-первых, психология осажденной крепости, а, во-вторых, изолированность и связанный с нею мессианизм. Из этих фактов, по его мнению, выросал российский утопизм, неприятие жизни сегодняшней и даже завтрашней во имя жизни послезавтрашней. Футуралистический мессианизм имел два полюса: один - высокая мечта и жажда всемирной гармонии и другой - жертвенность собой (отсюда проистекает идея социальной жертвенности).

В подтверждение своих выводов, В.П.Макаренко приводит слова из «Письма к издателю «Колокола», сурово и жестко характеризующие нашу ментальность: «Забота о будущем не в нашем духе; на словах готовы мы взвалить на свои плечи хоть все человечество, будем социалисты, демократы, будем говорить о высокой честности с глазами в крови; на деле - боимся всякого труда, высокой мысли, живем настоящей минутой: наш чиновник ворует для того, чтобы покутить, чтоб кваску напиться. Даже материальной заботы о будущем нет; на того, кто об этом думает, в России показывают пальцем, он предмет насмешки и неприязни». В этой фразе гениально подмечен не свойственный, пожалуй, ни одной другой культуре, разрыв между мечтой

и реальностью («мечта о будущем» не есть «забота о будущем»: ради мечты можно страдать, сражаться и даже умирать, утешая себя мыслями «об общем деле», что это «ради всех». А забота требует самостоятельной деятельности и хлопотливого труда «на себя», предполагает независимую личность, которая так и не выработалась в общей массе русского народа). Анализ завершается предположением о тех чертах российской ментальности, которые должны отойти в прошлое и о тех, которые должны усилиться, «обновиться».

Мы видим из приведенного обзора, что далеко не все авторы единокорны в трактовке менталитета и его различных аспектов. По большому счету - это первое серьезное приближение к теме. И на этом этапе неизбежны разные мнения в понимании проблемы. И все-таки в ходе этого движения выясняются (вычленяются) какие-то основные моменты, определяется круг вопросов, которые нуждаются в дальнейшем изучении и осмыслении.

***Первая часть статьи в значительной степени основана на вступлении Д.Филда «История менталитета в зарубежной исторической литературе» // Менталитет и аграрное развитие России (XIX-XX вв.). М., 1996. С. 7-21.**

Примечания:

1. Современная западная философия: Словарь / Сост.: Малахов В.С., Филатов В.П. М., 1991. С.177.
2. Lucien Levy-Bruhl. *La Mentalite primitive*. Paris, 1922.
3. *Annales*. SEB. 1984; Leavi Strauss. *Histori and Anthropology*. 1949. In C. Leavi-Strauss. *Struktural Anthpology*. New York, 1984.
4. См.: Лефевр В. *Конфликтующие структуры*. М., 1967.
5. Marc Bloch. *Les Rois thaumaturges: etude sur le caractere surnaturel attribue a la puissance royale particulirement en Angelterre*. Strasbourg, 1924.
6. Marc Bloch. *Les transformations des technigues comme probleme de psychologie collective*. *Melanges Marc Bloch*. T.2: *Melanges historigues*. Paris, 1963. С.791-799.
7. Marc Bloch. *La societe feodal*. Paris.1968. Изд.1. 1939.
8. Цит. по : Люсьен Февр. *Бои за историю*. М., 1991. С. 107.
9. Позднее этот момент проработал Ле Гофф: «Инерция является исторической силой исключительного значения. Менталитеты изменяются более медленно, чем что-нибудь другое, и их изучение учит, как медленно шествует история». / См.: Гуревич А.Я. *От истории ментальнос-*

тей к историческому синтезу // Споры о главном: Дискуссии о настоящем и будущем исторической науки вокруг французской школы «Анналов» / Под ред. Бессмертного Ю.А. М., 1993. С.25; Le Goff. *Mentalities: A History of Ambiguities...* Paris, 1974. P. 166.

10. Ж.Ревель. История ментальности: Опыт обзора // Споры о главном...С.54.

11. *The Mentality of the Hellenistic World and the After-life // Being the Ingersoll Lecture for the Academic year 1937-1938 at Harvard University. Cambridge. M.A.*

12. О Броделе см.: Y.H.Hexter *Fernand Braudel and the Monde Braucellien // Journal of Modern History*. Т.44. № 4, 1972. P.480-539; *Maurice Aymard et. al.. Lire Braucel. Paris, 1988.*

13. *La Mediterranee et le monde mediteraneene a 1 epoque de Philippe II. 2-me edition. Paris, Colin, 1966* (первое издание в 1949 г.); *Civilisation mat earielle economic et capitalismue, XVe-XVIIIe siecle. Paris, 1967.*

14. F. Braudel. *Histoire et sciences sociales: La tongue duree // Ecrits sur l'histoire. Paris, 1969; англ. перевод в кн.: F.Braudel. On History. Chicago, 1988. P.25-54.*

15. F.Braudel. *En guise de conclusion // Review. V.I. №3/4, 1978. P.246-247.*

16. Бессмертный Ю.А. Кризис «Анналов» // Споры о главном... С. 12.

17. F. Braudel. *Civilization and capitalism. T.I (The Structures of Everyday Life, перевод Les Structures du guotidien : Le Possible et l' impossible)*. P. 107, 123; А.В.Милов. Природно-климатический фактор и особенности российского исторического процесса // Вопросы истории. 1992. № 4-5. С.37-56 (работа Милова предложена для сравнения).

18. F.Braudel. *Historie et siences sociales: La Longue duree*. P.50-51, 54;

Гуревич А.Я. Жак Ле Гофф и «Новая историческая наука во Франции» // Ле Гофф Ж. и цивилизация средневекового Запада. М., 1992. С.368.

19. Для сравнения смотри : Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. Изд. 2-е. Т.8. М., 1957. С.119;

F.Braudel. *L' identite de la France. Paris, 1968. T.2. P.431.*

20. F.Braudel. *Histoire et sciences...* С. 80-81.

21. *Fernand Braudel. A History of Civilization (перевод: L. Rammarre de civilizations, 1987). New York, 1994. P. 136.*

22. Fernand Braudel. *Les yeux d'échanges (Civilisation matérielle et capitalisme, XVe-XVIIIe siècle. T.2)*. Paris, 1979. С.353-355.
23. Pierre Chaunu. *Un nouveau Champ pour l'histoire earielle: Le quantatif aux troisiee niveau // Histoire quantitative, histoire serielle*. Paris, 1978. P.216-230; Franeshois Furet. *Quantitative Methods in History, Constructirgethe Past*. P. 12-227.
24. E.Leroy Ladurie. *Les Paysans de Langedoc*. Paris, 1966. С.8. (В 1976 г. вышел сокращенный англ. перевод).
25. Анализируя термины и условия в огромном количестве духовных заведений, Вовел доказал рост секуляризации в XVIII в. /См.: Michel Vovelle. *Piete Barague et dechristianisation en Provence au 18e siecle: Les attitudes devant la mort d' apres les clauses des testaments*, Paris. 1973.
26. См.,например: E.P.Thompson. *Time. Work - Discipline and Industrial Capitalism // Past and Present*. № 38. 1967. P.76-136; Keith Thomas. *Religion and the Decline of Magic*. New York, 1971.
27. См.: Robert Danton. *The Great Cat Massacre and Other Episodes in French Cultural History*. New York, 1984. P.75-104; Depp Play: *Notes on a Baiinese Cockfight // The Interpretation of Cultures*. New York, 1973.
28. Emmanuel Le Roy Ladurie. *Montaillou, vilage occitan de 1294 a 1324*. Paris, 1975 (англ. перевод. *Montaillou: The Promised Land of Error*. New York, 1978; *Camaval de Romans*. Paris, 1979. (англ. перевод: *Carnival in Romans*. New York, 1979).
29. Ж.Ле Гофф, имея ввиду менталитет всего общества, высказал мысль, что «Менталитет, кажется, появляется самым ясным образом в нерациональном и ненормальном поведении». /См.: Le Goff. *Mentalitete: A History of Ambiguities*. P. 172; Ranayit Luba. *Elementary Aspects of Peasant Insurgency in Colonial India*. Dehli, 1983.
30. Следует отметить влияние работы М.М.Бахтина «Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса». М., 1965г., которая была переведена на английский язык (1968г.) и французский (1970г.). См.: E.P.Thompson. *Rough Music: Le Charivari angtais // Annales E.S.C.* 1972. P.285-312; ряд статей Natalie Z.Davis. in: *Society and Culture in Early Modem France*.
31. Ж.Ревель. *История ментальности...* С.58.

32. *Менталитет и аграрное развитие России...* С.20.
33. См.: Указ соч. С.20; E.P.Thompson. *The Moral Economy of the English Crowd in the Eighteenth Century* // *Past and Present*, № 50, 1971. P.76-136.
34. Фромм Э. *Бегство от свободы*. М., 1990.
35. См.: *Современная западная философия: Словарь...* С. 178.
36. Борис Миронов. *Poverty of thought on Necessary Caution?* In *Russian History* // *Histoire russe*. Т.17. №4, 1990. СА29-430.
37. Достоевский Ф.М. Из «Дневника писателя» // *Возвращение человека*. М., 1989. С. 196.
38. Там же. С.196-197.
39. Успенский Г.И. *Власть земли*. М., 1985. С.105; Гуревич А.Я. *Средневековый мир: культура безмолвующего обшества*. М., 1990; Гуревич А.Я., Харитонович Д.Э. *История средних веков: Учебник*. М., 1995.
40. Калужская М.В. *Тоталитарная ментальность: опыт философско-политического анализа: Автореф. дис... канд. полит. наук*. Екатеринбург, 1993. С. 10.
41. См.: *Вопросы философии*. 1994. №1. С.25-53.
42. *Менталитет и аграрное развитие России...* С. 5.
43. *Mentalnose rosyiska. Slowpis / Opiac. I zreddeg*. A.Lazari. Katowice. 1995. Издание заявлено как вступление к новому энциклопедическому словарю, многотомному и трехязычному (русско-польский-английский).
44. Эту же особенность отмечают и другие авторы. См., например:
Платонов О.А. *Русская цивилизация: Учебное пособие для формирования русского национального сознания*. М., 1995;
Бердяев Н.А. *Судьба России*. М., 1990; Еременко В.П. *Православная концепция исторического процесса в свете современности*. Киев, 1991.
45. См.: Дьячков В.Л., Есиков С.А., Капищев В.В., Протасов Л.Г. *Крестьяне и власть (опыт регионального исследования)* // *Менталитет и аграрное развитие России...* С. 146-154; Исаев И.А. *Политико-правовая утопия в России (конец XIX - начало XX вв.)*. М., 1991.
46. Макаренко В.П. *Российский политический менталитет* // *Российская ментальность...* С. 38-44.

РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАУРАЛЬЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII- ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКОВ)

Д.А.Кошкарлов (КГУ)

Православное вероучение и религиозные представления оставались одними из структурообразующих элементов духовной культуры русского народа периода позднего феодализма. Исследователи неоднократно подчеркивали, что именно сюжеты, относящиеся к церковной истории, в народной памяти оказывались в числе наиболее устойчивых (1). Будучи лишь одним из аспектов социальной жизни, религия, тем не менее, являлась неким узлом, где переплеталось множество социальных феноменов и явлений, будь то самобытное развитие экономики, социально-политических институтов или специфика мировосприятия русского человека.

Исследование религиозной «картины мира», которая доминировала в народном сознании в разные эпохи, наиболее планомерно и результативно проводилось в рамках так называемой «социальной истории». Изучение стереотипов поведения, способов мировосприятия, духовной культуры народа - культуры «безмолвствующего большинства» - позволило сделать вывод о том, что именно глубинные пласты социальной психологии, часто слабо осознаваемые людьми, оказывали существенное влияние на социальное поведение индивида в группе, на групповое поведение.

Социальное поведение – экономическое, политическое или религиозное – детерминировано всей жизнью человека, то есть целым комплексом материальных и духовных факторов. Но эти детерминанты прямо и непосредственно не определяют поступков людей, - они проходят сквозь сложные «фильтры» их сознания, преломляются в ментальности, приобретая символический смысл (2).

Обязательным содержанием любого символа или знака является его социальная значимость, то есть сравнительно одинаковое к нему отношение членов общества или группы, в котором он принят. Наиболее универсальным из символических отношений является представление о сакральном. Оно пронизывает весь комплекс категорий, лежащих в основе символической системы и конструирует в рамках данной культуры «образ мира», общества и человека (3).

Религиозное сознание человека эпохи позднего феодализма играло роль своеобразной «матрицы», в рамках которой формировалась

психологическая реакция людей на объективные ситуации.

Основы изучения религиозного сознания русского народа были заложены в рамках русской фольклористики второй половины XIX в. (А.Н. Афанасьев, В. Миллер, Д. К. Зеленин) и получили развитие в работах представителей историко-этнографического направления (С.В. Максимов, Н.И. Костомаров). Их традиции были продолжены в трудах исследователей русской народной культуры Западной Сибири И. Я. Неклепаева, Н. Л. Скалозубова, П. А. Городцова (4).

Основные методологические принципы и приемы исследования религиозной «картины мира» были разработаны и нашли свое воплощение в трудах Петербургской исторической школы (Л. П. Карсавин, П. М. Бицилли, Г. П. Федотов), а несколько позднее – в работах представителей французской исторической школы «Анналов» (Л. Февр, М. Блок, Ж. Л. Гофф). Роль религиозных представлений в формировании социального поведения индивидов и групп анализировалась также в исследованиях отечественных историков М. М. Бахтина, А. Я. Гуревича, С.А. Токарева, в трудах историков-регионалистов Н. Н. Покровского, М. М. Громько, Н. А. Миненко, Л. В. Островской, Р. Г. Пихой (5). И тем не менее, проблема религиозного сознания народа в рамках советской историографии не получила достаточного освещения. Православие оценивалось преимущественно как религиозно-идеологическая система, чуждая народным массам, а потому и недостойная изучения в рамках исторической науки. Историки, принимая во внимание тезис В. И. Ленина о «примитивной, бессознательной, рутинной религиозности мужика», уделяли преимущественное внимание антицерковной борьбе, антиклерикальным и «атеистическим» представлениям социальных низов русского общества (6).

Основным источником, свидетельствующим о наличии религиозной индифферентности и даже атеистических представлений в XVIII-XIX вв., являлись исповедальные ведомости, которые отразили уменьшение абсолютного количества прихожан, исповедовавшихся и причащавшихся в церкви (7). Но возникает вопрос: насколько неприятие исповеди и св. причастия или длительное непосещение храма свидетельствовало о резком и тотальном изменении в массовом сознании русского народа? Можно привести в качестве примера одно из объяснений причин такого поведения. В 1852 году тюменский этнограф Ф. Бузолин отмечал, что наряду со старообрядцами, традиционно не посещавшими церковь, многие православные, даже исповедовавшись у приходского священника, уклонялись от причастия «по глупому суеверию, что будто бы принявший святое причастие не должен в течение 40 дней плевать на пол, ходить в баню и иметь брачное ложе» (8). Отечественные историки, вынужденные, в силу традиционного под-

хода к анализу этой проблемы, неизменно подчеркивать «господствующее в массах религиозное безразличие» в эпоху позднего феодализма, часто оговаривались, что «рутинная религиозность» или «теологическое сознание» в этот период еще далеко была не поколеблена (9).

На всем протяжении истории всегда существовала человеческая личность, но личность исторически конкретно определенная, отличающаяся особым мироощущением и социальным поведением, присутствующим в определенной социокультурной среде. Основная задача данной статьи – определение феномена религиозности в среде зауральского населения через анализ категории «сакрального». Чтобы очертить границы сакрального и дать ему определение в статье рассматривается целый комплекс «сакральных фактов», к которым относятся обряды, религиозные предания и представления, священные и почитаемые предметы и священные места, символы и многое другое. Специфика данной характеристики заключается в том, что категория «сакрального» анализируется преимущественно через призму пространственно-временных представлений человека эпохи позднего феодализма.

В качестве источников использовались исследования русских ученых-этнографов и сообщения современников, опубликованные в периодической печати второй половины XIX – начала XX веков, мемуарная литература, материалы церковного делопроизводства.

Русское население в рассматриваемый период осознавало себя, прежде всего православным. Основным критерием определения «свой» человек или «чужой» оставался вероисповедальный принцип.

Одним из основных социальных институтов, оказывавших влияние на формирование религиозного мировоззрения русского населения Зауралья, была православная церковь. Это положение было справедливым как в отношении ее прихожан, так и в отношении раскольников. При этом, если для приверженцев официального православия церковь была необходима как фактор, регулирующий жизнь земную и обеспечивающий жизнь небесную, то для староверов она выступала, как «церковь Антихристова», которая стремилась погубить бессмертную человеческую душу.

В упорядоченности религиозной жизни в приходской общине было заинтересовано и духовенство, и сами прихожане, ибо от этого зависело наличие Божией благодати в земной и потусторонней жизни. Но основную ответственность за это, с точки зрения общины, несло, прежде всего, духовенство. Данное положение совпадало со стремлением самой церкви контролировать жизнь своих прихожан на всех ее этапах и во всех ее проявлениях.

Уже сам факт рождения ребенка вводил его в лоно православной

церкви или старообрядческой конфессиональной общины, ибо одним из первых и основных актов на этом этапе было обязательное крещение. Это религиозное таинство не только давало надежду на покровительство небесных сил новорожденному, но и служило своеобразным ритуалом приобщения его к православной христианской общине. В противном случае он рассматривался как изгой, «нехристь», остающийся под властью «нечистых духов». Ребенка, умиравшего до крещения, согласно религиозной традиции зачастую не хоронили на общем кладбище, так как он мог осквернить даже самим фактом своего присутствия могилы православных предков (10). В среде русских крестьян Зауралья бытовало убеждение, что «на том свете» душа некрещеного ребенка будет ползать как червь (11). Во избежание подобного исхода, при появлении на свет физически слабого ребенка родители спешили окрестить его немедленно, а если священник не мог прибыть в срок, то крестили сами (12). Случалось, что младенцы умирали без крещения и их зачастую хоронили без ведома причта на неофициальном погосте, чаще всего под часовней (13). Если же ребенок рождался мертвым, к нему «для обмолитствования» приглашали священника. Он читал «надлежащую на таковой случай молитву и над роженицей» (14). В случае же, если крещение не состоялось исключительно по вине священника, прихожане очень часто обращались в духовную консисторию, с требованием наказать нерадивого пастыря, обрекающего умерших детей на вечные муки (15).

Уже в первые минуты своей жизни человек входил в сакрализованное пространство, ибо рождение ребенка требовало соблюдения целого комплекса обрядов: беременные всегда предпочитали укрываться в бане, чтобы не допустить «сглаза»; родительница до 6-ти недель, пока не «сороковица» молитвой, считалась «нечистой» и ей нельзя было входить в храм (16). Сам акт рождения в представлении народа был связан с соприкосновением человека с областью сакрального. При этом необходимо подчеркнуть амбивалентность восприятия сакрального, что является фактом не только психологического порядка (в том смысле, что оно притягивает и отталкивает), но и порядка аксиологического - сакральное воспринимается одновременно как «священное» и «нечистое» (двойственность значения этого понятия заложена уже в этимологии слова – «sacer», что в переводе с латинского может означать как «проклятый», так и «святой») (17).

Религиозно–церковная регламентация повседневной жизни человека проявлялась в регулировании семейно-бытовых отношений, в хозяйственно-экономической деятельности и в политико-правовой сфере. Оформление брачных отношений находилось под неуспешным контролем духовенства, ибо только брак, освященный церковью счи-

тался официальным, и, кстати, только он мог иметь правовые последствия (например, право наследования). Это далеко не всегда признавалось народной традицией, о чем свидетельствуют многочисленные факты брака «убегом» (18).

Немаловажным является анализ представлений человека той эпохи о времени. Здесь возникает проблема разнородности восприятия времени – времени сакрального и профанного. Сакральное время психологически отличалось от обыденной временной протяженности. Это может быть время, в течение которого совершается тот или иной ритуал или обряд (например, магико-религиозные ритуалы в ночь на Ивана Купалу или так называемые «постные дни»), это «мифическое время», воскрешенное ритуалом, или время особых «ритмов Космоса», если понимать под ними такие моменты, в которые обнаруживает себя, то есть проявляется, изначальная сакральная сила, движущая Космосом (19).

Как церковь, так и народная религиозная традиция, устанавливали дни, когда необходимо было воздерживаться от активной хозяйственной деятельности, посвятив их заботам о душевном спасении. В субботу обычные работы приостанавливались с первым ударом вечернего колокола. В воскресенье, праздничные и в некоторые другие дни церковь не разрешалось даже ведение судебных дел. Иногда крестьянский сход по поводу какого-нибудь «чудесного» события давал «зарок» тот или иной день сделать нерабочим; такой день считался заветным днем и почитался, как местный праздник (20).

Время поста, установленное православной церковью, имело сакральную окраску, выпадая из обычного течения времени. В этот период строго регулировалось, и потребление пищи, и семейно-брачные отношения, ибо религиозная традиция требовала полного телесного воздержания. Помимо еженедельных постов в среду и пятницу, существовали и четыре периодических поста (Великий, Петров, Успенский, Рождественский). В целом, около трети года приходилось на постные дни. Иностранцев поражало как их обилие в России, так и строгое отношение к их соблюдению. Так Герберштейн в XVI веке писал, что в течение всего «Великого поста», который продолжается 50 дней, набожные москвичи принимали пищу только четыре раза в неделю, в остальные три дня довольствовались куском черного хлеба. Осквернить себя в пост мясной пищей почиталось тяжким грехом. Даже нож, режущий мясо, остается на целые сутки способным «оскоромить» (21). В среде зауральских земледельцев, где патриархальные традиции сохранялись относительно неизменно вплоть до конца XIX века, пост соблюдался также достаточно строго. По свидетельству Ф. Зобнина, узнав о существовании «воспод», которые и в Великий

пост «кушали мясо», тюменские крестьяне «дивились и не верили, что есть такие безбожники» (22). Ученый-этнограф Н. Абрамов также подчёркивал, что «посты в слободе Царево Городище и принадлежавших ей селах и деревнях наблюдались со всей строгости. Говение в Великий пост и причащение Святых Таин было непременно святою обязанностью каждого» (23). Согласно народным представлениям только человек, соблюдающий основополагающие церковные правила, освященные многовековой народной традицией, считался христианином. Правда церковные деятели иногда с прискорбием констатировали, что посты прихожанами «строго соблюдаются только с внешней стороны, зато в употреблении постной пищи не соблюдается никакой меры, о посте же духовном они понятия не имеют» (24).

Приходская церковь и религиозная практика оказывала влияние и на повседневную суточную жизнь человека. Практически полное отсутствие технических средств точного измерения времени обуславливало частичную ориентацию прихожан на время церковное, хотя при этом пользовались и солнечными часами (25). Следуя традиции восточного времяисчисления в богослужебной практике, заимствованной из Византии, сутки делились на дневные и ночные часы. «Седьмой час утра по-нашему часоисчислению, - писал Н. И. Костомаров, - был первым часом дня; седьмой час вечера – первым часом ночи. На исходе ночи в церкви отправлялась заутреня; богослужебные часы: первый, третий, шестой и девятый знаменовали равноименные дневные часы, а вечерня – окончание дня. Русские старались согласовать свой образ жизни с богослужебным порядком» (26). «Службы» отмечали не строго соизмеримые отрезки суток, но начало определенных этапов суточного богослужения, которые в соответствии со временем природного цикла, по-разному фиксировались зимой, весной или летом. Тем не менее, именно церкви принадлежит приоритет в своеобразной материализации времени. Церковные «часы» при своем внутреннем произволе оказались внешней рамкой, подчинявшей себе в определенной степени природное время (27).

В сельской местности рабочий день начинался довольно рано: летом с восходом солнца, осенью и зимой за несколько часов до рассвета. Н. Чукмалдин вспоминал об образе жизни своих родителей – тюменских крестьян: «Спать все ложились рано (около 9 ч.), зато отец и мать вставали около 3 часов утра. Отец еще впотьмах тихо и долго молился Богу, а потом уже зажигал лучину» (28). Вековая практика выработала своеобразный стереотип поведения, присущий русскому православному человеку, который описал Н. И. Костомаров: «Вставая от сна, русский тот час искал глазами образа, чтоб перекреститься и взглянуть на него; сделать крестное знамение считалось прилич-

нее, смотря на образ; в дороге, когда русский ночевал в поле, он, вставал от сна, крестился, обращаясь на восток» (29). Широко было распространено представление о том, что «каждый день в первый час дня ангел-хранитель является на поклонение Богу и объявляет все дела и мысли человеческие. Поэтому надобно всегда прилежно молиться и благодарить Бога в конце дня и в конце ночи, именно когда ангелы являются для поклонения Богу. Этою молитвою человек предохранял себя от наветов злых духов» (30). Если день был праздничный, тогда прихожане шли к заутрени, и благочестие требовало, чтобы встать еще ранее и прийти в церковь со звоном еще до начала служения заутрени (31). Приверженцы старообрядческих сект обычно относились строже к исполнению религиозного обряда начала дня. Богослужение у них происходило в молельнях и начиналось с чтения полунощницы, а потом и заутрени. Молитвы читались по «часовнику» (Часослову), кафизмы по Псалтырю. Продолжалось это священнодействие 3 часа. Около 6 часов утра, с теми же обрядами, как за полунощницей и заутреней, служились и «часы» (32).

Вехами годового цикла жизни служили праздники христианского календаря – Пасха, Рождество, Успенье, Николин день, храмовые и престольные праздники и т.д., – которые устанавливались с одной стороны, церковью и государством, а с другой – народной традицией. Особенно значимы они были для земледельческого населения, так как отмечали начало и конец тех или иных сельскохозяйственных работ и, тем самым, как бы освящали труд крестьянина. Важен этот календарь был и для торгующих крестьян, мещан и купцов, ибо ярмарки обычно устраивались в праздничные дни (от них ярмарки получали свои названия, например, Ивановская в селе Крестовском Шадринского уезда проводилась в день «усекновения главы Иоанна Крестителя»).

Для большинства русского населения религиозный праздник – это было не просто время отдыха, но время сакрализованное, дающее выход за рамки обыденной жизни. Церковь старалась ввести ход этих праздников в определенное русло, стремясь оставить в них лишь церковно-догматический элемент, отбросив традиции народного празднования. Но, хотя духовные пастыри не раз обращались к светским властям с просьбой помочь в деле отвращения прихожан от «бесовского веселия» и привлечения их в храмы Божии, результат был далеко не всегда благоприятный (33).

Освящались религиозной традицией и последние минуты жизни человека (в целом, в сознании человека той эпохи практически любое «рубежное» время становилось сакрализованным – временем взаимопроникновения и слияния двух миров – потустороннего и земного). Согласно догматам православия важную роль в этом играла цер-

ковь. Тяжелобольных старались заблаговременно исповедать и причастить. В преддверии возможной кончины православный человек уповал на «очищение души» от всех грехов, на прощение и милость Божию. Отпевание же давало надежду на то, что душа умершего найдет покой в раю, а не подвергнется вечным мукам ада и не останется неприкаянной в мире живых. Тело благочестивого прихожанина находило последнее пристанище на приходском православном кладбище. Умерший же без свершения церковных таинств, а тем более заподозренный в приверженности к расколу, не только не мог быть погребен по христианскому обряду, но подвергался своеобразной посмертной казни: тело его либо выбрасывали на растерзание зверям (что было более характерно для XVIII века), либо закапывали в общую могилу или погребали вне кладбищ, обрекая душу усопшего на вечные мучения. Так по требованию Тобольской духовной консистории, адресованному в октябре 1750 года в губернскую канцелярию, Полицейстерская контора должна была предать земле без христианского обряда двух раскольников, умерших в пути при следовании на суд. Извещая об этом, губернская канцелярия обязывала контору «погибельных раскольниц девок Марфы и Дарьи Бархатовых мертвые нечестивые трупища чрез полицейских служителей приказать вывончить за город и вринуть вне города в ров, или во иное, какое отдаленное и безчестное место без всякого погребения» (34). Подобные наказания ожидали и провинившихся духовных лиц: епископ Пермский Иоанн указом от 27 августа 1801 года предписал, дабы запрещенные или лишенные сана за пьянство или прелюбодеяние были вообще лишены христианского погребения (35).

Смерть окончательно не прерывала связь между живыми и умершими. Согласно вероучению православной церкви, поддержанному и развитому народной традицией, о потусторонней жизни человеческой души, живые могли своими молитвами повлиять на дальнейшую судьбу умерших. Так в большинстве духовных завещаний этого периода одним из первых пунктов была просьба употребить часть оставшегося имущества на поминовение души (36). С этой целью делались иногда значительные пожертвования в пользу церквей и монастырей. В 1748 г. супруга погибшего майора Дмитрия Павлуцкого пожертвовала в пользу церквей и монастырей Тобольской губернии, а также в пользу Далматовского монастыря 633 рубля (37). В середине XIX века заседатель Ялуторовского земского суда Николай Забелин завещал пожертвовать в пользу церквей Кургана и Ялуторовска, а также монастырей Туринского и Екатеринбургского уездов более тысячи рублей (38). В «Тобольских губернских ведомостях» в 1857 году отмечалось, что «жертвы на церкви приносятся, преимущественно, от купе-

чества. Без малейшего побуждения внешнего, само собою, оно спешит украшать наши храмы Господни» (39).

Согласно представлениям подавляющего большинства русского населения, молитва рассматривалась как средство непосредственного общения с потусторонним миром и воздействия на него. Не меньшее значение молитве придавала и церковь. В фондах Тобольской консистории встречаются многочисленные рапорты из духовных правлений, в которых сообщается, что каждый священник «в своем приходе приходских своих обоего пола людей от семи лет до престарелых молитвам господним Отче наш, Богородице Дево радуйся и Символ веры обучают неленостно» (40). Согласно основам «семейно-брачного права» XVIII века для вступления в брак обязательным условием было знание этих молитв, ибо, утверждала церковь, нельзя вступать в брак и «желать быть родителями детей, и в ту же пору не знать того, в чем следует наставлять детей» (41).

Приходские священники играли большую роль в формировании религиозного мировоззрения мирян. Взаимоотношение между ними невозможно понять, если не принимать во внимание следующий фактор: духовенство воспринималось как проводник между двумя мирами – земным и потусторонним, переводя человека из одного мира в другой посредством религиозных таинств. При всей важности внецерковных обрядов, лишь крещение вводит человека в мир живых (а подлинно живые с точки зрения христианина – лишь христиане), и лишь отпевание уводит его в мир мертвых (42). От правильности действий клирика зависит чистота этого мира, безопасность и защищенность его от мира неживых. С этой точки зрения вполне естественным было желание прихожан иметь хорошего знающего священника. Одним из признаков соответствия священника идеалу были частые церковные службы. Так священник Свято-Троицкой церкви села Травянского (Дубровного) отмечал, что «крестьяне уважали тех священников, которые церковную службу указную и по просьбе прихожан, равно и требы, совершали неупустительно» (43). В этом они находили полную поддержку государства и высших иерархов церкви. Указ Синода от 22 марта 1800 года предписывал священникам, «чтобы они в церквях своих, сколько можно чаще, и, по крайней мере, в каждую неделю 5 дней отправляли свою церковную службу, как-то вечерни, утрени и литургии, а в не допускающие по каким-либо законным причинам к служению оной времени пели бы часы..., а равно и прочитывали ежедневные краткие поучения» (44).

Исследователи неоднократно отмечали суеверное отношение прихожан к духовенству, которое, служа проводником между мирами, несло отпечаток этих миров и поэтому было опасным для остальных

людей. При этом, интересно, что в устной традиции урало-сибирского региона не делалось особого различия между колдовской силой чернокнижника и священнодействием духовного лица (45). Возможно, что именно маргинальное положение духовенства в крестьянской общине объясняет достаточно терпимое отношение к «антиобщественным» поступкам клириков (46).

Осознавая роль приходского духовенства в формировании мировоззрения мирян, государство к началу XIX века выдвигает на первый план не столько бюрократические или фискальные функции низшего клира, что было характерно для XVIII века, но функцию религиозно-просветительскую. Возникла потребность изменить культурный облик церковных служителей. С этой целью создается целая сеть духовных учебных заведений. В 1840 г. была проведена их реформа с целью приблизить духовное образование к потребностям большинства прихожан, дабы повысить авторитет священника в их глазах. В соответствии с новой концепцией обучения, выпускник семинарии должен был уметь «нисходить к понятиям простого народа и беседовать с ним о спасительных истинах веры и христианских обязанностях простым и вразумительным языком» (47). Кроме того, священник должен, согласно этой концепции, иметь понятие по части вспомогательных наук, которые могли бы с пользой использовать в сельском быту, помогая прихожанам; он должен в совершенстве знать учение о вероисповедании, о ересьях и расколе, знать начала наук естественных, в том числе и медицины, и иметь представление об особенностях труда земледельца (48).

Как уже отмечалось выше, одной из основных категорий религиозного сознания являются пространственно-временные представления людей, специфика которых в некоторой степени определялась влиянием приходской церкви.

Психологически человек той эпохи воспринимал пространство как систему мест, обладавших особой знаковой природой, – то, что Ю. М. Лотман охарактеризовал как систему «семиосфер» (49). С одной стороны, это область «священного» – церковь, часовня, кладбище, могила святого или место явления чудотворной иконы; с другой стороны, так называемые «нечистые места» – болото, лес, мельница или баня. Но все они образуют сакральное пространство, где действуют разные, порой враждебные силы; жизнь здесь идет по своим законам, что предполагает особые формы поведения человека в рамках той или иной области. При этом граница между ними была весьма подвижна, а подчас и проницаема, проходя не только между пространством «оцерковленным» и «неоцерковленным», но и непосредственно через жилище крестьянина. В сакрализованном пространстве, соглас-

но народным представлениям может действовать как небесная сила, наделенная Божией благодатью, так и сила дьявольская. И даже такие священные места, как православные храмы, не были освобождены от «дерзких нашествий злых духов для соблазна христиан в определенное время» (50). Согласно представлениям жителей Сургутского края, чернокнижники ежегодно подновляли силу своих заговоров во время служения в церкви Христовой заутрени. Считалось, что те заговоры, которые они не успевали прочесть за время церковной службы, теряли свою чудодейственную силу (51). Было широко распространено и предание о том, что ранее в Зауралье существовали особые церкви для «сомнительных» покойников, то есть таких, о которых «при живности» ходили различные подозрительные слухи об их сношениях с нечистой силой (52). Частые пожары из-за попадания молний в храмы объяснялись следующим образом: пророк Илья, преследуя Сатану и его воинство, которое старалось укрыться от карающих молний то в человеке, то в скотине или даже в святой церкви, поражает все на своем пути. Одно из религиозных преданий той поры рассказывало о своеобразном диалоге Сатаны с пророком Илией: «Я в церковь Божию влечу и сожгу ее», - грозит Сатана. Но Илья был неумолим: «Я и церкви святой не пощажу, но сожгу тебя» (53).

Таким образом, «священное» (например, православная служба в храме) и «нечистое» (сатанинские действия колдунов или «нечистых духов») не были сознанием народа жестко противопоставлены друг другу, образуя единое сакрализованное пространство, резко отличающееся от пространства «обычного». При этом, силы Божественные и Дьявольские вне «своей» территории действовали только по собственным законам. Так, например, согласно представлениям, бытовавшим в то время в народной среде, колдун в церкви легко было узнать во время пасхальной заутрени, так как он всегда стоял спиной к алтарю (54).

Осознание существования «священного» и «нечистого» пространства и знание их границ помогало человеку ориентироваться в этом мире и при необходимости заручаться поддержкой то одних, то других сил в своих интересах.

Существовало представление о том, что нечистая сила, будучи свержена на землю, во избежание вражды и ссор, очертила свои владения кругом. И этот круг возымел особое действие и силу: всякий попавший в него и переступивший след нечистого, обязательно блуждает и без помощи особых средств из него не выйдет и не избавится от дьявольского наваждения (55).

Традиционными центрами, вокруг которых вращалась внутренняя жизнь деревни, являлись приходская церковь и питейное заведение (56). Воспринимаясь как оппозиция друг другу, они предполагали раз-

личную систему поведения, которая считалась нормой только в этих местах и выходила за рамки обычного вне них. Данная смысловая противоположность выражалась и в том, что и церковь, и кабаки стояли на самом видном месте в селе, но при этом обязательно на порядочном расстоянии друг от друга (57).

Церковь была не только очагом религиозной жизни общины, но и местом общения, выполняя коммуникативную функцию в данной социокультурной среде. Чаще всего именно около нее располагалась ярмарочная площадь, на которую во время торгов съезжались не только жители близлежащих деревень, но и соседних волостей, уездов и губерний. Здесь совершались торговые сделки, проводились различные празднества, получали распространение многие толки и слухи о том, что было и чего не было. С церковной кафедры произносились проповеди и наставления прихожанам, читались указы и распоряжения властей. Связывая воедино несколько поселений в один приход, церковь тем самым нарушала замкнутость, изолированность проживания крестьян на бесконечных пространствах Зауралья. Так, например, устройство в селе Воскресенском храма, заставило жителей деревень, входивших в воскресенский приход, провести «правильные дороги», чтобы иметь возможность без особых затруднений исполнять «требы христианские» (58).

Преодоление социокультурной локализации крестьянского мира отразилось и на характере восприятия человеком окружающей действительности. Не будучи жестко привязанным к административным границам, церковный приход стал одним из факторов формирования региональной религиозно-культурной системы, что связано с преимущественным почитанием в Зауралье того или иного святого (Симеона Верхотурского, Николая Чудотворца или Дмитрия Солунского) или подвижника (преподобного Далмата).

Таким образом, церковь как центр приходской жизни продолжала оказывать влияние на формирование ментальных структур сознания крестьянства периода позднего феодализма.

При изучении религиозного сознания необходимо помнить, что народное мировоззрение в принципе не совпадает с какой-либо установленной, «специализированной» культовой идеологией.

В своей повседневной жизни основная масса мирян руководствовалась не столько догматами православия (будь то православие старообрядческое или «никоновское»), а укоренившимися веками и освященными народной традицией поведенческими стереотипами, зачастую неосознанными, которые включали в себя элементы и православной, и дохристианской культуры. Религиозные представления являлись довольно сложной и на первый взгляд противоречивой системой. Но

это не дает оснований для характеристики «народного православия» как простого конгломерата верований различных эпох. Этим подчеркивалась бы лишь некая механичность соединения дохристианских верований и православного вероучения. В отечественной исторической науке еще в XIX веке Е. В. Аничковым было убедительно показано, что при характеристике религиозных представлений народа корректнее говорить о «переносе древних поверий в новые формы» (59). При этом внешние проявления – форма – никогда не существовали самостоятельно, в отрыве от содержания. Дохристианские обычаи приобрели этическую христианскую окраску, и христианство вобрало в себя различные языческие представления. Японский синтоизм, синкретические религии современной Африки служат ярким примером переплетения в единое целое различных религий и усвоения ими разнородных вероучительных и культовых представлений (60). Понятие «сакрального» было характерно как для дохристианских культов, так и для православного учения. Синтезировавшись, оно вобрало в себя самые разнородные элементы. В рамках «народного православия» категория «сакрального» имела ряд черт. Во-первых, оно могло распространяться на любой объект – на местность, животное, явление природы, человека и т.п. Во-вторых, сакрализация этого объекта выводила его за рамки действия обыкновенных законов природы, за рамки мирской, профанной жизни. В-третьих, феномен сакрального в сознании человека той эпохи был амбивалентен по своей природе, то есть сакральные явления могли быть одновременно и «священными» и «нечистыми». Таким образом, категория «сакрального» была одной из наиболее универсальных категорий религиозного сознания, которая проникала во все сферы и уровни человеческого сознания и духовной культуры, придавая им определенную специфику.

Примечания:

1. Миненко Н.А. *Культура русских крестьян Зауралья. XVIII – первая половина XIX веков.* М., 1991. С. 35.
2. Гуревич А.Я. *Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бои за историю.* М., 1991. С. 520.
3. Гуревич А.Я. *Социальная психология и история. Источниковедческий аспект // Источниковедение.* М., 1969. С. 390.
4. Неклепаев И.Я. *Поверья и обычаи Сургутского края // Обряды, обычаи, поверья. Тюмень, 1997. С. 7-213; Городцов П.А. Праздники и обряды крестьян Тюменского уезда // Там же. С. 227-286; Скалозубов Н.Л. Народный календарь: поверья, приметы о погоде и сроки сельскохозяйственных работ у крестьян Тобольской губернии // Там же. С. 215-225.*

5. Бахтин М.М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М., 1965; Гуревич А.Я. Категории средневековой культуры. М., 1984; Покровский Н.Н. Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян-старобрядцев в XVIII веке. Новосибирск, 1974; Токарев С.А. Религиозные верования восточнославянских народов XIX — начала XX века. М. - Л., 1957; Миненко Н. А. К характеристике общественного сознания русского населения северо-западной Сибири (XVIII — первая половина XIX в.) // Бахрушинские чтения. 1971. Вып. 2. Из истории социально-экономического и политического развития Сибири в XVIII — начале XX веков. Новосибирск, 1971. С. 58-68; Островская Л.В. Некоторые замечания о характере крестьянской религиозности (на материалах пореформенной Сибири) // Крестьянство Сибири XVIII — начало XX века. Классовая борьба, общественное сознание и культура. Новосибирск, 1975; Громько М. М. Трудовые традиции русских крестьян Сибири (XVIII — первая половина XIX в.). Новосибирск, 1975; Пихоя Р.Г. Общественно-политическая мысль трудящихся Урала (конец XVII — XVIII в.). Свердловск, 1987.
6. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. Т.17. С.437; Каптерев Л. Дубинщина. Екатеринбург, 1924; Самсонов А.М. Антифеодальные народные восстания в России и церковь. М., 1955; Кондрашенков А.А.. Очерки истории крестьянских восстаний в Зауралье в XVIII в. Курган, 1962.
7. Литвак Б.Г. Крестьянское движение в России в 1775-1904. История и методика изучения источников. М., 1989. С. 201,202.
8. АГО р.61, д.33, л. 1об.
9. Литвак Б.Г. Указ. соч. С.201; Пихоя Р.Г. Указ. соч. С. 205.
10. Неклепаев И.Я. Поверья и обычаи Сургутского края... С. 63.
11. Там же С. 63.
12. Островская Л.В. Христианство в понимании русских крестьян пореформенной Сибири (народный вариант православия) // Общественный быт и культура русского населения Сибири (XVIII — начало XX в.). Новосибирск, 1983. С. 140.
13. ГАКО ф. 1774, оп. 1, д. 95, л. 23.
14. Традиционная культура русского крестьянства Урала XVIII — XIX вв. Екатеринбург, 1996. С. 132.
15. ТФ ГАТО ф. 156, оп. 1, д. 101.
16. Неклепаев И.Я. Поверья и обычаи Сургутского края... С.62.

17. Элиаде М. *Избранные сочинения. Очерки сравнительного религиоведения.* М., 1999. С.30.
18. Миненко Н.А. *Русская крестьянская семья в Западной Сибири (XVIII — первая половина XIX в.).* Новосибирск, 1979. С. 227.
19. Элиаде М. Указ. соч. С.354.
20. Гантаев Н. М. *Церковь и феодализм на Руси.* М.,1960. С.91.
21. Там же С.91.
22. Островская Л.В. *Христианство в понимании русских крестьян...* С. 141.
23. Абрамов Н. Слобода Царево Городище с окрестностями // *Тобольские губернские ведомости.* 1860. №6. С. 56.
24. ГАТО ф. 170, оп. 2, д. 513, л. 46.
25. Чагин Г.Н. *Мировоззрение и традиционная обрядность русских крестьян Среднего Урала в середине XIX — начале XX века.* Пермь, 1993. С. 64.
26. Костомаров Н. И. *Очерк домашней жизни и нравов великорусского народа в XVI и XVII столетиях.* М., 1992. С. 190-191.
27. Ястребицкая Л.А. *Средневековая культура и город в новой исторической науке.* М., 1995. С. 232.
28. Чукмалдин М. Н. *Мои воспоминания.* Тюмень, 1997. С.9.
29. Костомаров Н.И. *Очерк домашней жизни...* С.191.
30. ТФ ГАТО ф. 144, оп. 1, д. 34, л. 12.
31. Костомаров Н. И. Указ. соч. С.191.
32. Чукмалдин М.Н. Указ. соч. С.11-12.
33. ГАСО ф. 251, оп.1, д.14, л.252.
34. Кузнецов Е.В. *Сибирский летописец.* Тюмень, 1999. С.163-164.
35. ГАСО ф.6, оп.2, д.414, л.182 об.
36. ТФ ГАТО ф.156, оп.25, д.91, л.3; д.92, л.3; ф.361, оп.1, д.41, л.3.
37. ТФ ГАТО ф.156, оп.1, д.39, л.2.
38. Там же оп.25, д.91, л.3об, 5, 14.
39. *Тобольские губернские ведомости.* 1857. №36. С. 377.
40. ТФ ГАТО ф.156, оп.1, д.44, л.1.
41. Миненко Н.А. *Русская крестьянская семья...* С.177.
42. Мангилева А.В. *Духовное сословие на Урале в первой половине XIX в. (на примере Пермской епархии).* Екатеринбург, 1998. С.144.
43. ГАКО ф.1774, оп. 1, д.95, л.10.

44. Мангилева А.В. Указ. соч. С.169.
45. Островская Л.В. Некоторые замечания о характере крестьянской религиозности... С.178; Белобородова И.Н. Священник и колдун в русской урало-сибирской народной культуре: о символическом языке обрядов посвящения // Ежегодник научно-исследовательского института русской культуры Уральского Государственного университета 1995-1996. Екатеринбург, 1997. С.92, 95.
46. Мангилева А.В. Указ. соч. С.146.
47. Там же. С. 39.
48. Там же. С. 39.
49. Лотман Ю.М. Избранные статьи в 3-х томах. Таллинн, 1992. Т.1. С.15.
50. Максимов С.В. Куль хлеба. Нечистая, неведомая и крепкая сила. Смоленск, 1995. С.245.
51. Неклепаев И.Я. Указ. соч. С.30.
52. Там же. С. 30.
53. Максимов С.В. Указ. соч. С. 632.
54. Там же. С.573.
55. Там же. С.249.
56. Пундани В.В. Общественный быт государственных крестьян Урала во второй половине XVIII — первой половине XIX в. // Общественно-политическая мысль дореволюционного Урала. Свердловск, 1983. С. 101.
57. ГАКО ф.1774, оп.1, д.95, л.2.
58. Там же л.6.
59. Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. СПб., 1914. С. 302.
60. Новиков М. П. Христианизация Киевской Руси: методологический аспект. М., 1991. С. 85-86.

КУЛУНДИНСКИЙ МИЛЛИОНЕР СОРОКИН И ЕГО ЧИМЕЕВСКАЯ РОДНЯ

Т.С. Мамсик (Институт истории СО РАН)

В качестве базового источника для данной статьи использовались материалы «Записки о современном состоянии раскола в Тобольской губернии», составленной в 1861 г. чиновником Главного управления Западной Сибири Варлаковым (1). Часть разделы записки, посвящённого «секте иконоборцев», в виду актуальности содержащейся в ней информации по обсуждаемой проблеме (2), публикуется в виде приложения к статье.

Подготовка Варлаковым указанного документа была вызвана директивой сверху - правительство готовило очередную атаку на раскольников в преддверии буржуазных реформ, безнадежно пытаясь заставить население гигантской империи жить под знаком уваровской формулы «православие, самодержавие, народность».

Сибирь, как известно, была краем раскольников, прежде всего старообрядцев или староверов, - представителей, если следовать исторической реальности, «народного православия», упорно противостоявшего официальной церкви (и соответственно - поддерживающим её властям) на протяжении уже не одного столетия. Курганский округ в Тобольской губернии занимал в 40-е гг. XIX в. второе место по их числу, которое даже по официальной статистике равнялось 9 тыс. душ обоего пола (3). К 60-м годам церковной и светской бюрократии удалось часть поповцев (староверов, признававших священство) «загнать» в единоверческие приходы: число раскольников в округе сократилось примерно до 5 тыс. душ (4). Но при этом переход в единоверие зачастую числился по документам. Ложный успех деятельности официально-церковной бюрократии со временем всё очевиднее ощущался в правительственных верхах. Возникали новые и новые проекты официально-православной «христианизации» раскольников (5). Правительство было заинтересовано в получении более или менее объективной информации о религиозно-духовной жизни подданных империи. Эта нужда заставила привлечь к делу обследования раскола наиболее мыслящих для своего времени чиновников и даже учёных (6). В записках о состоянии раскола по губерниям, содержались наряду с беспристрастной статистической информацией местных клириков, совершенно не заинтересованных в её достоверности, заключения и предложения этих доверенных от власти людей, сделанные на основе личных наблюдений и сведений, добытых ими по неофициальным каналам, в том числе, вероятно, от платных осведомителей. Содержащаяся в

таких записках характеристика была, конечно, также далеко не полна, несомненно, тенденциозна, в известной мере носила характер доноса и штампа. Она требует критического подхода и, по возможности, сопоставления её с данными других источников. Таких источников к настоящему времени исследователи обнаружили уже немало.

В записке Варлакова ценна не только прямая информация, но и косвенная, то есть данная не вполне целенаправленно, а вытекающая из сопоставления содержащихся у самого же автора фактов (противоречащих или дополняющих друг друга, а также просто констатируемых вне специальных задач).

Из содержания документа, подготовленного Варлаковым, можно сделать вывод, что значительная часть зауральских поповцев (по совокупности причин) отказалась от священства вообще и перешла на позиции так называемой стариковщины, при которой функции отпавителей православного культа брали на себя старики - наставники. В отличие от томских чиновников, отводивших стариковщине видовое место в ряду других толков беспоповщинского согласия, Варлаков употреблял это понятие в качестве общего (т.е. родового) для всего тобольского старообрядчества. Классифицировал он его по следующей схеме: стариковщина, не приемлющая священство, или изначальная; стариковщина, приемлющая священство или беглопоповщина; и поморщина, раздробленная на массу разнообразных толков (л.1-6).

Схема Варлакова подтверждает в определённом смысле выводы современных исследований о сближении поповских и беспоповских (преимущественно поморских) толков староверия и о выраженной тенденции превращения зауральских старообрядческих общин в децентрализованные конфессиональные группы, отрицавшие в своей практике священство (7). Из совокупности фактов, приводимых Варлаковым, можно сделать заключение о том, что сложились объективные предпосылки для эволюции определённых групп русского раскола не столько в сторону официального российско-имперского православия, сколько по пути западноевропейского протестантизма. Правда, сам автор записки предпочёл по этому поводу ограничиться кратким замечанием, очевидно, предоставляя возможность сделать соответствующие выводы высшему начальству. Замечание Варлакова носило характер предположения о том, что описанная им «иконоборческая секта» - следствие проникших в Сибирь ещё в 30-е гг. XVIII в. квакерских идей. Этот вывод он сделал, изучая судебные материалы Тобольского консисторского архива (8). Применённые им в отношении сибирских квакеров термин «иконоборцы» вполне отвечал духу бюрократической мысли: пусть «вредное», но своё, - отечественное наследие, так называемого, «старорусского сектантства».

В публикуемом отрывке записки Варлакова весьма красочно представлен слепок духовно-религиозной жизни зауральских иконоборцев в нескольких селениях Чимеевского прихода Курганского округа, и связанных с ними очагах, - по существу филиациях, - гилёво-петелинской (пригород Ялуторовска), а также - в отстоявшей от них на многие сотни вёрст - Кулунде, - в бассейне реки Карасука, на территории вновь заселявшейся там Юдинской волости (Омский округ), расположенной на границе между Тобольской и Томской губерниями.

Варлакову удалось, таким образом, проследить связи иконоборцев, простиравшиеся на сотни вёрст по территориям, входившим в пространство трёх округов двух губерний, - Курганского, Ялуторовского и Омского.

Фигурой, объединяющей указанные по сословному составу крестьянские, религиозные филиации единой общины (или на языке официальной бюрократии - «секты»), идентифицировавшей себя с адептами вероучения «нежертвенных», в быту у односельчан носивших прозвище «немоляк» («немолях»), а Варлаковым обозначенной в качестве «иконоборческой», - оказался живущий на карасукской заимке в Кулундинской степи омский купец Михайло Меркулов Сорокин, бывший крестьянин, родом из деревни Могильной той же Чимеевской волости. Именно это обстоятельство, - высокое социально-сословное и соответственно, экономическое положение, которого мог бы добиться обычный сибирский крестьянин, с одной стороны, а с другой - на первый взгляд мало соответствующий этому положению уровень менталитета, и самого этого вчерашнего крестьянина, и его ближайшего окружения, - позволяют обсудить и приоткрыть невидимую и совершенно ещё не осознанную роль так называемого русского раскола на разных этапах экономического развития Сибири, происходившего в ходе непрерывного колониационного освоения её территорий. Важно отметить при этом, что в ходе, этого процесса изменялись и самые формы раскола, и, как выясняется, в таком направлении, которое менее всего, возможно, было бы предполагать.

Записка Варлакова открывает возможность обсудить и продвинуть решение взаимосвязанных исследовательских проблем разного уровня. Во-первых, она даёт материал для пополнения базовых данных о биографиях известных и мало известных, незаурядных для своего времени людей, составляющих трудовое крестьянское сословие Курганской земли, а также вышедших из него на арену крупнокапиталистической предпринимательской деятельности уже в первой половине XIX в. Речь идёт о купце Сорокине, а также его чимеевских родственниках и гилёво-петелинских сподвижниках, чьи духовно-религиозные поиски подняли их кругозор и систему нравственных ценнос-

тей на уровень западноевропейского стандарта середины XIX в.

В этой связи материалы о зауральских иконоборцах позволяют посмотреть на крестьянскую традиционность в сфере религиозного сознания, обычно квалифицируемую как социальный фермент средневековой неизменности культуры и гарант стабильности общественного (а вместе - и экономического) строя деревни, под новым углом зрения.

В историографии давно уже стало привычной мысль, во-первых, о социально-психологических причинах длительного существования раскола (привычка, дань обычаю предков), а также о вынужденных, - политико-идеологических (репрессии, преследования церкви и государства), с одной стороны, и социально-экономических (классовое разложение раскольнических организаций), с другой, - факторах видоизменения его. При всей очевидности данных выводов, существует потребность в их конкретизации и уточнении. Срез истории курганского раскола, связанный с метаморфозами сословного и экономического положения крестьянина, а затем купца Сорокина позволяет обсудить эти интересные, и достаточно не простые для сторонников традиционных точек зрения проблемы, - на уровне индивидуальных судеб и конкретных религиозных сообществ.

Скупые сведения о Сорокине, сообщённые Варлаковым, тем не менее, дали неожиданную возможность идентифицировать бывшего чимеевского крестьянина с кулундинским миллионером Сорокиным.

Известный сибирский публицист Н.М. Ядринцев, совершая в конце семидесятых годов XIX в. поездку по Западной Сибири с целью сбора статистических сведений о регионе, побывал на реке Карасук. Карасукская и соседняя с ней территории на протяжении всей первой половины XIX в. являлись местом интенсивной колонизации. Богатейшие возможности края с успехом были использованы переселенцами с уже освоенных в более ранний период земель для становления комплексной высокопродуктивной экономики. Очевидно, что в числе этих переселенцев была и семья Сорокиных. Среди преуспевающих хозяйств карасукцев Ядринцев выделил одно, сверхбогатое, принадлежавшее миллионеру Сорокину, умершему в 1878 г. Очевидно, что иконоборец Сорокин, фигурирующий в записке Варлакова как омский купец второй гильдии, и умерший купец-миллионер - одно и то же лицо.

В хозяйстве, оставленном Сорокиным, имелось не менее 8 тыс. голов скота, в их числе до 500 породистых лошадей - аргамаков. В закромах хранилось около 100 тыс. пудов пшеницы; кожевенный завод производил в год 5 тыс. кож. В г. Павлодаре хозяин имел две лавки, где его приказчики вели торговлю мануфактурными товарами. После смерти Сорокин оставил наследникам - шестерым сыновьям и двум племянникам по 40 тыс. рублей; по 5 тыс. - троим дочерям (9).

Краткая заметка Ядринцева оказалась чрезвычайно существенна в свете того информационного поля, которое приоткрылось, благодаря записке Варлакова. Во-первых, выяснилось, что в лице Сорокина история зауральских сибирских регионов имеет личность, равнозначную уже известным первооткрывателям, вышедшим из крестьянского сословия Тобольской губернии в дореформенный период. Это, и тюменский миллионер, автор известных мемуарных записок, бывший крестьянин дер. Кулаковой - Н. М. Чукмалдин; и бывший крестьянин Иковской слободы Курганского уезда Ф. Шишкин (состоявший в ближайшем родстве с самой влиятельной фамилией курганского купечества сер. XIX в. - Смолиных, по-видимому, также вышедших из крестьян) (10). Очевидно, список личностей такого уровня только Курганского округа (не говоря уже о других земледельческих районах Сибири) можно будет продолжить. Вопрос о том, какими путями осуществляли эти люди первоначальное накопление своих капиталов, остаётся пока без чёткого ответа, по вполне понятным причинам: сведения об этом не подлежали огласке. Но очевидно лишь то, что важнейшим стартовым условием для будущих крестьян-капиталистов были внутренние ресурсы семейно-клановой кооперации. Однако, в купеческое сословие попадала лишь доля процента от сословия земледельческого. Следовательно, существовали ещё и другие факторы, для того, чтобы заставить служить себе фортуна. Как всё более становится очевидным, одним из них, и, несомненно, находившимся во взаимосвязи с семьёй и кланом, было наличие прочных религиозно-духовных институтов, служивших дополнительным условием скрепления связей родственных. В остальном дело решали предприимчивость, степень лабильности к возникавшим жизненным ситуациям, в том числе - умение использовать новации времени, приспособлявая их в пользу дела без потери опыта, сублимированного в дедовских традициях.

Если с указанных традиций подойти к личности Сорокина, то многое из деятельности его приобретает свой логический смысл, вопреки абсурдным заключениям Варлакова. В свете выстроенной им фактологической канвы, купец выглядит, как безграмотный, фанатичный сектант, занимающийся бессмысленной пропагандой некоего абсурдного вероучения (отрицавшего не только иконы, священников, но и все христианские таинства, в том числе - жертву Христову), позаставленного (по одной из версий) у достаточно сомнительной в нравственном отношении («страшно развратной») жены; мнимо исповедующий православие, бегущий от общества и от общественных обязанностей. Словом, - по мнению губернского чиновника, - настоящий «мизантроп», «человек дерзкий, непокорный власти».

Так Варлаков отвечает на первый вопрос, который напрашивается

ся при знакомстве с материалами о зауральских иконоборцах - почему преуспевающий купец, несомненно, уважаемый член поморской беспоповской общины (к которой он, как и его многочисленная крестьянская родня, проживающая в деревнях Чимеевского прихода, принадлежал по рождению, по обязательству следовать заветам предков), активно и упорно осуществляет религиозно-мировоззренческий поиск и останавливается на иконоборчестве, как единственном организационно-идейном варианте приемлемого для него конфессионального сообщества.

Другой вопрос. Почему, казалось бы, найдя необходимый вариант религии, удовлетворивший запросы его индивидуального духа, Сорокин стремится к созданию общины («секты») за пределами не только своего дома, но и «своей» территории, причем вовлекает туда не только родственников, но и посредством их - крестьян, проживающих за сотни верст от Карасукской заимки. Мы не исключаем также варианта, при котором Сорокин нашел путь к уже существовавшей под Ялutorовском в пригородных селениях общине иконоборцев. Остается тот же недоуменный вопрос: с какими целями? Ведь на поддержание постоянных связей с чимеевской и гилевской филиациями «немоляк» требовалось немало времени. Между тем, Сорокин жертвовал им также для того, чтобы лично вести диспуты в целях пропаганды своего вероучения в среде чимеевских раскольников разных ориентации. Очевидно также, что без соответствующей подготовки (также требующей усилий и времени), решиться на такие дискуссии было невозможно. И это при том, что огромные владения и торговые дела, несомненно, требовали максимального внимания и полной отдачи хозяина. Варлаков, согласно утвердившемуся в бюрократической практике мнению, считал всякую деятельность по «рассеиванию» раскола следствием собственного «сектантам» фанатизма и невежества. Приводимый им в записке «рассказ» о Сорокине - «гражданине» и «христианине», имел цель подтвердить справедливость этой версии.

Между тем, как это не выглядит кощунственно, но, имея уже определенный запас знаний по поводу аналогичных ситуаций, возможно, предположить, что именно потребности производства, сбыта и обмена продукции, связанные с типом предпринимательского хозяйства Сорокина, и явились предпосылкой для смены его религиозной ориентации. Чтобы оправдать эту гипотезу, вернемся к сути вероучения и организационной стороны сообщества «немоляк», подробно, хотя и вне сомнения, неполно, изложенной Варлаковым. При ее рассмотрении выясняется, что **религиозно-догматическая** (отрицание всех христианских таинств и любых посредников между богом и верующим, почитание божества лишь как духа и соответственно - служение

ему духом, вера в спасение всех, искренне верующих), **этическая** (крайняя индивидуалистичность, сопряженная с принципом полной веротерпимости к религиозному инакомыслию); **политико-идеологическая** (подчинение властям во всем, «кроме веры») и, наконец, **организационная** (неприятие церковной иерархии, оргий, как формы взаимосвязи с богом) **стороны доктрины** иконоборцев позволяют их действительно идентифицировать с протестантской конфессиональной деноминацией, известной в западноевропейском и американском религиоведении под названием **квакерской**.

Квакерское движение возникло в Англии в 40-е гг. XVII в., а оттуда быстро распространилось в страны Западной Европы. Часть общин в результате преследований эмигрировала в Америку, и здесь, в штате Пенсильвания, на землях, предоставленных английским лордом У. Пенном, они основали свою колонию (11).

Элементы религиозной доктрины квакеров и зауральских иконоборцев имели целый ряд почти дословных совпадений. «Бог создавший мир, - писал основатель движения Г. Фока, - не обитает в рукотворных храмах, но в человеческих сердцах». Последователь Фокса У.Пенн продолжал его мысль: «поскольку бог есть дух, то и служить ему нужно в духе, без внешних обрядов и церемоний»(12).

Отвергая церковь, ее иерархию, все без исключения церковные таинства, христианскую обрядность, ее атрибутику (в том числе иконы), квакеры исключительно духовно «общались» с богом. При чтении священных текстов и размышлении над их смыслом они испытывали в какой-то момент интеллектуальное и духовное озарение, сопровождаемое экстазом (трепетом), которые и трактовались ими как акт постижения божественной истины. Отсюда их прозвище - квакеры или трепещущие. Сами же себя они именовали «детьми света», «друзьями в истине», «обществом друзей».

Квакеров отличала веротерпимость, признание принципа равенства всех перед богом, независимо от сословной принадлежности, пола, этнического происхождения. Они полагали, что при условии искренней веры и богоугодной деятельности, спастись имеет возможность всякий человек и, таким образом, принципиально отрицали основную идею ортодоксальных протестантов о богоизбранничестве и предопределении земной и загробной судьбы верующих. Отсюда происходила необычная социальная активность квакеров, их стремление к взаимопомощи не только в рамках своих общин, но также в национальном и, даже - мировом масштабах. Известны их широкая просветительская деятельность (организация народных школ, издание доступной для бедных литературы), а также - пацифизм и вообще борьба против любого насилия над личностью человека.

Квакерам свойственно было высокое чувство человеческого достоинства: они не снимали шляп перед аристократами и чиновниками, обращались к ним на «ты». Терпимо относились к властным структурам и не придавали особого значения формам политического устройства общества.

В среде квакеров сформировались замечательные личности, такие как Джон Беллерс, автор проектов построения буржуазного общества с «цивилизованными» формами социальных отношений; или упомянутый уже У. Пенн, пытавшийся реализовать такого рода идеи на практике.

Один из трактатов Д. Беллерса «Предложения об учреждении производственного содружества всех полезных ремесел и земледелия», написанный им в 1695-1696 гг., - переведен на русский язык и опубликован Т.А. Павловой (13). Анализ этого сочинения приводит к мысли, что обращение карасукского миллионера М. Сорокина к иконоборчеству, т.е. русскому варианту квакерства, было каким-то образом инициировано его знакомством с экономическими идеями, а, возможно, непосредственно с указанным сочинением английского квакера, с одной стороны, и потребностями его громадного хозяйства, с другой.

В указанном трактате предлагаются методы, посредством которых в условиях раннебуржуазной экономики возможно было, по мнению автора, обеспечить прибыль богатым, достаток бедным и хорошее воспитание юношеству. Сочинение содержит и проект, в котором приводятся подробные финансовые расчеты расходов по основанию мануфактуры и организации коллектива («содружества», в переводе Т.А.Павловой) работников для воплощения указанных целей в жизнь. В специальных разделах трактата рассматриваются принципы управления предприятием, права и обязанности его основателя; выгоды, которые могут иметь рядовые члены «содружества». Особая глава посвящена проблемам воспитания юношества - детей работников.

По мысли Беллерса, прочность любого объединения людей его времени способны были обеспечить три фактора: «прибыль, которая управляет и связывает торговые и ремесленные товарищества», «любовь», связующая их как членов религиозного братства, и «законы, поддерживающие земную власть». Автор проекта трезво смотрел на жизнь и не исключал того, что люди, пожелавшие выступить в роли «основателей» содружества, могли иметь «корыстные замыслы» («обобрать» его) и поэтому полагался на то, что «законы и соображения выгоды» способны будут «обуздывать» такого рода «безнравственных» предпринимателей.

В заключение Беллерс уверял, что реализация его проекта принесет

сет выгоду везде, где есть «земля и рабочие руки» и, что, следуя его идее, возможно «искоренить всякие излишества и всякую расточительность» и в результате образовать «очень богатый фонд, как для основателей, так и для рабочих». В сочинении Беллера содержались, таким образом, теоретические и экономические обоснования по созданию производственной корпорации (содружества), основанной на принципах взаимной любви и доверия между хозяином и работниками как следствия религиозного единомыслия (14).

Купец Сорокин, вышедший из среды сибирских крестьян-колонистов, деды которых первыми начинали осваивать Сибирь, прекрасно знал цену производственному религиозному «содружеству». Только в силу исторических условий оно носило, в отличие от проектируемой английским экономистом буржуазной миникорпорации, характер мелкотоварной, преимущественно трудовой кооперации, скрепленной связями естественного родства и свойства.

Ранний этап освоения Сибири по своей сущности являлся периодом формирования в регионе экономики товарно-денежного типа на основе становления массы мелких индивидуальных крестьянских аграрных и аграрно-промысловых хозяйств. Процесс этот в Сибири в отличие, к примеру от Северной Америки или Канады, протекал при минимальной материальной поддержке государства, без систематического участия крупного (купеческого) капитала.

В этой ситуации мелкие товаропроизводители - промысловики и крестьяне, при создании семьи, двора, хозяйства могли опираться исключительно на возможности своих семей, объединенных в клановые (фамильно-родовые) коллективы, периодически прибегавшие к кооперации трудовых усилий и материальных средств (взаимопомощи).

В сибирских «содружествах» естественного происхождения в роли закона выступало обычное право - элемент неписаных патриархальных традиций; функцию санкционирующей их веры выполняли поморщина и стариковщина; взаимность «выгоды» гарантировали наиболее авторитетные члены сообществ, совместно со стариками-наставниками. Эти последние, беря на себя по существу обязанности священников, совершали необходимые семейные обряды и христианские таинства, а вместе с тем, осуществляли контроль за религиозно-этической стороной взаимных отношений в экономической, социальной, демографической и даже эстетической сферах жизни общин-кланов.

Религиозно-клановые кооперации выполняли в условиях господства мелкотоварного уклада важную регулятивно-стабилизирующую функцию. Используя этику родства, они ограничивали конкуренцию (сильный обязан был помогать слабому). Однако, рано или поздно,

лидирующие экономически семьи, снижая издержки производства за счет неэквивалентного помоогообмена, достигали планки хозяйства буржуазного типа: наемный работник для них становился более выгодным, чем помощь родственников, которую необходимо было в любой момент компенсировать в разных формах. Очевидно, что фамильный клан с его религиозно-патерналистской надстройкой превращался для таких хозяйств в обузу (15). Эпицентр капиталистического хозяйства М. Сорокина неслучайно оказался за пределами родственного гнезда. Хозяйство Сорокина «вылупилось» из рамок семейно-кооперативного содружества. Но в то же время связей с чимеевскими родственниками владелец его еще окончательно не порвал и даже постарался использовать их в обновленном (религиозно-идеологически) виде.

Сорокин по характеру своей деятельности и интересов был человеком нового времени не только в своей, крестьянской, но и в купеческой среде. Он не был купцом-торговцем в средневековом смысле этого понятия, а сочетал торговлю с непосредственным производством, выступая в роли его организатора. Его «дело» представляло рассеянную на далеко отстоявших друг от друга территориях мануфактуру аграрно-промышленного типа. Собственное производство зерна и скота дополнялось скупкой этих же продуктов у населения различных волостей и даже уездов. На заимке (не исключено, что и в других местах) осуществлялась промышленная переработка сельскохозяйственного сырья. Сбыт его происходил на ярмарках Зауралья, а также в пограничных районах Южной Сибири. Крупное предприятие купца требовало уже не одного-двух приказчиков, а целый аппарат управляющих, или на языке нашего времени - менеджеров. Конный завод, заведенный Сорокиным, также нуждался в десятке специалистов (возможно, из казахов). Дело это для русских сибиряков было также новым. В приграничных районах, куда Сорокин имел доступ, не исключалась и торговля контрабандными товарами.

Купцу Сорокину требовались не просто грамотные, но достаточно честные, надежные помощники, которые в то же время должны были работать с постоянной мыслью не только о хозяйской, но и собственной пользе. Хозяин мог сплотить вокруг себя такой управленческий аппарат, если следовать рекомендации Д. Беллера, посредством закона, выгоды и единой веры. Закон в России (а в Сибири - в особенности) был, как известно, недостаточным гарантом взаимной честности. Оставались выгода (прибыль) и вера. Первую мог обеспечить купеческий капитал Сорокина. Его размеры гарантировали не только стабильное жалование управляющему, но и могли стать источником ссуды для начала своего предприятия. Именно эта перспектива,

конечно, могла вызвать интерес у членов «содружества» и тем обеспечить его прочность. Не лишним будет напомнить, что капиталы Сорокина могли решить такую немаловажную для молодого сибиряка проблему, как избавление от рекрутчины. Квakerский пацифизм в содружестве Сорокина мог опереться на реальные материальные с его стороны гарантии.

Что касается веры, то для такого содружества, которое требовалось Сорокину, могло подойти не всякое вероучение. Официальная церковь, как известно, требовала от своих адептов обязательной исповеди. Очевидно, что система коммерческих тайн, в которые посвящались управляющие, не могла доверяться священнику. Через него она могла стать достоянием чиновников и конкурентов, а затем - судебных органов. Последствий такого приобщения к христианским таинствам возможно было избежать только с помощью крупных взносов. Но стоило ли для этих целей растрачивать капиталы... Следование догматическим и этическим сторонам официально-православно-вероучения, кроме того, затрудняло разнообразную и чрезвычайно интенсивную (требовавшую постоянного движения) деятельность управленческого звена рассеянной сложной мануфактуры.

Степнительным во многих отношениях для самого Сорокина мог стать даже авторитет наставника беспоповской общины, будь то поморщина (к которой он принадлежал прежде со своим кланом) или стариковщина, охранявшего религиозно-этические устои патриархальной религиозной общины.

В квакерстве (иконоборчестве), таким образом* были найдены наиболее удобная модель конфессиональной организации и соответствующая ей догматическая система вероучения. Последняя, как обнаружилось, не противоречила и уровню общественного сознания возможных прозелитов.

По мере того, как Зауралье из преимущественно аграрного превращалось в торгово-промышленную зону Сибири (16), значительная часть его населения по роду своих занятий пополняла группы маргинального населения полугородского типа. Они занимались ремеслами, обслуживали торгово-транспортную артерию Сибири (Московский тракт), брали казенные и частные подряды, осуществляли перевозки купеческих товаров, исполняли должности приказчиков, скупщиков сельскохозяйственной и ремесленной продукции, обслуживали скотобойни, а также мануфактуры по переработке земельческой и животноводческой продукции. Собственное крестьянское хозяйство для этой части населения постепенно превращалось в подсобную отрасль, цель которой заключалась лишь в снижении издержек на содержание семьи.

Изменился и образ жизни прежде более замкнутых селений, постепенно обретавших характер элементов рассеянного города. Взрослая часть мужчин находилась в постоянных отлучках, активизировалась общественная роль женщин и стариков. Молодежь интенсивно овладевала новыми профессиональными навыками для внеаграрных занятий, стремилась по мере возможности выучиться элементарной грамотности и уже с меньшим предубеждением, чем прежде, осваивала новый религиозный опыт. Этому, как свидетельствует наш источник, способствовали и постоянные открытые диспуты приверженцев различных толков друг с другом.

У М.Сорокина, как мы видели, имелась возможность рекрутировать в свое «содружество» умных, грамотных, и даже начитанных людей, которые умели сознательно, без постороннего давления определить сферу своих религиозных интересов. Родственники Сорокина, проживающие в деревнях Мамоновой, Локтинской и Долгой не уступали по уровню своего развития и степени социальной активности другим представителям раскольничьей верхушки. Очевидно, что квакерское вероучение они восприняли не из одних корыстных соображений, - в угоду богатому родственнику. Варлаков, к сожалению, не назвал имени крестьянина из клана Разбойниковых, о котором местные жители, по его словам, отзывались как о «человеке дерзком».

Не исключено, что речь шла о Тимофее Разбойнике дерев, активном участнике крестьянских выступлений в приуральских волостях в начале 1840-х гг. против намечавшихся правительственных реформ, направленных на ликвидацию в Сибири сельского самоуправления. Т. Разбойников, которому в то время было 46 лет, раскольник поморской секты с товарищем своим Павлом Бахаревым (поповцем), 58-ми лет, «наслушавшись о возмущении крестьян в Салтасарайской волости», собравши жителей своей деревни Локтинской и деревни Савиновой на сходку, предлагали не доверять начальству и писарю, обыскать волостное правление, а также «сделать подписку о невыдаче» друг друга в случае ареста. После подавления волнений оба (в составе большой группы таких же «возмутителей») были приговорены к «легкому» наказанию - ста ударам лозами. Если бы не «милосердие государя» и его «отеческое снисхождение к невежеству крестьян», провинившихся могла ожидать ссылка в Восточную Сибирь. Не последнюю роль при вынесении приговора сыграло то обстоятельство, что локтинские возмутители общественного спокойствия принадлежали к зажиточной группе крестьян. Имущество у Тимофея, по оценке начальства, было «порядочное», а у Павла - «достаточное». Первый имел одного сына, а второй - трех сыновей.

В глазах начальства, не менее «дерзок» был и другой член клана -

Петр Разбойников. В 1837 г. во время путешествия в Сибирь наследника-цесаревича старообрядцы Тобольской губернии подали ему коллективную жалобу на «стеснения в исправлении духовных треб» с просьбой возвратить им право иметь собственных священников. П. Разбойников в числе других представителей от 1 тыс. душ староверов Чимеевской и Салтасарайской волостей Курганского округа поставил свою подпись на этом действительно, по своим формулировкам достаточно «дерзком» документе. Уповая на «душевную для всех добродетель» наследника, известную между «некоторыми просвещенными народами», староверы «возопия», умоляли наследника престола и отечества о «богоподобном неоставлении»: «дабы оставила нас епархиальная власть и не мало не заведывала в нашем вероисповедании. Мы не есть язычники или нарушители закона, - писали они, - но за одно сие нас называют (так -Т.М.) и поносят, что мы не приемлем одно их **личное священство**, ибо есть сие дело, что они (епархиальная власть -Т.М.) обожают свой сан (заявляя - Т.М.), что где нет личного священства, тут и нет спасения. **Спасение есть всякому христианину**, - дерзко уверяли просители, - **а иметь пощение или не иметь, остается на совести каждого**. Ваше императорское высочество, простите нас великодушно, **(но) против совести своей есть тягчайшая цель изменению последовать, - в чем рождены, воспитаны, то и надлежим по преданию своему**. Сие дело убо по рождению проистекает от самого бога, то без него и изменить не можем, или приступить к новому обычаю, а только просим оставить в прежнем положении, на высочайше утвержденных правах... 1822 г. 26 марта...» (17).

Подписанный П. Разбойниковым документ, как видим, отстаивал свободу совести и это была такая же «дерзость», с точки зрения российской и сибирской бюрократии, как и отстаивание самоуправления, за которое пострадал его однофамилец, а, возможно, брат или племянник. Родственники Сорокина по линии клана Разбойниковых вне сомнения, были людьми мыслящими, осознанно защищавшими право на свободу воли и совести. (Не исключено, что именно события 40-х годов, публичное, позорящее, наказание одного из членов фамилии, способствовали переходу ее на откровенно протестантские позиции). Не менее интересна в этом плане и личность представительницы семьи Копосовых - 22-летней «девки» Матрены Петровой Копосовой. Изучая Библию, она, по сведениям Варлакова, самостоятельно пришла к заключению об истинности учения нежертвенных. Уровень образования позволял ей выполнять роль сельской учительницы. Не без основания можно предполагать, что Матрена «крестьянскими работами» занималась для вида, а на самом деле учитель-

ствовала в своеобразной народной школе, созданной иконоборцами деревень Гилевой и Петелиной: вряд ли представители других религиозных ориентаций решались доверять ей, «немоляхе», обучение своих детей. Ведь какие-то гилевские жители уличали Матрену в том, что она, якобы, занимается пропагандой учения нежертвенных в их среде. Рядом со своей грамотной и начитанной племянницей безграмотный купец Сорокин, имевший миллионное состояние, и большую библиотеку, явление, конечно, неправдоподобное. Ясно, что со стороны Сорокина это была также одна из форм столь привычной для сибирских раскольников мимикрии, поддержания определенного рода штампа (имиджа), для того, чтобы избежать излишнего внимания бюрократии (18). Ведь и в Чимеевский православный приход он, как видно, мнимо возвратился после смерти жены с тем, чтобы освятить новый предстоящий брак в церкви и тем самым не лишить своих детей наследства. Такого рода опасность всегда висела над раскольниками. В этом состояла одна из причин, по которой они ложно переходили в единоверие.

Матрена Копосова выполняла, очевидно, наряду с просветительской, также порученную ей дядей роль связной между карасукской, чимеевской и ялуторовской филиациями иконоборческой организации.

Не исключено, что религиозное содружество протестантского типа, приспособленное Сорокиным для нужд своего дела, имело иерархический характер. Предполагаемое управленческое звено могло быть лишь айсбергом над «подводной частью», связанным невидимыми нитями (экономическими и религиозно-этическими) с отдельными семьями, или группами таковых, разбросанных в разных уездах Зауралья (19). Приводимые Варлаковым факты говорят о том, что иконоборчество как бы «блуждало» в рассматриваемое время по зауральским уездам. «Немоляки есть и в других местах, - пишет Варлаков. Так, есть таковой в г.Ялуторовске - часовых дел мастер Иван Разманов, родом из дер. Упоровой Суерской волости. В дер. Тумашевой Заводоуковской волости - Василий Кашаков; много в Пятковской волости и будто бы в Омске - какой-то казак, а, может быть, и другие... В Боровском приходе Ишимского округа в дер. Куимовой открылись было немоляки из лучших крестьян 6 домов, да в дер. Кривощековской - 2 дома. Они убрали из домов своих иконы, прекратили почитание их и перестали принимать к себе священников с ними. Это было тому назад 12 лет (т.е. ок. 1849 г. - Т.М.)». Около того же времени в дер. Гагаровой Гагаровской же волости почти все жители «сделались иконоборцами». «Ныне они все единоверцы и обращены (усилиями властей - Т.М.) к порядку» - заключал с удовлетворением Варлаков (л.203-203 об.). Вспомнив, однако, как прагматически относились к

проблеме религиозной мимикрии другие «нежертвенные», есть основания предположить, что протестантизм в Сибири имел гораздо большие масштабы, чем это показывалось в отчетах чиновников.

Миллионное состояние купца Сорокина, созданное им на протяжении по крайней мере 30-40 лет коммерческой и предпринимательской деятельности, с большой долей вероятности свидетельствует, что один из квакерских проектов (учитывавший сибирскую специфику) был осуществлен им не без успеха.

Остается открытым самый интересный вопрос, какими путями квакерские идеи могли попасть в Сибирь? В вероучении англо-американских квакеров и сибирских иконоборцев имеется слишком много дословных совпадений, не позволяющих удовлетвориться тезисом о конвергентности развития двух религиозных систем и лежащей в их основе социальной практики носителей, которых разделяли не только расстояния, но и время.

Определенный ответ на этот вопрос содержится в принципиальной открытости учения квакеров. Скончавшийся в 1725 г. в Лондоне казначей фонда для бедных «Общества друзей внутреннего света» квакер Д.Беллерс завещал издать его труды, подарить суверенам Европы «для внутреннего рассмотрения», а также разослать в публичные библиотеки крупных городов (20). Умирая, он оставался верен принципу открытости и активной деятельности конфессии во имя «всеобщего счастья и благоденствия». Вследствие указанного принципа Россия оставалась постоянным объектом внимания квакеров.

Особый интерес они проявляли к ней в периоды политических кризисов и прихода к власти очередных монархов. Дело голландского квакера К.Кульмана, инициированное его предложениями царевне Софье о переустройстве России в «новое царство» с «новым народом» (со ссылкой на предсказанную якобы Св. Духом мессианскую роль России), закончилось трагически - публичным сожжением автора в 1689 г. Тем не менее, в 1698 г. «друзья истины», воспользовавшись пребыванием Петра 1 в Англии, добились встречи с ним, а У.Пенн направил русскому царю специальное послание с изложением своих взглядов. В царствование Елизаветы квакерство вновь преследовалось в России. Екатерина II, как известно, достаточно терпимо относилась и к староверию и к протестантизму: в 1790 г. в России была опубликована книга У. Пенна «Плоды уединения». При Александре 1 проводилась также (особенно в первый период царствования) политика веротерпимости к другим конфессиям. А квакеры получили даже возможность посетить Россию в 1819г. Они осмотрели благотворительные учреждения и тюремные заведения в ряде крупных городов и представили свои замечания правительству. При Александре же пред-

полагалось основание в Сибири колонии духоборов. Их вероучение и социальная практика напоминали квакерство (21).

Начало второй четверти XIX ст., после поражения декабрьского восстания, ознаменовалось реакцией во всех сферах общественной жизни России, в том числе и гонениями на все виды религиозного вольнодумства (22). Остается загадкой, как в такой ситуации община зауральских квакеров смогла благополучно просуществовать вплоть до начала 60-х годов XIX. Записка Варлакова, в которой по существу содержался донос на иконоборцев и особенно на Сорокина, также, по-видимому, осталась без последствий.

Мысль об использовании квакерского опыта в своих коммерческих целях, как уже говорилось, могла возникнуть у сибирского купца вследствие знакомства с соответствующей экономической литературой. В Сибирь такого рода литература попадала в это время в основном по неофициальным каналам, открывшимся после появления в Ялуторовске (и в других местах) на поселении участников событий 1825 г. Переброску ее осуществляли купцы, у которых с декабристами установились доверительные отношения. Имена их выявлены пока не полностью. Известно, в частности, что другом декабристов был ялуторовский купец И.П.Медведев, владелец стекольного завода в с. Коптюль, расположенном поблизости от деревни Гилевой. Медведев был одним из тех сибирских купцов-филантропов, которые щедро и безвозмездно субсидировали ялуторовскую народную школу, основанную декабристом И.Д.Якушкиным. (Не была ли школа иконоборцев в Гилевой её негласным «филиалом»?).

Медведев выполнял также роль посредника между Е.П.Оболенским, жившим в Ялуторовске, и М.А.Фонвизинным, отбывавшим ссылку в Тобольске. Декабристы в этот период вели интенсивную переписку, обменивались литературой (в том числе переводной), как раз по вопросам религиозных движений в Западной Европе и Америке. Их внимание особенно привлекали конфессиональные организации, практика которых подсказывала пути, на которых, как казалось тогда, возможно будет избежать обнищания и разорения земледельца - превращения его в неимущего наемного рабочего, т.е. пролетария. Иными словами - «смягчить», сделать более «цивилизованной» вторую сторону процесса первоначального накопления... Начиная с 30-х гг., проблема эта постепенно стала приобретать актуальность и для России. Поэтому декабристов весьма интересовала возможность реализации на российской почве идей т.н. «христианского социализма». С этим направлением общественной мысли они связывали теоретическую возможность предотвращения «язв пролетариата». В этой связи названная группа сторонников цивилизованного капитализма в России тщательно изучала

труды английского социалиста-утописта Р.Оуэна (23). Последний же считал своим предтечей квакера Д.Беллера. Именно Оуэн издал в 1818 г. упоминавшийся трактат Беллера о «Производственном содружестве» (24). Сочинение это должно было попасть в Зауралье.

У нас нет пока свидетельств о связи Сорокина, если не с декабристами, то хотя бы с Медведевым. Однако, есть прямые указания на то, что некоторые гилевцы знали декабристов «в лицо». Это были богатые крестьяне-подрядчики, занимавшиеся поставкой хлеба в казну - Василий Трушников, Ларион Мясников и Капитон Гилев. Их то «в лицо» конечно, знала Матрена Копосова, а, возможно, и ее богатый дядя. Остается поискать свидетельства принадлежности перечисленных крестьян к общине иконоборцев.

Будем считать, что совершенно не случайно, в начале 90-х гг. нашего столетия именно представитель фамилии Гилевых из дер. Хохловой (она же Гилева) еще помнил, что в этом селении, наряду со старообрядческой бытовала вера «немолях» (25). Есть соблазн предположить, что Гилевы как раз и принадлежали к числу тех 11 семей, которые в 20-60-е гг. XIX в. представляли ялutorовскую общину иконоборцев-квакеров. Если это так, то и два других сотоварища Капитона Гилева также с большой вероятностью, принадлежали к той же общине-содружеству.

Из доноса местного чиновника на государственных преступников - декабристов В.К.Тизенгаузена и А.И.Ентальцева следует, что в конце 30-х гг. они давали юридические консультации - Василию Трушникову, когда у подрядчиков возник острый конфликт с казной из-за недопоставки ими хлеба. Трушников бывал при этом у Ентальцева в доме (26).

Источник не содержит сведений об отношениях названных крестьян с В.К. Тизенгаузенем. Между тем, именно его фигура должна была в первую очередь привлечь внимание гилевских иконоборцев. Вот что пишет об этом декабристе почтовый чиновник С. Семенов, служивший в Ялutorовске. «В доме Тизенгаузена не было икон, что в то время было чрезвычайно редким явлением, он не любил и никогда не принимал священников, никогда не ходил в церковь и не молился» (27).

В допросах Трушников называл себя безграмотным старообрядцем, очевидно, для того, чтобы увести следствие от реалий, которые могли придать расследованию нежелательное направление. Судя в целом по поведению Трушникова и его отношению к местным чиновникам, этот человек был не только элементарно грамотен, но и обладал необходимым минимумом юридических знаний. Присущее же ему, не свойственное обычному крестьянину, чувство собственного достоинства, естественно, по системе бюрократических оценок квалифицировалось как «дерзость».

Приведенные факты позволяют, с известной долей гипотетичности, сделать вывод о связях зауральского «содружества» квакеров-иконоборцев с «содружеством» ссыльных ялуторовских декабристов. Правда, имеющиеся факты, на первый взгляд, не говорят о непосредственных связях гилевцев с Е.П.Оболенским, а тем более с М.А.Фонвизиным. Однако, при той близости отношений, которая существовала в кругу этой когорты политических ссыльных, данное обстоятельство не имеет существенного значения.

В свете рассмотренного сюжета приоткрывается, на наш взгляд, завеса над одним обстоятельством - устойчивым интересом представителей народной религиозной оппозиции к Оболенскому. Так, В.И.-Штейнгейль при описании перехода декабристов из Читы в Петровский завод, как бы мимоходом отметил, что известный крестьянин-предприниматель из забайкальских староверов «семейских» Чебунин, прибыл специально к месту их стоянки с тем, чтобы взглянуть на князя Оболенского. Сам Евгений Петрович обронил в своих воспоминаниях фразу о том, что первым, кто его встретил в сибирской ссылке, был духоборец, заявивший о том, что князя уже давно «поджидают» здесь. Речь при этом шла о Восточной Сибири (28). Между тем, описанная декабристом ситуация могла иметь место и при въезде его в Ялуторовск - город, где он поселился после отбывания каторжных работ, и где его действительно могли с нетерпением ждать гилевские (а, возможно, и не только гилевские) иконоборцы-квакеры.

* * *

Мы попытались построить гипотезу относительно лишь одного из путей, по которому могла в рассматриваемое время осуществляться подпитка русской религиозной мысли иноземными протестантскими идеями, благодаря которым происходило обогащение купеческой предпринимательской практики в Сибири. В то же время непосредственно в России имелись определенные исторические предпосылки для восприятия протестантских идей именно квакерского толка.

Вот что пишет голландский путешественник Олеарий, посетивший Московию в 30-е годы XVII в, т.е. еще до оформления квакерского движения в Англии и старообрядческого раскола в России. Невский нарвский купец Филипп при разговоре с ним на религиозные темы открылся ему, что «никакого значения он не придает иконам, при этом взял носовой платок и провел им по иконе, говоря; «Так я могу стереть краску и потом сжечь дерево; в этом ли искать мне спасения?». Этот купец не признавал и постов. В ответ на вопрос путешественника, почему он не учит своих братьев «лучшему», ответил, что из-за отсутствия призвания и опасения прослыть еретиком.

Примечательно, что, несмотря на свои убеждения, нарвский купец, также, как гилевские иконоборцы, держал у себя в доме иконы «ради памяти о боге и святых» (29). Источником для распространения подобного рода идей в Сибири служила ссылка. Экономические и социальные предпосылки для их восприятия здесь складывались объективно.

Таким образом, зауральское иконоборчество, представленное бывшими сибирскими староверами, могло иметь и свои традиционные отечественные «корни». Несмотря на все старания правительства и церкви уничтожить их без остатка, они давали поросль, соответствующую не только общему характеру развития России в целом, но и уровню экономических форм хозяйства в различных ее регионах и особенно на окраинных, колонизируемых территориях.

В Сибири, как можно, отметить, в развитии социальной организации мелких товаропроизводителей достаточно четко прослеживаются два этапа - кооперативно-клановый и буржуазно-корпоративный. И на том и на другом этапе субъекты производственно-экономического характера идентифицировали себя с «содружествами» религиозного происхождения, активно и не без успеха приспособляли к своим нуждам национальную религиозно-культурную традицию, а при возможности, обогащали ее содержание новыми «полезными» для себя элементами и даже целыми системами, «наработанными» в рамках других мировых религий.

В рассматриваемую эпоху общий уровень социально-экономического развития в Зауралье уже не способствовал прочности семейно-родовых объединений. Связи кооперативно-кланового характера, а вместе с ними и санкционировавшая их религиозная идеология, вытеснились отношениями корпоративно-буржуазного типа, основанными на принципах финансовой выгоды и прибыли на вложенные капиталы. В силу изживания принципов семейно-родовой взаимопомощи, в общинах стариковщины и поморщины также более остро стало проявлять себя социальное неравенство. Однофамильные деревни разбавлялись чужеродными пришельцами, представителями чужой веры. Богатая верхушка земледельческих общин искала кредиты на стороне, вне зависимости от родовых связей. Старорусские формы народного православия должны были проявлять тенденцию к превращению из религии клановой в единоличную (естественно менее стесненную догматами) веру семьи или даже одного индивида.

Скачок из стариковщины и поморщины в протестантизм был обусловлен, в конечном счете, прогрессом в экономическом развитии региона, вследствие которого в свою очередь у владельцев капитала сформировалась потребность в новом виде социорелигиозной организации, а у определенной части населения осуществился пере-

ход на новый уровень религиозного сознания.

Без помощи состоятельных родственников слабые в демографическом отношении семьи не могли поднять хозяйства. В результате более интенсивно стал формироваться слой люмпенов, а вместе с ним усилились пьянство, разврат, взаимная вражда и акции мести (30). Стариковщина (также, как и поморщина, дробившаяся на множество толков) действительно «темнела» и как вероучение, и как социальный институт в целом, в условиях быстрого укрепления буржуазного уклада.

Наряду с отрицательными последствиями нарушения баланса двух экономических укладов, появились, как мы пытались показать при анализе нашего интересного источника, и явные свидетельства общественного прогресса в жизни зауральского населения.

Примечания:

- 1.** РГИА (бывш.ЦГИА), ф. 1284, оп. 208, д. 540, лл. 21-206 с об. (Приложение). Далее сноски на листы этого дела даны в тексте статьи в скобках.
- 2.** Судя по новейшим работам, материалы записки Варлакова пока неизвестны в историографии. См.: Липинская В.А. Конфессиональные группы православного сибирского населения Западной Сибири (вторая половина XIX - начала XX в.) // Этнографическое обозрение, 1995, № 2 С 113-128; Савицкая О.Н. Старообрядчество Южного Урала и Зауралья в XVII - XIX веках // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Краеведческий сб. Вып. 15. Курган, 1995. С. 109-165.
- 3.** Мамсик Т.С. Курганский раскол по материалам официальной статистики начала 1840-х гг. (в печати).
- 4.** Согласно записке Варлакова, в округе, вместе с г. Курганом насчитывалось раскольников 2345 д.м.п. и 2547 д.ж.п. (л.220-221 об.)
- 5.** См.: Мамсик Т.С. Декабрист Н.В.Басаргин о западносибирских старообрядцах // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Вып.15, Курган, 1996. С. 96.
- 6.** Там же; Васильевский М.Н. Государственная система отношений к старообрядческому расколу в царствование Николая I. Казань, 1914. С.49-72.
- 7.** См.: Покровский Н.Н. Антифеодалный протест уралосибирских крестьян-старообрядцев в XVIII в. Новосибирск, 1974. С. 351-353; Памятники литературы и письменности крестьянства Зауралья. Составители В.И.Байдин, А.Т. Шаиков. Т.1, вып.1 С.86 и др.; Т. 2, вып.2. С.6-18 и др.
- 8.** Позже, очевидно, именно эти материалы опубликовал

- И. Сырцов в статье «Сибирские «квакеры» в XVIII в.» (Тобольские епархиальные ведомости, 1882 г. №7 С. 134-144; № 8 С. 105-162). Статья сделана на основании дела о квакерах в архиве Тобольской духовной консистории (№ 131 по описи за 1760 г., на 312 л.). Автор указан в конце статьи. Сырцов сделал вывод, что в эпоху, им описанную, квакерами в официальных документах называли последователей секты хлыстов, не имевших к западноевропейскому и американскому квакерству никакого отношения.
- 9.** См.: Ядринцев Н.М. Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ // Записки ЗСОИРГО. Омск, 1880. Кн.2. С. 16-17.
- 10.** См.: Чукмалдин Н.М. Мои воспоминания. Спб., 1899; Емельянов Н.Ф. Город Курган (1782-1917): социально-экономическая история. Курган, 1992. С.65,137,160.
- 11.** См: Самойло А.С. Английские колонии а Северной Америке в XVII в. М., 1963. С. 195-202,285; Бурстин Д. Американцы: колониальный опыт. М., 1993. С.46-94.
- 12.** Цит. по: Павлова Т.А. Джон Беллерс и английская социально-экономическая мысль во второй половине XVII в. М., 1979. С. 75,76 и др.
- 13.** Там же. С. 199-228 (Приложение).
- 14.** Там же.
- 15.** См.: Мамсик Т.С. Сибирская деревня: 1760-1850-е годы: социальные структуры и социальные конфликты. Диссертация в форме научного доклада на соискание ученой степени доктора исторических наук. Новосибирск, 1992.
- 16.** См.: История Курганской области (С древнейших времен до 1861 года). Т. 1. Курган, 1995.
- 17.** ГАОО, ф. 3, оп. 13, кор.1046, д.18162, лл. 224-227; 266; 268 об.; кор. 232, д. 1655, л.15,17. О событиях 1840-х гг. в Зауралье подробно см.: Мамсик Т.С. Крестьянское движение в Сибири. Вторая четверть XIX в. Новосибирск, 1987. С. 153-178.
- 18.** См.: Мамсик Т.С. Из истории развития грамотности в западносибирской деревне (по материалам судебных дел первой половины XIX в.)// Культурно-бытовые процессы у русских Сибири: XVIII - начало XX в. Новосибирск, 1985.
- 19.** Аналог подобного рода староверческого «содружества» в течение XVIII в. эффективно действовал на уральских и алтайских заводах Демидовых. Позже, вплоть до 30-х гг. XIX в. на роль преемников Демидовых и не без успеха претендовали екатеринбургские купцы-предприниматели Поповы и Рязановы. - См.: Покровский Н.Н. Антифеодальный протест... С. 73-

- 109; Байдин В.И. Старообрядчество Урала и самодержавие (конец XVIII - середина XIX вв. Автореферат диссерт. на соискание уч. ст. кандидат историч. наук. Новосибирск., 1983. С. 14.
- 20.** Павлова Т.А. Джон Беллерс... С. 3.
- 21.** См.: Клибанова И. Народная социальная утопия в России. М., 1977. С. 169-173; Корецкий В.И. Вольнодумец XVIII в. Дмитрий Тверитинов // Вопросы религии и атеизма. М., 1964. Вып. 12. С. 244-267; Анисимов Е.В. Россия в середине XVIII в. // В борьбе за власть: страницы политической истории XVIII в. М., 1988. С.41; История США. Т.1 (1607-1877). М., 1983. С.607-608; Мамсик Т.С. Ссылные религиозные протестанты в Сибири в первой четверти XIX в. // Политическая ссылка в Сибири (XVIII - начало XX вв.). Новосибирск, 1983. С.177-197.
- 22.** См.: Мамсик Т.С. Крестьянское движение в Сибири... С. 121-139; 205-227.
- 23.** См.: Фонвизин М.А. Сочинения и письма. Т.1. Иркутск, 1979. С. 358, 362, 369; Житомирская С.В., Мироненко С.В. От «Союза благоденствия» к «русскому социализму» (Идейный путь декабриста М.А.Фонвизина). Там же Т.2. Иркутск, 1982. С. 3-67. Фонвизин жил на поселении в Тобольске с 1838 по 1853 г. В 1851 г. посещал своих друзей в Ялуторовске.
- 24.** См.: Павлова Т.А. Джон Беллерс... С. 4.
- 25.** Сведения об этом факте были любезно нам предоставлены этнографом Г.Любимовой. Гилев Григорий Иванович (1916 г.р.), житель дер. Хохловой (в прошлом Гилевой). Его отец считал себя сибиряком («здешним»), «двоеданом», т.е. старообрядцем, платившим двойной оклад. Г.И. сообщил также, что в их деревне, кроме двоедан, жили «немоляхи» - «сами не крестились, детей своих не крестили, на кладбище крестов не ставили, умерших не поминали, а церкви у них не было вообще».
- 26.** См.: Мамсик Т.С. К характеристике общественного сознания крестьянства Сибири первой половины XIX в. // Общественно-политическая мысль и культура Сибири в XVII - первой половине XIX в. Новосибирск, 1990. С. 75-76.
- 27.** Семенов С. Декабристы в Ялуторовске (воспоминания современника) // Сибирский архив, 1913, № 6-8. С.276-278; В.К.Тизенгаузен жил в Ялуторовске на поселении с 1829 г.; А.В.Ентальцев - с 1833 г.
- 28.** Штейнгейль В.И. Сочинения и письма. Иркутск, 1992. Т.2. С.180; Воспоминания князя Е.П. Оболенского // Общественные движения в России в первой половине XIX столетия

тия. Т.1 Спб., 1905. С.233-280.

29. Цит. по: *Очерки русской культуры XVII века.* Ч. 2. М., 1979. С. 296.

30. См., например, судебное дело клана ялutorовских крестьян из дер. Упоровой, Снегиревых (Мамсик Т.С. *Крестьянское движение...* С. 102). Снегиревы, как выяснилось по материалам 1823 г., были раскольниками. При доме главы клана с 1800 г. функционировала старообрядческая молежня (ГАОО, ф. 3, оп. 14, д. 18702, л. 15-15 об.).

ПРИЛОЖЕНИЕ

Из «Записки о современном состоянии раскола в Тобольской губернии»

«Иконоборцы». В Томиловской волости (прежде Бердогинской), прилегающей к городу Ялutorовску, есть деревни Гилева и Петелинская. В этих деревнях 11 домов, коих члены, все или по одному в семействах, принадлежат к секте нежертвенных, произошедшей едва ли не от квакерской секты, появившейся в Сибири в XVIII столетии в разных слободах Екатеринбургского, потом Туринского уездов с 1734 года, и открытой в 1760 году в бытность главным командиром (заводов - Т.М.) на Урале тайного советника Татищева (Дело архива Тобольской духовной консистории 1760 г., № 131 -прим. автора).

Многие грамотные, и даже неграмотные, слушая чтение книг, знают из Библии и из Творений отцов церкви очень многое и умеют в разговорах приводить текст или пример из жизни святых к делу и сколько можно видеть, - по крестьянскому их пониманию, - очень дельно.

Секта эта в деревне Гилевой образовалась в 1821 году. Последователи ее пришли к убеждению, которое имеют ныне, от толкования разговора Иисуса Христа с самарянкою (гл. 4 св. Иоанна) и того места, где говорится, что истинные поклонники поклоняются богу духом и истиною. Учение их вскоре обнаружилось через приходское духовенство и земскую полицию. Дело было так важно, что в 1828 году был послан в Ялutorовск для увещания последователей новой секты Тюменского Троицкого монастыря архимандрит Амвросий, который обще с ялutorовским протоиереем Нагибиным, земским исправником Стефановским, действовал в обращении их, если не к православию, то в секту стариковскую, частью изъяснением мест святого писания и книг церковных, частью угрозами заключить их в острог. Действительно же из них грамотный, сильный начитанностью, но уже ныне глухой, Иннокентий Егоров Хохлов, 90-лет-

ний старик был архимандритом заключен в острог, где находился 13 месяцев. Дело о них было решено судом так, что они были присуждены к ссылке в разные места, но Святейший Синод, куда выходило дело, оставил их на месте жительства.

Архимандрит отобрал у них тогда книги: Апокалипсис Иоанна Богослова, Катехизис Кирилла Иерусалимского, Сочинение или Житие Иннокентия, папы Римского, да три цветника. Этих книг они жалеют до сих пор и хотят просить начальство о их возврате. В числе этих сектантов Иннокентия Хохлова - один неграмотный, другой грамотный, - оба очень много знают из Св. Писания, Отцов церкви и церковных книг и готовы забросать собеседника своими знаниями.

Они и их односектанты прежде принадлежали к секте стариковской, существующей еще и ныне в деревнях Гилевой и Петелиной. И ныне еще из членов их семейств (некоторые - Т.М.) принадлежат к стариковщине. Вновь совратился в их секту тому семь лет назад крестьянин Андрей Пискулин, человек средних лет, грамотный, начитанный. Он был православный, весьма усердный к церкви, но при чтении 4 главы Евангелия совратился в секту нежертвенных, за что был судим, но оставлен на месте. Жена его состоит в православии. Пискулин, как видно, знает не менее старика Хохлова и говорит с толком.

Учение их состоит в том, что внешняя молитва не нужна, не нужны и храмы. **Храм божий есть сердце человеческое, сооружение этого храма есть доброе житие. А бог есть дух и ему духом достоин кланяться.** Молитва должна быть беспрестанная в сердце, но без чтения каких бы то ни было в церкви молитв, которых они вовсе не знают. Молится наружно (будто бы - Т.М.) воспрещает Св. Писание, учение Отцов церкви, - Иоанна Златоустаго и Ефрема Сирина. Была прежде молитва наружная действительна, но с наступлением 8 тысячи лет как говорится в книге (назв. неразборчиво. - Т.М.), она прекратила свою силу и молиться наружно грешно. Пение церковное, по их мнению, воспрещено Иоанном Златоустом. Никогда не употребляют они крестного знамения и перстосложения, потому что совершено повреждение церковных книг при патриархе Никоне, и они боятся оскорбить бога неправильным изображением креста и опасаются, чтобы неприличному маханию руки не порадовались бесы. Господь не требует от них свеч, ладану, никаких других приношений и требует только чистого сердца. И они поэтому ничего подобного, - ни церкви, которую не признают, ни иконам, которые всегда завешивают, - не делают. Молитва их состоит в том, что они садятся в горнице или избе в кружок, один начинает чтение какой-нибудь книги, все слушают и по временам выпускают вздохи, произнося восклицание «ох!». На работах, в ходьбе, при еде произносят они внутренне какое-

либо место Св. Писания или учения святых отцов церкви. Или возносят мысли к богу о сохранении жизни и о прощении грехов. Это, по их мнению, и составляет их молитву.

Читают они книги: Библию (Ветхий завет и Новый завет), Маргарит Ефрема Сирина, Беседы Златоустаго и часто Псалтирь старопечатную.

Отвергают они стариковщину за то, что (она - Т.М.) отвергает будто бы пророков. Но подобно стариковщине не едят с православными и со стариковщиной, сами же между собой едят вместе из общей чаши. В доме наблюдают необыкновенную чистоту. Женщина у них не возьмет ковша, чтобы налить воды замаранными в чем-либо руками. Даже не возьмет ковша через свой фартук, где-нибудь наперед вымоет руки.

Чтут иконы как священную вещь и держат их для напоминания о святых, о их жизни, вере и добродетелях или о священных событиях, но всегда завешивают их. Никогда ни иконам, ни богу, ни святым наружно не молятся и не призывают святых внутренне. Священника с иконами к себе не принимают. Впрочем, священников не избегают. Чтут все великие праздники господские, богородицы и великих святых, но в случае крайней нужды работают и в праздники. Соблюдают все посты и потому осуждают молокан.

Никаких тайнств и обрядов церковных они не принимают.

О крещении говорят, что, если дитя возрастет, научится, уверует в бога, то и достаточно - бог окрестит его сам. В венчании свадьбы в церкви не нуждаются, а говорят, что, если брачащиеся соглашаются жить вместе, то и довольно. Бог сам благословит их. В отпевании умерших не нуждаются, а думают, что, если кто верует в бога, верит Св. Писанию, то по смерти пойдет в рай прямо с первого мытарства. Каются богу духом, читая Св. Писание. Не требуют они и святых тайн (ибо - Т.М.) само слово Божие причащает, как оно же крестит, венчает, исповедует и проч.

Чтут царя и власти, постановления от него и считают первым неперменным делом повиновение начальству и исполнение воли его, кроме веры.

Никого не хотят осуждать и наставлять и рассуждают, что, если Св. Писание дает кому разум, то он сам исправится. Никого, ни посторонних, ни семейных, они не привлекают в секту свою и **не удерживают в ней никого из семейных.** Поэтому некоторые в их семействах и состоят в стариковщине. В этом случае они рассуждают, что, если богу угодно, то всяк сам исправится и обратится, куда хочет и как бог внушит ему, а принуждать, убеждать, внушать нет никакой надобности. Вследствие таковых понятий сектантов этой секты в деревнях Гилевой и Петелиной мало: 48 человек мужского и женского пола.

О секте стариковцев говорят, что последователи ее испортили свои

привычки. Прежде, по их словам, стариковщина была нравственнее, а ныне предаются иные разврату, иные - пьянству; что вера стариковщины с течением времени изменилась, **потемнела**, но они не осуждают ее, как не осуждают никого, сознают, что всякий делает то, что внушит ему или попустит бог. Но бог от худого не удерживает.

Все это взято со слов Хохлова и Пискулина. Но другие прибавляют во изменение и дополнение их рассказу, что, если они не работают в праздники, соблюдают посты, держат у себя в домах иконы, то только потому, что стыдятся православных и стариковщины. Со слов самих немояк следует, что так как теперь нет бога на земле, нет на земле и Иисуса Христа, он вознесся на небо, и есть только Дух святой, то и молиться некому; что у них есть правило в первый день Пасхи и в другие праздники ударять хоть топориком три раза об угол в знак того, что они праведников не чтут.

Рассказывают также, что православные в Гилевой считают совратительницей девку 22 лет из деревни Мамеевой (очевидно, Мамоновой - Т.М.) Тебенятской волости Матрену Копосову, проживающую в Гилевой, коей отец из поморского согласия перешел в секту немояк. Сама она рассказывает, что совратилась в секту нежертвенных при чтении главы 4 св. Иоанна и уехала жить в Гилеву, где, слышала, есть нежертвенные. В Гилевой она занимается крестьянскими работами и обучает детей грамоте. Есть у нее дядя, крестьянин Чимеевской волости деревни Могильной, ныне **омский купец 2-й гильдии, Михаил Меркулов Сорокин**, проживающий в Омском округе в Юдинской волости (состоящий? - Т.М.) в Чимеевском приходе. К нему эта Матрена намерена отправиться. О своей умершей жене он говорил, что она была немояка и страшно развратного поведения и, что сам он был тоже немояка, а со вступлением во второй брак присоединился к православной церкви. Однако, нынешняя жена его уверяет, что он и теперь немояка. В комнатах у него маленькие медные иконы, по одной, едва заметные.

Вот несколько сведений о том же Сорокине. В Юдинской волости, на границе Тобольской и Томской губерний, на реке Карасуке у него есть заимка, в которой две водяные мукомольные мельницы, скотобойня, кожевенный завод. Он там производит торговлю. Заимка его находится в уединенном месте, вдали от селений и от людского общества. Она им окружена тыном и высоким забором и охраняется стаею собак, спускаемых с цепи на ночь, Сорокин живет там неприступен ни для кого, к нему нельзя попасть ни днем, ни ночью. Разве что по докладу через привратника. Живет он там как мизантроп, не хочет знать никого. Человечек он дерзкий, не покорный власти. Каков он, вот о нем рассказы.

Около 1850 года граждане города Омска намерены были избрать

Сорокина в общественную службу. На вызов общества он не поехал. Предписано было через земский суд дистанчному заседателю (кажется, Голодникову) привезти его в город. Заседатель поехал к нему как гость и успел убедить его прокатиться с ним до ближайшей деревни. Там он объявил ему волю начальства. Сорокин при этом объявлении пришел в такое бешенство, что чуть не убил заседателя. Но заседатель предварительно принял меры, Сорокина почти связанного привезли в Омск. Но он там был недолго, отбилсЯ от службы и уехал на свою заимку. Это описание Сорокина как гражданина.

А как сын церкви, он человек неграмотный, но имеет у себя много книг, которые и заставляет для себя читать грамотных (людей - Т.М.) и из которых некоторые возит с собой. Имея обширную память, он помнит то, что для него читают другие. Он также состоит в секте немояки или нежертвенных. Праздников не читит, постов не соблюдает. Но для проезжих чиновников и для приходящих к нему в дом, чтобы не заподозрить себя в содержании секты, он в своем доме на заимке имеет богатые иконы и, конечно, никому не обнаруживает, что немояка, кроме разве своей прислуги на заимке.

Он ежегодно приезжает на свою родину в деревню Могильную и в деревню Локти к родственникам своим - крестьянам Разбойниковым, которые также немояки и им совращены в эту секту из поморского толка. В прошедшую зиму 1861 года в Великий пост Сорокин был на родине и, видевшись со многими, убедил их оставить почитание икон и проч. И поступить в секту. Так, он убеждал единове́рца Брагина из деревни Брагиной (очевидно, Брагиной - Т.М.), человека начитанного, поступить в свою секту. Но Иван Андреев Брагин остался непоколебим. Так, он вздумал было привлечь в свою секту крестьянина деревни Могильной Луку Степанова Лябова из поповщинской секты, человека начитанного. Но Лябов, как старик умный, знаток своего дела, так успел в домашнем собрании единове́рцев своих, сошедшихся по приглашению Сорокина, и поразил его книжными доказательствами, что Сорокин со стыдом, опозоренный, бежал из дома и уехал восвояси. Об этом, по мнению сектантов, поражении Сорокина Лябовым, с удовольствием рассказывают окрестные православные священники, поповщина и поморцы. Об одном из совращенных Сорокиным, Разбойникове, отзываются как о человеке дерзком.

Кроме Копосова, отца Матрены, и Разбойниковых, есть в деревне Мамеевой и другие толки. В деревне Долгой и Локтях Тебенятской волости все эти немояки размножились от учения Сорокина. От него, конечно, получила учение и наставление вышеупомянутая девка Матрена Копосова. Конечно, толк должен быть и на его заимке. Таков-то Сорокин, едва ли известный губернскому начальству...».

ДУХОВНЫЕ ЗАВЕЩАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КУПЕЧЕСТВА ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX В.)

А.Г. Битюков (КГУ)

В источниковедческой литературе духовные завещания являются сравнительно малоизученным источником. Некоторые аспекты этого вопроса нашли отражение в труде Н.А. Миненко «Очерки по источниковедению Сибири XVIII - первой половины XIX вв.»(1). Однако более подробно эта проблема затрагивается в монографии Г.Х. Рабиновича «Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX - начала XX вв.»(2). Духовные завещания рассматриваются как важнейший источник по изучению социально-экономических аспектов купеческого предпринимательства.

В целях более углубленного изучения возможностей и научного значения предлагаемых источников, расширения круга источников по изучению истории купечества Южного Зауралья второй половины XIX в. представляется необходимым подвергнуть их специальному анализу. Отметим, что целый пласт духовных завещаний, хранящийся в фонде Курганского окружного суда (ГАКО, Ф. 236), еще в достаточной мере не использован исследователями истории нашего края.

В общей классификации письменных памятников о прошлом завещания относятся к «частным актам». При этом под «актами» понимаются документы, протоколы, записи, в которых содержится юридическая фиксация отношений между определенными контрагентами (3). Сюда можно отнести целую группу исторических источников юридического характера - договора, контракты, купчие и др., но завещаниям в этом списке принадлежит особое место. Духовные крепости по особенностям своего происхождения и целевого предназначения содержат подробные сведения по истории материальной культуры, семейно-имущественным отношениям, и в ряде случаев, могут дать ценную информацию о личности автора.

Все дела о переходе имущества после смерти одного лица к другому лицу (или лицам) в дореволюционной России регулировались наследственным правом, как совокупностью норм гражданского законодательства. Признавалось два вида наследства: наследство «по закону» и наследство «по завещанию». Первое вступало в силу, когда умерший не оставлял завещания. Однако для наследников состоятельных лиц, претендующих на долю в движимом и недвижимом иму-

шестве завещателя, письменная фиксация его воли на случай смерти имела первостепенное значение. Поэтому переход наследства «по закону» имел место довольно редко (4). Согласно русскому наследственному праву наследодатель мог по собственному усмотрению, исходя из личных мотивов и побуждений, распорядиться собственным «благоприобретенным» достоянием. Потомственный московский купец П.Бурышкин в книге «Москва купеческая» так пишет по этому поводу: «В России богатство было индивидуальным, а не семейным. У детей не было презумпций, что они непременно и в «законных» долях будут наследовать отцовское достояние. Купеческие богатства были по большей части «благоприобретенные» и наследодатель мог делать с ними, что хотел» (5). Закон требовал оформления завещания в письменном виде с точным указанием «кому и что завещается». Наследодатель имел полное право, в установленном законом порядке, отменить свое решение или внести изменения в документ.

Изучение комплекса источников подобного рода позволяет сделать вывод о том, что они составлялись по определенной схеме, практически не изменившейся в течении столетия: 1) начинался документ с традиционного благословения «во имя Отца и Сына и Святого Духа Аминь»; 2) далее указывалась дата составления; 3) имя составителя и его сословная принадлежность; 4) называлась причина написания; обычно отмечали так: «находясь в болезненном состоянии... на случай своей смерти»; 5) указывались наследники и размеры движимого и недвижимого имущества; 6) дальше шло распоряжение о получении и уплате долгов, а также условия получения наследства; 7) затем расписывались духовный отец, свидетели и писец, которые удостоверяли, что «автор находился в здравом уме и в твердой памяти»; 8) и, наконец, содержались сведения о регистрации духовной и уплате пошлины. Разумеется, соблюдалась эта формула не всегда и каждое конкретное завещание имеет индивидуальные черты.

Тексты духовных завещаний являются ценным источником для реконструкции семейно-имущественных отношений, особенностей быта и семейных ценностей зауральского купечества. В 1865 г. шадринский 2-ой гильдии купец В.П.Мокеев составил «домашнее духовное завещание», в котором все свое движимое и недвижимое имущество оставил своей жене А.Е. Мокеевой «в полное ея владение и распоряжение», далее он распорядился: «сыновья мои Яков и Михайло, если после смерти моей жить вместе по какому-либо случаю не пожелают, сын Яков должен остаться с матерью в доме, а сыну Михайлу должны выдать деньгами 1430 руб. сер.... Сын Яков Мать должен почитать и к ней быть всегда почтительным и повиноваться, а также дочерей моих, а его сестёр Марью и Авдотью ему же Якову до смерти

их покоить и содержать на всем своем иждивении» (6). Завещание зачастую содержало посмертную волю завещателя, которая, отражая накопленный духовный опыт, сложившиеся ценности купца, касалась будущего его семьи и его ближних.

Но случалось и так, что ближние или дальние родственники отстранялись от получения наследства. В духовном завещании курганской купчихи Ю.К.Новоселовой, составленном 10 октября 1872 г. отмечается: «курганская 2- й гильдии купчиха Юлия Константиновна Новоселова дала это духовное завещание крестьянину Смоленской волости М.Ю.Яковлеву в знак оказанной им мне в течении двенадцати лет службы и помогавшего в приобретении капитала... в том, что доставшееся частью по духовному завещанию, засвидетельствованному Тобольским губернским правлением и остальное, владеемое мною по крепостному акту, составленному в Курганском окружном суде 30 мая 1850 г. недвижимое имение, заключающееся в доме деревянного строения, и движимое: мебель, находящийся в моей лавке товар, завещаю все без изъятия ему Яковлеву, которое простирается на 2000 руб. сер., с тем, чтобы в права владения он вступил после смерти моей, и также обязывается, так как дом мой и постройки и земля заложены в Курганский городской общественный банк, выкупить взносом в оный взятой суммы, и кроме того, должен выдать брату моему курганскому мещанину В.К.Михельсону 100 руб., племянникам моим- курганскому купеческому сыну А.И.Луговскому и курганскому мещанину И.Абаленскому каждому по 50 руб....» (7). Далее купчиха отметила, что воля ее нерушима и родственниками после смерти пересмотрена быть не может.

Информация, получаемая при детальном ознакомлении с текстом, разнообразна. Мы видим, что купчиха Новоселова после смерти мужа начала испытывать финансовые трудности, обратилась в банк за ссудой, сама не справляясь с делами в 1860 г. наняла приказчика, завещав ему на случай смерти свой капитал. И хотя причины ее поступка изложены в тексте, о наличии его более скрытых мотивов можно только догадываться, искать ответы на возникающие вопросы в других источниках. Неясными остаются ее отношения с родственниками, которым она оставила незначительные суммы.

Имел ли право крестьянин Яковлев наследовать купчихе? Население Южного Зауралья во второй половине XIX в. делилось на сословия, различные по социально- правовому статусу. По указу от 24 ноября 1821 г. после смерти купца его капитал могли наследовать лица, указанные в его завещании в качестве наследников, в какой бы степени родства они с ним не находились, какое бы положение в обществе они не занимали. Сословная граница между крестьянством, купечеством и

мещанством была «размыта» и могла быть преодолена при наличии в руках желающего определенной денежной суммы. Крестьянину Яковлеву при вступлении во владение имуществом достаточно было объявить «капитал» по одной из гильдий, чтобы перейти в купечество (8).

Однако через девять лет, в связи с изменившимися обстоятельствами, купчиха Новоселова решила переписать завещание: «... дом каменный двухэтажный, выстроенный вместо деревянного мною самою на благоприобретенный капитал, равно и другие строения при нем, находящиеся в городе Кургане на Дворянской улице... полагая цену всему семь тысяч рублей серебром, все движимое имение, заключающееся в товарах, мебели, посуде, экипажах, лошадях и капитале... что только останется после смерти моей... завещаю в полное владение, пользование и распоряжение курганскому мещанину Матвею Яковлеву за его службу и помощь мне нажить имение, так как он живя двадцать лет со мною в качестве приказчика, не получая за труд и услуги жалования и никакого вознаграждения, помогал мне наживать имение, капитал и увеличивать их. Чтобы назначенные по духовному завещанию моему, ранее составленному, племяннику моему Александру Луговскому 50 руб. за смертью его выдать дочери его Софье Александровне Луговской. Сие распоряжение мое, так и по духовному завещанию, ранее составленному крепостным порядком, долженствует после смерти моей иметь действительную и совершенную силу духовного завещания, учиненного мною по собственному моему рассуждению... и притом подписано за меня по безграмотству... и по личной моей просьбе апреля 30 дня 1881 г. « (9).

Сопоставив два выше приведенных текста, мы можем проследить финансовое положение купчихи на разных временных отрезках. Капитал Новоселовой в период с 1872- 1881 г. по самым минимальным подсчетам увеличился в три с лишним раза, причем в имуществе последней к 1881 г. появляются элементы роскоши.

Таким образом, духовные завещания содержат необходимые сведения для изучения материальной жизни субъектов исторической реальности. Хронологически обращенные в прошлое, отражающие настоящее, они лишь вариативно могут быть распространены на будущее. Анализ текстов завещаний позволяет судить о духовном облике купцов- предпринимателей, элементарной грамотности их составителей.

Рассмотрим другой случай. В 1893 г. 26 марта незадолго до своей смерти, последовавшей 27 июня, изъявил свою последнюю волю курганский 2- й гильдии купец Конон Дмитричев. Все накопленное за долгие годы недвижимое имущество и товар он решил оставить двум своим сыновьям Ивану и Петру с правом «продать, подарить, заложить». Сюда относились: два дома на Береговой улице, пустопорож-

нее место, каменная лавка в городе Кургане, двухпоставная водяная мельница в селе Шкодинском Смолинской волости Курганского округа с двумя десятинами земли и дом в Куртамышской волости Челябинского уезда.

В то же время купец Дмитричев передавал наследникам свои права кредитора и долговые обязательства, потребовав «все долги заплатить беспрекословно». Не забыл он и свою дочь Елизавету, приказав ей выдать деньгами 500 руб. сер., жену умершего сына Л. В. Дмитричеву, торговавшую в городе после смерти мужа и жившую в их семье, распорядившись посчитать ей товара на 1500 руб. сер. и купить дом стоимостью 500 руб. сер. Далее в завещании купец отметил: «проживающих у меня родную сестру Евдокию... и тещу Прасковью Никифоровну содержать прилично до самой их смерти».

Видно, что купец Дмитричев был человеком, которого не оставляла безучастным судьба его домашних, заботившись о них при жизни, он решил позаботиться о них после смерти, не слишком полагаясь на снисходительность своих сыновей. Например, чтобы в семье впоследствии не было спора о деньгах (120 руб. сер.), одолженных им жене сына Петра, Елене Александровне, он ей этот долг простил.

В духовном завещании Конон Трифонович предстает перед нами как верующий прихожанин. Свидетельство этому мы находим в следующих его словах: «выдать священно-церковно служителям градокурганской Богородицы Рождественской церкви на поминовение моей души и жены моей Марьи 200 руб. сер., которые внести в государственный банк, а проценты от этого капитала получать в их пользу».

После смерти кушца сыновья получили право разделить наследство «полюбовно по равной части» при условии совершения всех выше перечисленных выплат (10).

В целом анализ показывает, что некоторые из дошедших до нас завещаний второй половины XIX в., в особенности те, которые отражают черты личности составителя, могут служить источником по изучению социокультурного облика купечества. Некоторые завещания содержат интересные сведения о благотворительных пожертвованиях кушцов, мотивации благотворительной деятельности. С другой стороны, в документах отчетливо прослеживается круг деловых интересов кушцов, структура и источники происхождения их состояний.

Духовные крепости содержат ценную информацию о специфике предпринимательской деятельности зауральских кушцов. Во многих случаях купеческая семья представляла собой «официально незарегистрированную компанию» (11). Кушцы обычно жили большой неразделенной семьей, члены которой поддерживали друг друга в финансовых и торговых операциях, отношениях с казной. Возьмем, к приме-

ру, завещание курганского 2-й гильдии купеческого брата П.И.Меньщикова, написанное 5 января 1883 г. Все свое состояние он разделил на «родовое» (составляющее его совместную нераздельную собственность с братьями) и собственное благоприобретённое (капитал, накопленный собственными усилиями), и завещал «в полную собственность и в потомственное владение» Ивану и Дмитрию Меньщиковым. Им отошли: третья часть стекольного завода, построенного близ села Боровлянского Тебеняжской волости Курганского округа с находившейся при нем мукомольной мельницей и плотиной; вновь строящаяся мукомольная мельница с плотиной в деревне Куликовой Курганского округа Белозерской волости; шесть земельных участков, расположенных в Курганском округе Усть-Суерской волости в количестве 480 десятин удобной земли, приобретенных П.И.Меньщиковым у купца Ивана Кочешева в 1862 г. Сюда входила также «третья часть всех припасов, материалов, выделанного стекла и прочих принадлежностей» завода и двух мукомольных мельниц; денежный капитал «обращающихся в общих не раздельно с братьями Иваном и Дмитрием торговых оборотах»; присужденный П.И. Меньщикову по решению Гродненской Гражданской палаты 11 апреля 1877 г. долг в 1500 руб. сер. с процентами с помещика Павла Булгарина; долг с помещика Д.Н. Иванова- 300 руб. сер., с целью взыскать который купец 4 декабря 1871 г. начал иск в Ирбитском уездном полицейском управлении.

Семейный характер предприятий заключался в том, что мельницы и завод были построены на общий капитал клана Меньщиковых, в котором каждый из кушцов владел третьей частью имущества и доходов, управление которым осуществлялось их совместными решениями.

Однако взамен он возложил на них обязанность рассчитаться со всеми его долгами и заботу о своих дочерях, назначив братьев их законными опекунами. При достижении ими совершеннолетия или при «выходе в замужество» они должны были выдать каждой по 12000 руб. сер. Этот капитал Иван и Дмитрий Меньщико́вы могли иметь при условии дохода семи процентов в год или обратиться в процентные бумаги, используя проценты на содержание и воспитание его дочерей. Жене своей Вере Анисимовне П.И. Меньщико́в завещал 6000 руб. сер.

По просьбе Меньщико́ва завещание писал коллежский секретарь И.А.Избицкий. При составлении его находился «духовный отец» священник Курганской Троицкой церкви Василий Гвоздицкий. Свидетелями выступили курганские 2-й гильдии купцы И.Б.Филинов и В.Ф.Шветов. Думается, что к упомянутой процедуре в купеческой среде не допускались случайные люди, и перечисленные здесь лица были в какой-то мере близкими завещателю (12).

Важное научное значение имеют документы, раскрывающие иму-

щественное положение, быт, семейные отношения в среде наиболее богатых людей Южного Зауралья второй половины XIX в. Как пишет Г.Х.Рабинович: «Введение в научный оборот этих материалов может существенно обогатить источниковедческую базу работ по истории буржуазии, помочь глубже исследовать важные вопросы экономического развития Сибири» (13).

С этой точки зрения наибольший научный интерес вызывает завещание потомственного почетного гражданина г. Кургана купца 1-й гильдии Д.И.Смолина. В Курган Смолин перешел из ялуторовского 3-й гильдии купечества в середине XIX в. Отсутствие родового имени толкнуло его на поиски удачи в предпринимательском деле. В 1855 г. Дмитрий Иванович женился на средней дочери богатейшего курганского купца Ф.В.Шишкина-Елизавете, с этого момента началось их коммерческое партнёрство и возвышение Смолина. В 1875 г. Федор Васильевич продал зятю свою часть имущества и заводов, находившихся в общем капитале за символическую сумму- 7000 руб. сер. Затем Шишкин удалился от хозяйственных дел и занялся общественной деятельностью, умер он 10 февраля 1881 г.(14).

Главным источником благосостояния династии купцов Шишкиных-Смолиных стала организация частного винокурения в Курганском округе. Винокуренный завод купцов Ф.Шишкина и Д.Смолина был основан в 1865- 1866 гг. и был одним из первых в Западной Сибири предприятий, осуществлявших частное винокурение. Д.И.Смолин занимался не только производством, но и осуществлял продажу вина. В 1888 г. ему принадлежало 6 складов спирта и 117 «питейных заведений» в Курганском и Ишимском округах. Сумев выжить в конкурентной борьбе, к концу XIX в. он становится одним из крупнейших винозаводчиков в Западной Сибири (15).

Во второй половине XIX в. в Кургане действовали основанные Ф.В.Шишкиным и Д.И.Смолиным крупчатая паровая мельница, салотопенный и пивомедоваренный «заводы». В 1895 г. общее число наемных рабочих на его предприятиях достигало 300 человек. Рост благосостояния купца, оборотных средств, сопровождался скупкой недвижимости в пределах города и округа. Купец тем самым укрепил свое положение, вытеснял из сферы экономики своих конкурентов, создавал огромную финансовую империю. Промышленная деятельность Д.И.-Смолина распространялась к концу века на все отрасли производства в Курганском округе, приносящие наибольший доход. Кроме того, купцу принадлежала сеть лавок в стационарной торговле (16).

Экономические интересы купца выходили далеко за пределы Курганского округа. В 1886 г. он стал компаньоном тарского купца А.И.Шербакова в созданном Сибирском фабрично-торговом товари-

ществе «А.И.Щербаков и К». Оно владело винным заводом, построенным когда-то верхотурскими купцами Походяшиными на берегу Иртыша в Тарском округе. В 1890 г. в Тюменском округе товариществу принадлежала писчебумажная фабрика (17).

К 1890 г. Д.И.Смолин стал крупным земельным собственником. В Красноярской волости Ишимского округа в вечном потомственном владении купца находилось 8212 дес. земли (Шельгинское имение), в Курганском округе Черёмуховской волости- 800 дес. Организованная предпринимателем сеть стационарной торговли раскинулась по всей Западной Сибири. В городах Тюмени, Ишиме и Петропавловске, в станции Пресновской и в селе Куртамыше купцу принадлежали каменные и деревянные дома с лавками и складами (18).

В 1898 г. в присутствии нотариуса и свидетелей Д.И.Смолин составил духовное завещание. В целях сохранения научного значения представляется необходимым привести его полный текст без особых сокращений: «Во имя Отца и Сына и Святого Духа, я, курганский 1-й гильдии купец, потомственный почетный гражданин Дмитрий Иванович Смолин, находясь в здравом уме и в твердой памяти и желая распорядиться на случай могущей постигнуть меня смерти имеющимся остаться после меня движимым и недвижимым имуществом, настоящим духовным завещанием постановляю: **1** - Весь принадлежащий мне благоприобретенный капитал, а также принадлежащие мне недвижимые имения: находящиеся в Курганском округе Черемуховской волости одиннадцать участков земли; в Введенской волости Илецко-Иковская дача, купленная от наследников Мясниковых; в Ишимском округе Красноярской волости близ деревни Мельгиной удобной и неудобной земли в количестве восьми тысяч двести семнадцати десятин со всеми на них строениями и хозяйственным инвентарем; в городах: Кургане значащиеся по актам на пяти участках земли: на городском выгоне завод винокуренный со всеми на этой усадьбе домами, хозяйственными и прочими постройками; крупчатая мельница со всеми на усадьбе этой постройками; усадьба «Карнауховская», пивомедоваренный завод и усадьба «Папуловская» со всеми к ним жилыми, нежилыми и хозяйственными постройками; пивные подвалы, дома и службы при них, лавки каменные в Гостином дворе и особо; дома и службы в Курганском округе: в деревне Малочаусовой, в селе Лебяжьем, в селе Белозерском, в Шучьем и в деревне Прудо-Золотой; в городе Петропавловске: каменный двухэтажный дом с каменными складами, лавками и со всеми к ним относящимися надворными постройками, полукаменный двухэтажный дом с каменной лавкой, а также каменная лавка, находящаяся в гостином дворе; в городе Ишиме двухэтажный каменный дом с каменным складом, лавками и разными построй-

ками; дома и службы к ним относящиеся в городе Ялutorовске и в селе Куртамыше; в городе Тюмени дом деревянный с каменным погребом, лавками и надворными строениями, а также все принадлежащее мне благоприобретенное недвижимое имение и движимое имущество, где бы таковое ни находилось и в чем бы оно не заключалось, как в товарах, материалах, долгах, так равно в наличных деньгах или в процентных бумагах, помещенных в кассы, банки, на текущие счета, в залого по винной торговле. **2** - Одним словом, все то, что в день смерти моей будет мне принадлежать, ... завещаю в полную собственность жене моей Елизавете Федоровне Смолиной, урожденной Шишкиной, и родным детям моим Петру, Александру, Федору и Льву Дмитриевичам Смолиным в равных частях, с тем, чтобы цену всему имеющемуся остаться после меня имению, они, Смолины, объявили по совести при утверждении сего завещания к исполнению; причём моих наследников прошу не раздроблять по возможности завещанных мною именей и капитала, а определившиеся равные части, как жены, так и детей, сложить все вместе в один кампанейский капитал и образовать торговый дом или товарищество на законном основании под фирмою «Дмитрия Ивановича Смолина наследники», для управления делами которого избрать из своей среды дирекцию из наследников, или лиц, заслуживающих их доверия, под председательством пожизненно матери их Елизаветы Федоровны Смолиной, которой... поручаю для вящего предохранения от расстройств разного рода торговых моих предприятий в случае моей смерти заступит моё место для продолжения общей торговли впредь до образования торгового дома, для чего управлять и распорядиться всеми нашими делами выдавая от своего имени доверенности и другие необходимые для дела документы. **3** - В случае нежелания кого-либо из наследников участвовать в торговом доме, то он может получить причитающуюся ему часть выделом движимого и недвижимого имущества по назначению матери их и остальных наследников свободного согласия, получив таковую не вдруг, а в течение трех лет со дня объявления о сем, чтобы не причинять ущерба общему делу. **4** - В торговых делах моих находятся капиталы, значащиеся по книгам конторы: жены моей Елизаветы Федоровны, сыновей моих: Петра, Александра, Фёдора и Льва Дмитриевичей; кредиты за товары и вклады на сохранение, принятые от служащих и рабочих, капиталы эти должны быть возвращены по первому их требованию. **5** - В общей сумме капитала заключается тоже основанный мною под названием «Пенсионный капитал» в пятьдесят тысяч рублей для обеспечения престарелых служащих, мастеровых и рабочих, из которого и назначается лицам, прослужившим у меня двадцать лет, пожизненно выдавать пенсию согласно установленного

мною порядка. Тем лицам, которые прослужили у меня похвально от десяти лет, после моей смерти выдать одновременно годовой оклад жалования. До сего времени назначения и выдачи пособий служащим производились согласно моих предписаний, по смерти же моей выдавать с разрешения жены моей... и детей моих. Капитал этот должен находиться, как и до сего времени, впредь до прекращения дела в торговых оборотах, потери и пропажи сносить на счет «Запасного капитала», а с бедных мелких безвексельных неплатящих должников прошу моих наследников долгов не взыскивать, а простить им. 6 - В течение двух лет со дня моей смерти прошу выдать племяннику моему Ефиму Александровичу Несговорову 10000 руб., 10000 руб. племяннице моей Александре Александровне Несговоровой, и 5000 руб. их матери Елизавете Ивановне Несговоровой. Затем пожертвовать священно- церковнослужителям Троицкой церкви 3000 руб., Богородице- Рождественской церкви 2000 руб., также вновь строящейся в г. Кургане церкви во имя Св. Александра Невского 3000 руб., в курганский Николаевский детский приют 3000 руб., в курганскую Владимирскую богадельню 2000 руб., в курганскую женскую прогимназию 3000 руб.; в уездное училище, в два приходских городских училища, женскую школу и церковноприходскую школу, находящиеся также в городе Кургане, по 1000 руб., а всего 5000 руб.; на стипендии: мужскую в Тобольскую гимназию и женскую в Омскую гимназию по 5000 руб. на каждую. Назначение воспитанников на стипендию представляется, по рекомендации попечительных советов, моей жене..., а в случае смерти ее, моим наследникам. Постройку храма в г. Кургане во имя Св. Александра Невского, принятую мною на себя, с участием граждан, в случае, если на окончательную отделку и достройку его не будет достаточно сумм собранных, завещаю моим наследникам из сумм моего капитала, что будет недоставать, кроме уже выданных мною 30000 руб., пожертвовать, и означенную постройку по своему усмотрению довести до конца. 7- Завещаю моим наследникам стараться строго соблюдать отчетность в делах по заведенному мною порядку, воспреещаю заводить споры и тяжбы, а жить в любви и согласии и в полном послушании матери своей Елизаветы Федоровны, и тогда мир Божий пребудет между вами. Да благословит господь Бог моих наследников владеть, пользоваться и распоряжаться тем, что я милостью Божией от трудов своих завещаю» (19). Дмитрий Иванович Смолин скончался в 1902 г. и его прах был погребен за алтарем построенной им Александро- Невской церкви в Кургане (20).

Завещание Д.И.Смолина - уникальный памятник по истории зауральского купечества. Автор предстает перед нами как неординарная личность, носитель традиций своей эпохи, своего сословия, выдающийся

предприниматель и меценат, в сферу заботы которого входили не только материальные интересы семьи, но и общественная благотворительность, нужды рабочих и служащих. Завещание раскрывает не только масштабы финансовой империи купца, но и духовный облик предпринимателя (более 30000 руб. согласно завещанию шло на благотворительные пожертвования). Заслуживают внимания исследователей его распоряжения о способах и принципах ведения дел, отражающие огромный личный опыт, знания и умения оборотистого купца.

Методика изучения источников требует к ним критического подхода. Имея много положительных сторон, высокую информативную нагрузку, духовные крепости страдают и недостатками. Общая стоимость недвижимости, размеры оборотных капиталов купцов в самом содержании документов не всегда определялись. Но тому были свои причины. Любая названная в завещании сумма облагалась пошлиной (купцы Меньшиковы при засвидетельствовании завещания заплатили в казначейство 350 руб. 92 коп. сер., семья Смолиных- 14589 руб. 65 коп. сер.).

Духовное завещание является юридическим документом, содержание которого, при всем своем субъективном происхождении, обладает очень высокой степенью достоверности. Поэтому важнейшая задача исследователя- использовать сведения, полученные из них, наряду с материалами, извлеченными из целого комплекса разнородных исторических источников, обогащая и подтверждая информацию одних фактами, найденными в других.

Значение духовных завещаний как особого вида исторических источников очень велико. Анализ показывает, что они содержат ценную информацию по социально- экономической истории Южного Зуралья второй половины XIX в. С их помощью можно получить сведения о состояниях, накопленных в результате многолетней торговой деятельности купцов, составе купеческих семей, сферах деловых интересов купцов- предпринимателей, которые нередко выходили далеко за пределы нашего региона. Здесь со всей полнотой раскрывается и специфика семейно- имущественных отношений в купеческой среде, устанавливается преемственность капиталов. В ряде случаев завещание может служить ценнейшим источником по изучению социокультурного облика купеческого сословия, семейных и общественных ценностей купцов.

Примечания:

1. Миненко Н.А. *Очерки по источниковедению Сибири XVIII-первой половины XIX в.* Новосибирск, 1981. С. 67- 68.
2. Рабинович Г.Х. *Крупная буржуазия и монополистический*

- капитал в экономике Сибири конца XIX- начала XX вв. Томск, 1975. С. 28- 31.
3. Отечественная история: энциклопедия. Т.1. М., 1994.С.47.
 4. Рабинович Г.Х. Указ. соч. С.28- 29.
 5. Бурыйшкін П. Москва купеческая. М., 1991. С.95.
 6. ШФ ГАКО, Ф. 474, оп. 1, д. 1158, л. 14- 15.
 7. ГАКО, Ф. 236, оп. 1, д. 16, л. 8.
 8. Там же. Ф. 8, оп. 1, д. 5, л. 124.
 9. Там же. Ф. 236, оп. 1, д. 43, л. 7- 8.
 10. Там же. оп. 2, д. 116, л. 5- 6.
 11. Громько М.М. Социально- экономические аспекты изучения генеалогии непривилегированных сословий феодальной Сибири //История и генеалогия. М., 1977. С. 235.
 12. ГАКО, Ф. 236, оп. 2, д. 102, л. 10- 11.
 13. Рабинович Г.Х. Указ. соч. С. 31.
 14. Васильева А.М. Частная жизнь купца Федора Шишкина//Итоги и задачи регионального краеведения. Ч.1. Курган, 1997. С. 117- 118.
 15. Бойко В.П. Томское купечество конца XVIII- XIX вв. Томск, 1996. С. 118, 128; Обзор экономического и сельскохозяйственного состояния Курганского округа и г. Кургана Тобольской губернии. Курган, 1895. С. 51; Рабинович Г.Х. Указ. соч. С. 221.
 16. Обзор экономического и сельскохозяйственного состояния Курганского округа... С. 51- 53.
 17. Жиров А. Тарские купцы XIX- начала XX вв.//Тарская мозаика. Омск, 1994. С. 133- 134.
 18. Хрестоматия по истории Курганской области (досоветский период). Курган, 1995. С. 231.
 19. ГАКО, Ф. 288, оп. 1, д. 2, 41- 43.
 20. Емельянов Н.Ф. Город Курган. Курган, 1992. С. 32.

ФОРМЫ ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ

В 60 гг. XIX - НАЧАЛЕ XX вв.

Е.В. Турушев (КГУ)

В промышленном развитии Южного Зауралья в пореформенный период наблюдалось сочетание всех известных стадий производства: домашней промышленности, мелкотоварного производства, представленного ремеслом и кустарным производством, капиталистической мануфактуры и фабрики. Подобное сочетание было особенностью не только экономики Южного Зауралья, а так же Сибири и России в целом. Эта особенность российской экономики была отмечена еще В.И. Лениным в работе «Развитие капитализма в России». (1) Говорить же о подобной многоукладности в товарном производстве Южного Зауралья нам позволяют как отдельные труды, так и обобщающие работы по истории материального производства Южного Зауралья, Западной Сибири и Сибири. (2)

Наличие и сосуществование столь разных форм производства требует рассмотрения этих форм и их эволюции с учетом региональных особенностей материального производства.

1. МЕЛКОТОВАРНОЕ ПРОИЗВОДСТВО.

Мелкотоварное производство в Южном Зауралье было представлено ремеслом и кустарничеством, т. е. формами товарного производства, находившимися на до- мануфактурной стадии развития. Как-либо отличительных региональных особенностей у этих форм товарного производства в Южном Зауралье не было. Поэтому при их характеристике будут использованы некоторые аспекты общесибирского и общероссийского характера.

Начальной стадией товарного производства является домашняя промышленность, которая имеет своей целью непосредственное удовлетворение самого производителя, и заключается в переработке продуктов собственного хозяйства с помощью своих же семейных работников для своего же потребления (3). Исходя из этого определения, домашняя промышленность являлась составной частью сельской экономики Южного Зауралья.

В пореформенной России домашняя промышленность сохранилась только в самых захолустных местностях, к числу которых, как указывал В.И. Ленин, принадлежала «до самого последнего времени Сибирь»(4). Наличие домашней промышленности в Сибири и, в том числе, в Южном Зауралье, свидетельствует о натуральности крестьянского хозяйства. «Ремесла и промыслы сосредотачивались в немно-

гочисленных городах и примыкавших к ним сельских районах, а на всем остальном громадном пространстве сохранилось натуральное хозяйство с присущей ему домашней промышленностью. (5) Домашняя промышленность распространена у всего сельского населения Сибири и Южного Зауралья, и составляет принадлежность большинства хозяйств. Это обстоятельство объясняется экономическими факторами: слабостью развития товарно-денежных отношений, узостью местного рынка, отсутствием дорог, натуральным характером крестьянских хозяйств в таких условиях. Домашняя промышленность была распространена не только в отдаленных захолустных районах Сибири, но и являлась неперенным спутником крестьянской жизни повсеместно в чистых и переходных формах. (6)

Широкое распространение домашней промышленности объясняется также и неэкономическими факторами. После построения Транссибирской магистрали в Сибири в целом, и в Южном Зауралье в частности, экономика ускоренными темпами развивалась в русле капитализма: развивались товарно-денежные отношения, местный рынок стал связан с общероссийским, улучшилась система путей сообщения. В Сибирь хлынул поток фабричных товаров из Европейской России. Казалось, все эти обстоятельства приведут к исчезновению домашнего производства. Однако, домашняя промышленность на прекратила своего существования, а лишь сократилась. Этот факт, на наш взгляд, связан с тем, что домашнее производство удовлетворяло насущные потребности крестьян в сельскохозяйственном инвентаре, домашней утвари, простейшей одежде и обуви, то есть тем, что могло быть изготовлено без особых усилий и материальных затрат в свободное от обработки земли время (до 4 месяцев в году) и обеспечивало крестьянскую семью предметами первой необходимости.

Подобная «живучесть» домашней промышленности в Южном Зауралье объясняется так же региональными особенностями этой территории. Появление ремесла и кустарного производства, как более высших форм материального производства, многие исследователи (Е.И. Соловьева в частности) связывают с процессом расслоения крестьянства, когда крестьянин по тем или иным экономическим причинам рвал с землей и начинал заниматься неземледельческой деятельностью. В Южном Зауралье, как и в Сибири в целом, расслоение крестьянства было не таким масштабным, как в Европейской России. До 80-90-х гг. XIX в. крестьянство в Сибири было в целом однородно. И появление в сельской среде товаропроизводителя, лишенного возможности заниматься сельскохозяйственной деятельностью было маловероятным. Другой аспект широкого распространения домашнего производства в Южном Зауралье заключается в том, что почти до 80-

х гг. XIXв. земледелие было не настолько товарным, что позволяло крестьянину помимо сельского хозяйства заниматься другой деятельностью. И лишь с повышением товарности сельского хозяйства, аграрная деятельность вытесняла другие занятия из жизни крестьянина. Т.е. исчезновение домашней промышленности из экономики Южного Зауралья вплоть до начала XXв. не было обусловлено объективными причинами. Домашнее производство на протяжении почти всего рассматриваемого периода широко уживалось с земледелием.

Первой формой промышленности, отрываемой от земледелия, является ремесло.

Ремесло заключается в производстве продукта на заказ из своего сырья, либо из сырья заказчика, и лишь небольшая доля производимого продукта направляется на рынок. Оплата труда ремесленника происходит либо деньгами, либо натурой (предоставление помещения, содержание ремесленника, вознаграждение долей продукта и т. п.) (7). Характеризуя эту форму производства, В.И. Ленин отрицал его товарность, указывая на чрезвычайно слабую связь ремесленника с рынком. Продукт труда не появляется на рынке, а непосредственно переходит в руки потребителя. Товарное производство, по его мнению, возникает лишь тогда, когда ремесленник получает плату деньгами или продает полученную за работу долю продукта (8).

Ремесло уже к началу рассматриваемого периода имело в Южном Зауралье достаточно широкое распространение. В 1862г. в г. Кургане насчитывалось 177 ремесленников, из них: приготавливавших предметы пищи (булочки, мясники, кондитеры и др.) - 25 человек; изготавливавших предметы одежды (портные, сапожники, башмачники и др.) - 87 человек, причем, во всей Тобольской губернии насчитывалось 4 шпятика, 3 из которых жили в г. Кургане; приготавливавших предметы домохозяйства (каменщики, столяры, плотники, слесари и др.) - 44 человека. (9)

Однако ремесло в чистом виде (работа на заказ) сохранилось в рассматриваемый период, особенно после 80-х гг. XIXв., практически лишь в сельской местности Южного Зауралья. В городах ремесленное производство почти повсеместно уже переросло в мелко-товарное производство на рынок. Т.е. о ремесленной форме производства можно говорить в отношении крестьянской промышленности. Ремесленники работали на заказ либо для односельчан, либо для крестьян близлежащей округи. Подобное территориальное распределение ремесла было на наш взгляд, региональной особенностью Южного Зауралья. По мнению Копылова Д.И., ведущая роль в развитии ремесла в Западной Сибири принадлежала городу. В городах проживало более половины ремесленников. (10) Территориальное размеще-

ние ремесленников в Южном Зауралье отражено в следующей таблице (данные 1895г.).

Составлено по:

Е.И. Соловьева. Крестьянская промышленность Сибири во 2-й половине XIXв. Новосибирск, 1975. С.158; История Курганской области.Т.2. Курган, 1997. С.82, 88; Очерк состояния кустарной промышленности Пермской губернии. Пермь, 1896. С. 10.

Таким образом, в городах Южного Зауралья было сосредоточено в среднем, лишь 18,1% ремесленников от их общего числа. Следовательно, ведущая роль в развитии ремесла в Южном Зауралье принадлежала сельскому производству. Подобное обстоятельство объясняется тем, что ремесло имеется в широком распространении в тех районах, которые далеко удалены от промышленных центров и сами отличаются наименьшим развитием промышленности.(11)

Известный процент ремесленников, проживающих в сельской местности, окончательно рвал с землей и занимался исключительно ремеслом. Показательна в этом отношении Тебенякская волость Курганского округа, которая была центром кузнечного производства юга Сибири, и население которой практически не занималось земледелием. Однако, в большинстве своем, ремесло в южно-зауральских деревнях так и не отделилось от сельского хозяйства, ремесленник был по-прежнему крепко связан с землей.

Ремесло является первой формой материального производства, у которого можно проследить профессиональную специализацию. Если в домашнем производстве могло быть изготовлено все необходимое крестьянской семье, то ремесло, как более высокая стадия производства, имело профессиональную специализацию. На территории Южного Зауралья в течение рассматриваемого периода можно насчитать порядка 51 ремесленной специальности. В ремесленном производстве Южного Зауралья возможно также проследить и территориальную специализацию, основанную на близости сырья и наличии устойчивого спроса на готовую продукцию.

Рассмотрим территориальную специализацию на примере Курганского уезда конца XIXв. Изготовление телег, дровен, колес и полозьев было широко распространено в Иковской и Мендерской волостях; бондарное производство - в Иковской, Брылинской, Салтосарайской волостях; пимокатное и шерстобитное производство - в Иковской, Падеринской и Глядянской волостях (12). Подробный территориальный анализ специализации ремесленного производства в Курганском округе дан в «Истории Курганской области» (Т.2. С.88. Таблица 23).

Специалисты – ремесленники Южного Зауралья занимались выделкой и обработкой продуктов животноводства (кожевники, шубники, сапожники, шерстобиты, плотники); обработкой древесных материалов (бондари, столяры, плотники); обработкой металлов (кузнецы); обработкой ископаемых продуктов (стекольщики, кирпичники) (12).

Дальнейшее развитие ремесла ведет к появлению производства на рынок, для продажи. Один и тот же ремесленник работал на заказ, а в свободное от заказов время на продажу, на рынок. С течением времени производство на рынок растет и занимает высшее место в хозяйственном обороте мастера. Ремесленник превращается в товаропроизводителя, а промысел теряет характер ремесла и превращается в **кустарный**. (13) Под кустарным промыслом понимают, как правило, мелкую крестьянскую обрабатывающую промышленность на домашней стадии развития. (14) Главными отличительными признаками кустарной формы производства являются следующие: «Во-первых, это производство обрабатывающие; во-вторых, это производство не отрывает рабочих от их сельскохозяйственных занятий и поэтому располагается преимущественно в деревнях или в таких городах, где жители, занимаясь каким-нибудь обрабатывающим промыслом, имеют в своем распоряжении землю и обыкновенно сами занимаются хозяйством» (15). Исходя из этого, кустарное производство в Южном Зауралье развивалось преимущественно на базе товарного земледелия и скотоводства и было в большей части, составной частью сельской экономики этого региона.

По сути, кустарничество является лишь более высокой формой ремесла. И по уровню механизации труда, и по качеству выпускаемой продукции, и по ее объемам, и по характеру производства, они идентичны. Главное отличие между кустарем и ремесленником заключается в том, что ремесленник работает исключительно на заказ, и лишь отчасти на рынок, кустарь же в основном работает на рынок. Сбыт осуществляется или путем продажи товара кустарем непосредственно потребителю, или с участием скупщика, служащего посредником между обеими сторонами. С увеличением товарности производства растет роль скупщика. Сначала он является случайным поку-

пателем, потом наряду с потребителем становится постоянным участником торга, затем почти полностью оттесняет потребителя, пока, наконец, не становится единственным лицом, имеющим сношения с кустарем. С расширением производства (а в Южном Зауралье для этого имелось все необходимое - прежде всего наличие достаточно богатой сырьевой базы), с расширением района, на который работает кустарь (это обстоятельство так же имелось в развитии кустарничества в Южном Зауралье), с ростом расстояния, разделяющего производителя и потребителя, скупщик уже необходимость. Отсутствие кредита, оборотных средств у кустаря, нестабильность спроса и удаленность рынков сбыта, а так же наличие на ярмарках мощных группировок, состоящих из купцов, скупщиков и перекупщиков, торговых агентов, просто не допускавших крестьян до торговли, вели к чрезвычайно широкому распространению в Южном Зауралье скупничества. По сведению Прусса В.В. в конце XIX - начале XX в. половина кустарей Южного Зауралья (55%) работали на скупщика. (16) Особенно сильные позиции скупщиков были в пимокатном, сапожном, колесном и других промыслах, т. е. тех областях кустарного производства, которые позволяли формировать крупные партии однородного товара, пользующегося широким спросом. Скупщик не только отстранял кустаря от рынков сбыта, но и от рынков сырья: так, удаленность рынков сырья для пимокатной, сыромятной кожаной кустарной промышленности заставляла кустаря покупать сырье у скупщика, значительно переплачивая за него, либо при отсутствии средств, работать в долг на материале скупщика. В подобной форме зависимости находилась почти половина шадринских кустарей. Таким образом, в отношении производства кустарь хозяин, а не нанятый рабочий, ему принадлежат орудия труда, скупщику - материал. (17)

В основе развития кустарничества лежат процессы расслоения крестьянства, пауперизации некоторой части сельского населения, отделения материального производства от сельского хозяйства. Однако, несмотря на достаточно широкое распространение (в одном Курганском уезде в 1917 г. насчитывалось 13085 кустарей). Зауральский кустарь был по-прежнему крепко связан с землей. Так лишь 2,2% хозяев считали свой промысел единственным, 14% - главным, а подавляющее большинство - 83,8% - подсобным. Связь с земледелием, таким образом, была характернейшей чертой зауральского кустаря. (18) Подобная ситуация, на наш взгляд, объясняется следующим. Производственная деятельность крестьян служит прежде всего для поддержания их сельскохозяйственной деятельности. Промысел доставляет средства, необходимые для приобретения корма скоту или семян для посева, в случае неурожая, дает возможность обзавестись сельскохо-

зайственным инвентарем, отбросы некоторых производств иногда служит для удобрения полей или кормом скоту и т. п. Наконец,

деньги, полученные от производства, обеспечивают взнос податей и повинностей. (19) Сельскохозяйственная деятельность являлась также своего рода «страховкой» для кустаря, в любой момент при падении спроса на его продукцию он мог целиком посвятить себя земле.

О степени развитости кустарных промыслов невозможно говорить без определения меры их специализации, поскольку именно степень разделения труда позволяет оценить меру отделения промысла от земледелия и товарности кустарного хозяйства. Поскольку большинство кустарных предприятий были мелкими и мельчайшими, они носили семейный характер. Мастерская кустаря представляла собой семейную ассоциацию, т.е. функционировала на основе разделения труда внутрисемейной мастерской. Производство являлось в большей мере делом мужского населения. Так, мужчины составляли 68% рабочей силы в семейных хозяйствах.

Женщины и дети использовались в основном на подсобных работах, и использование их труда практиковалось так же достаточно широко: 28,1% и 3,9% соответственно. Детей приучали работать обычно очень рано, с 6-7 лет. Разделение труда чаще всего было архаичным, не связанным с профессиональным освоением той или иной специальности. (20) Тем не менее, в кустарном производстве в большей степени, чем в ремесленном, прослеживается территориальная специализация. Так в Шадринском уезде в 90-х гг. XIXв. преобладала группа промыслов, связанных с обработкой продуктов животного происхождения (пимокатный, овчинно-шубный, сапожный и др.), дававшая занятия 51% кустарей. Затем шла обработка растительных продуктов (кружевной, ткацкий) и деревообработка (22,5%) и минерального и ископаемого сырья (кузнечный, кирпичный и др.- 22,4%). В Курганском уезде были развиты деревообрабатывающий (изготовление телег, сундуков, бочек, деревянной посуды), железоделательный (сошники, ножи, топоры, косы, серпы), овчинно-шубный, пимокатный и др. промыслы. (21) Достаточное развитие имела профессиональная специализация, промыслы по обработке продуктов животного сырья в Южном Зауралье были разделены на 19 профессий (пимокаты, шерстобиты, кожевники, скорняки, сапожники, шубники, овчинники и т.д.). (22) Размеры кустарного предприятия, основанного на семейном труде, были невелики. В 1913г. в Шадринском уезде заведений с 1 работником насчитывалось 2666 (47,6%), с 2-3 – 2216 (39,0%), с 4-5 – 443 (7,2%), с 5 и более работниками – 310 (5,5%). Таким образом, 86% кустарных предприятий были мелкими, что отражалось в их функционировании: в большинстве производств был «глухой» сезон, в тече-

нии которого число заведений сокращалось, цены на рабочие руки падали, падало также качество изделий, изменялись формы сбыта и заготовки сырья. От этого выигрывали прежде всего крупные хозяева, имевшие возможность содержать большее число рабочих: рабочий период крупных кустарных предприятий составлял в среднем около 280 дней в году, в большинстве же случаев он был значительно меньше: в кирпичеделательном производстве – 1 месяц, в маслособойном – от 1 до 5 месяцев, в пимокатном – 4-10 месяцев, в мукомольном 2-10 месяцев, в кожевенном – до 12 месяцев. (23)

Размеры кустарного производства, его связь с земледелием, отсутствие у кустарей необходимых оборотных средств, отрицательно сказывались на уровне технической оснащённости производства, и как следствие – на качестве их изделий.

Качество изделий кустарей было невысоким не только из-за побочности промысла, отсутствия профессиональных навыков, низкой и не всегда доступной вследствие дороговизны техники, низкосортности сырья, но и благодаря всему строю экономических отношений, сложившихся в кустарном производстве. Отсутствие капиталов, работа на скупщика, занижавшего цену товара, попытка конкуренции с товарами фабричного производства путем удешевления собственных, особенности отношений крестьянина-кустаря к своему труду делали его труд малопродуктивным, а результаты – низкокачественными. Однако, главное требование, которое предъявлялось к изделиям кустарей – дешевизна, обеспечивало устойчивый сбыт производимых изделий.

В течение рассматриваемого периода в Южном Зауралье наблюдался рост кустарного производства. Если в 1872 г. в Шадринском уезде кустарных заведений насчитывалось 1222, то в 1913г. их число увеличилось до 5635, т. е. почти в 4,5 раза больше; в Курганском уезде число кустарных заведений увеличилось так же более чем в 4 раза и составило 9299. (24) Подобный рост был характерен и для Сибири в целом. За период 1865 – 1895 г.г. число мелких кустарных заведений увеличилось в 10,5 раз. (25) Аналогичный рост наблюдался и в России в целом и был отмечен В.И. Лениным в работе «Развитие капитализма в России». «В пореформенной России рост мелких промыслов, выражающий собой начальные шаги развития капитализма, проявлялся и проявляется двойко: во-первых, в переселении мелких промышленников и ремесленников из центральных, давно заселенных и в экономическом отношении наиболее развитых губерний на окраины; во-вторых, в образовании новых мелких промыслов и в расширении существовавших ранее промыслов в местном населении». (26) Т.е. рост мелких кустарных промыслов в Сибири и в Южном Зауралье прослеживался в двух направлениях. Одно было вызвано мас-

совым притоком производителей – крестьян, обладающих техническими знаниями, умениями и навыками. Среди новоселов в Южном Зауралье были шерстобиты, пимокаты, кожевники, столяры, бондари, плотники. (27) Это приводило к появлению новых хозяйств с кустарными промыслами. Например, в Ялуторовском округе по переписи 1894г. 42,5% переселенческих хозяйства занималось кустарными промыслами. (28) Так через мелкие кустарные промыслы, создаваемые переселенцами, утверждалось развитие капитализма на новых территориях, в чем сказывалось одно из проявлений развития капитализма вширь.

Второе направление в развитии крестьянской промышленности проявлялось в расширении уже существующих промыслов, образовании новых производств среди местного населения. На основе уже существующих в местном населении мелких кустарных промыслов под влиянием изменившихся условий шел процесс их специализации. Из старых, сложившихся центров ремесла, промыслы распространялись в окрестные деревни, однопромысловые села превращались в многопромысловые и т. д. (29)

Оба процесса развивались синхронно и в тесной взаимосвязи, поэтому отделить один от другого в исследовательских целях практически невозможно.

Таким образом, ремесло и кустарное производство в течение рассматриваемого периода являлись неотъемлемой частью южно-зауральской экономики, занимали свою экономическую и социальную нишу, занимаясь, в основном, переработкой сельскохозяйственной продукции.

2. МАНУФАКТУРА.

Следующей стадией товарного производства, представленной в Южном Зауралье, является мануфактура. По мнению многих исследователей, мануфактура была первой капиталистически развитой формой промышленного производства.

Мануфактура является «промежуточным звеном между ремеслом и мелким товарным производством с примитивными формами капитала и между крупной машинной индустрией (фабрикой).(30) С мелкими промыслами мануфактуру сближает то, что ее базисом остается применение ручного труда. С фабрикой мануфактуру сближает образование крупного рынка, крупных заведений с наемными рабочими, участие крупного капитала. (31) Среди признаков, отличающих мануфактуру от других стадий товарного производства в качестве основных можно выделить: увеличение числа рабочих, разделение труда, применение ручного труда. В мануфактуре получили свое развитие и закрепление многие элементы капиталистического способа производства, имевшие место в мелкой промышленности.

Главное отличие мануфактуры от мелкотоварного производства – разделение труда – внесло существенные изменения в технику производства, она стала более совершенной. Появились более усовершенствованные орудия труда, инструменты. В то же время, разделение труда привело к дроблению производственного процесса, а, следовательно, к появлению новых рабочих специальностей. Эта особенность мануфактурного производства была отмечена еще Марксом. (32) Ремесленник последовательно производит одну за одной, допустим, 20 операций, в подобном же производстве, но уже на мануфактурной стадии, работают одновременно 20 рабочих, выполняя каждый лишь одну из 20 операций. Подобная детализация труда приводит к тому, что рабочий, которого Маркс называет «детальным», на протяжении длительного времени выполняет одну и ту же операцию и поэтому затрачивает на нее меньше времени, чем ремесленник, совершающий попеременно целый ряд операций. Растет производительность труда, растет количество выпущенной продукции. Рассмотрим данное положение на практике. В 1865г. в Сибири 126 предприятий, относящихся к мануфактуре (10,9% от общего количества), произвели продукции на 4686 тыс. руб. (53,8% от общей суммы производства), тогда как мелкие заведения, которых насчитывалось 1028 (88,6%) произвели продукции на 2793 тыс. руб. (32%). (33)

Как производства с устойчивой экономической структурой, с большим объемом выпускаемой продукции, мануфактуры имели рынок сбыта, далеко выходящий за рамки их непосредственного размещения. Продукция южно-зауральских мануфактур потреблялась в следующих регионах: картофелепечочных производств – в Екатеринбурге; кожевенных предприятий – в Европейской России; салотопенных заведений – в Ирбите, Екатеринбурге, С.-Петербурге, Москве; масляных производств – в Европейской России, на Дальнем Востоке, значительная часть экспортировалась в Европу. (34)

Рассмотрение мануфактурного производства связано с определенными трудностями. Основная из них заключается в том, что единства в определении основных признаков мануфактурного производства (численность рабочих, объем производства и др.) в исторической литературе нет. В исследованиях сибирской промышленности второй половины XIX в. есть примеры определения мануфактурного производства. Е.И. Соловьева в кожевенной промышленности Тобольской губернии выделяет предприятия с 11 рабочими. (35) Д.И. Копылов относит к мануфактурам заведения с 8 и более рабочими. (36) Мы в данном исследовании примем определение Б.К. Андрющенко, который под мануфактурой понимал производство с числом рабочих 6-8 человек. (37) Другая трудность заключается в том, что, отмечая на-

личие мануфактурного производства в регионе, мы, однако, затрудняемся в выяснении масштабов ее распространения ввиду неустойчивости экономических ролей ее участников: владелец мануфактуры выступает порой как простой скупщик произведенной мелким кустарем продукции, а не как организатор ее производства; непосредственный производитель еще не отделился полностью от средств производства и обладал известной самостоятельностью в вопросах закупки сырья, производства и сбыта готовой продукции. (38)

Мануфактурное производство Южного Зауралья обладало в рассматриваемый период определенными региональными особенностями. В Европейской России мануфактурное производство приводит к окончательному разрыву работника с землей, работник мануфактуры стоит ближе к рабочему крупной машинной индустрии, чем к крестьянину. (39) В Южном Зауралье, как и в Западной Сибири в целом, мануфактурное производство не привело к окончательному разрыву промышленности и сельского хозяйства. Рабочие, занятые на такого рода предприятиях, за исключением тонкого слоя мастеровых, оставались по своей сути, теми же крестьянами, для которых заработок в промышленности еще не был единственным источником существования. (40)

Мануфактурные предприятия в Южном Зауралье были сосредоточены в основном в городах. Однако и в сельской местности встречались довольно крупные производства, которые и по числу занятых рабочих, и по объему производства, относились к мануфактуре. Например: паточное производство при с. Введенском Введенской волости Курганского округа, принадлежавшее кушцу И. Бакину (40 рабочих, производительность 10000 пудов паточки); крупчатная вальцовая мельница Курганского округа Введенской волости, принадлежавшая кушцу Ф. Березину (9 рабочих, 2220 пудов муки) и др. (41) Однако мануфактурное производство занимало в сельской экономике Южного Зауралья крайне малое место. Исходя из нашего определения мануфактуры (6-8 рабочих на одном производстве) в 1913г. в Шадринском уезде предприятий, которых можно отнести к мануфактурам, насчитывалось менее 5% от общего числа производств. (42)

В отличие от быстрого распространения мелкотоварных форм производства, мануфактурная промышленность не обнаружила в Южного Зауралье такого ускоренного роста. Расширение объема продукции, производимой мелкой промышленностью путем увеличения числа заведений, мануфактура компенсировала более крупными размерами предприятий, более продолжительной работой в течение года. Рассмотрим это положение на примере салотопенного производства. В 1884г. на 50 салотопенных заведениях Курганского уезда было занято 90 рабочих и произведено продукции на 4000 руб., то в

г. Кургане в 1895г. эта пропорция составляла: 5 производств, 25 рабочих и 52000 руб. (43). Кроме салотопенного производства, предприятия, находившиеся на мануфактурной стадии развития, были представлены в пимокатном, кожевенном, кирпичном, мукомольном и маслобойном производствах. (44)

В течение всего рассматриваемого периода мануфактура являлась господствующей формой производства в Сибири. (45) На мануфактурных предприятиях Сибири было занято 3540 рабочих (42,9% от общего числа 8240), на них было произведено продукции на 4686 тыс. руб. (53,8% от общей суммы производства 8715 тыс. руб. (46) По мнению некоторых исследователей (В.Г. Савельева и И.А. Андреевой), мануфактурное производство и в Южном Зауралье было определяющим. (47) Однако, даже в 1913г. в промышленном центре Южного Зауралья – г. Кургане, на мануфактурных предприятиях было занято 319 рабочих (55% от общего числа 563), на них было произведено продукции всего на 53800 руб. (15% от общей суммы производства 356543 руб.). (48) В целом в Южном Зауралье эти показатели были еще скромнее. Поэтому, характеризуя мануфактурное производство в рассматриваемом регионе, воздержимся от высказываний о главенстве этой формы производства. Отметим, что мануфактура, как стадия развития промышленности внесла достаточно большой вклад в экономическое развитие Южного Зауралья и выполнила свою историческую функцию, явилась базой для появления в регионе фабричного производства.

3. ФАБРИКА.

Следующей стадией товарного производства в рассматриваемый период является фабрично-заводская. Фабричную, машинную индустрию в литературе, прежде всего в марксистской, принято называть высшей степенью капитализма в промышленности. Подобное утверждение базируется на следующем положении. Появление фабричной индустрии привело к изменению не только производственного процесса, когда машина «ниспровергает векамижитое ручное искусство мастера, а за этим техническим переворотом неизбежно идет самая крутая ломка общественных отношений производства, окончательный раскол между различными группами участвующих в производстве лиц». (49)

Целью нашего исследования является прежде всего технический, производственный анализ различных форм производства, поэтому более подробно рассмотрим фабричное производство именно в этом аспекте.

Несмотря на существенные изменения в экономике России конца

XIX - начала XXв., вызванные появлением фабричного производства, единства в выявлении основных характерных особенностей этой стадии производства в исторической литературе нет. В исторических исследованиях советского периода было принято ленинское определение фабрики. В.И. Ленин в качестве основных выделил 2 признака этой формы производства: не менее 15 рабочих на одном предприятии, а при наличии парового двигателя и меньше. (50) Это определение надолго закрепилось в исторических исследованиях экономического развития различных территорий России. По мнению Б.К. Андрищенко, использование подобной методики в рассмотрении сибирской обрабатывающей промышленности, в контексте которой развивалась обрабатывающая промышленность Южного Зауралья, не представляется возможным. По его мнению, в Европейской России к 80-м гг. XIXв. уже произошел промышленный переворот и понятие «фабрично-заводской» в отношении промышленности отражало качественно новый уровень капиталистических отношений в производстве. В Сибири под этот критерий (не менее 15 рабочих на одном производстве) попадали и предприятия мануфактурного типа. (51) Т.е. этот критерий для характеристики сибирской фабрики, по его мнению, не пригоден. Однако, своего определения фабричного производства, с учетом сибирских особенностей, Б.К. Андрищенко не предлагает. И далее в своей работе он использует именно ленинское определение фабрики.

Действительно, определенная схожесть между мануфактурным и фабричным производством в Сибири существовала, и эту схожесть мы рассмотрим несколько позже. Но между мануфактурой и фабрикой, как стадиями товарного производства, существовала еще большая разница. Главный отличительный признак фабричного производства – не число рабочих, а использование машин в производственном процессе. Переход от мануфактуры к фабрике означал переворот в промышленном производстве. Его сущность заключается не в увеличении численности рабочих (этот фактор тоже является показательным и его нельзя отбрасывать), а в замене ручного труда машинным, вытеснении паровым двигателем всех других (водяных, ветряных и прочих). Наличие системы машин, заменивших ручной труд, и парового двигателя – вот основные признаки, характеризующие фабрику как экономическую форму машинной индустрии.

В связи с отсутствием как в экономической, так и в исторической литературе (за исключением марксистско-ленинской) детальных разработок основных отличительных критериев фабрики, как формы товарного производства, мы, в данной публикации, примем ленинское определение фабрики.

Появление фабрики (а точнее – машинного производства) стало возможным лишь на определенной стадии развития мануфактуры, когда разделение труда стало настолько детальным, что рабочий выполнял одну простую операцию. Детальное разделение труда позволило заменить машиной рабочего при выполнении этой простой операции. Суть производимой операции не изменилась, но ее выполняет уже не человек, а машина. Даже орудия, которыми работал мануфактурный рабочий, в измененной форме являлись частями машины, заменившей этого рабочего. (52). Схожесть мануфактуры и фабрики проявлялась и в других аспектах. Они являлись капиталистически развитыми формами промышленного производства. С другой стороны, мануфактуру с фабрикой сближало «образование крупного рынка, крупных заведений с наемными рабочими, крупного капитала». (53)

Общность многих форм проявления капиталистической мануфактуры и фабрики в конкретно-исторической действительности, отмеченная Лениным, дополнялась фактом сосуществования последних во времени и пространстве. Это было характерно для экономики менее развитых российских окраин, к которым относилось Южное Зауралье, на первых этапах становления капитализма. (54)

Несмотря на подобное сходство, мануфактура и фабрика, как уже отмечалось, существенно различались в техническом отношении и социальными последствиями своего функционирования. Фабричное производство вызвало к жизни появление нового слоя российского общества – фабричных рабочих. И если рабочие мануфактуры были еще как-то связаны с землей, то фабричные рабочие представляли собой особый слой населения, абсолютно чуждый крестьянству, отличающийся от него другим строем жизни, материальными и духовными ценностями. (55) Появление фабричных рабочих в Южном Зауралье относится к 80-х гг. XIX в., когда в г. Кургане, промышленном центре Южного Зауралья, начали появляться предприятия фабричного типа. Однако, рабочий класс, как социальная группа в общероссийском понимании, появился лишь с прохождением через Южное Зауралье Транссибирской магистрали, когда в 1894 г. в г. Кургане начали функционировать железнодорожное депо и мастерские. К тому же, железнодорожное депо на протяжении длительного времени самым крупным предприятием г. Кургана и Южного Зауралья в целом, на котором в 1901 работало 358 рабочих, а в 1907 г. уже 715. (56). И именно с прохождением через Южное Зауралье железнодорожной магистрали некоторые исследователи региона (Прусс В.В., Емельянов Н.Ф.) связывают появление в регионе рабочего класса. (57)

Появление в Южном Зауралье фабричного производства относится к 1865 г., когда в г. Кургане начал функционировать винокуренный

завод Ф.Ф. Шишкина, переданный в 1875г. во владение Д.И. Смолину, и больше известный по фамилии именно Смолина. (58). Столь раннее появление в аграрном регионе фабричной формы производства связано с тем, что винокурение в Сибири было первой отраслью производства, ставшей фабричной, промышленной. Для этого имелись все необходимые условия: обеспеченность сырьем, широкий спрос на продукцию и высокая доходность производства (не смотря на акцизные сборы, от которых в казну империи в 1903г. чистый доход поступил в размере 396,6 млн. руб.) (59). Именно винокуренная отрасль была первой отраслью фабричного производства, в которой сложился костяк профессиональных (квалифицированных) рабочих в лице машинистов паровых двигателей, слесарей, аппаратчиков, мастеров виноделия и т. д. (60)

С появлением и развитием фабричного производства резко обогнало его первенство в объемах производства. Так, в г. Кургане в 1895г. предприятия фабричного типа составляли лишь 6,6% от общего числа производств (4 из 61), а сумма произведенной ими продукции составила 79,9% (285000 р. от 356543 р.). (61)

В Сибири в целом это соотношение выглядело следующим образом: 0,8% фабрик (88 из 11132), сумма произведенной ими продукции 29,2% (5824 тыс. руб. от 19957 тыс. руб.). (62)

Фабричное производство Южного Зауралья развивалось в контексте фабричного производства Западной Сибири. Фабрика, как стадия развития товарного производства западно - сибирской обрабатывающей промышленности, в рассматриваемый период утвердилась в следующих отраслях: винокурение, мукомолье, маслоделие. Подобная специализация фабричного производства отмечена в работах Б.К. Андрющенко, Г.А. Бочановой, Г.Х. Рабиновича, В.А. Скубневского, в третьем томе «Истории Сибири». (63). Некоторые из этих исследователей (Б.К. Андрющенко, Г.А. Бочанова, Г.Х. Рабинович) выделяют так же в качестве «фабричных» металлообрабатывающую и пивоваренную отрасли производства. (64) Подобная фабричная отраслевая специализация с определенными региональными особенностями наблюдалась в рассматриваемый период и в Южном Зауралье. Исходя из нашего определения, в разряд фабричных производств в Южном Зауралье подпадают следующие отрасли: винокурение (винокуренный завод Д.И. Смолина, винный казенный склад, расположенные в г. Кургане, винокуренные заводы А.Ф. Поклевского-Козелл, Г.А. Ушакова и Г.А. Зикеева, расположенные в Шадринске); мукомолье (пять паровых мельниц купцов Смолиных, Дунаевых, Бакиновых, Сорокина, Меньщикова, расположенные в г. Кургане); пивоварение (пивоваренные заводы В.А. Гамшля и Д.И. Смолина); переработка мяса (колбасно-

консервный завод Товарищества склада-холодильника «Унион», колбасно-консервная фабрика «Брюль и Тегерсен», консервно-колбасный завод Сорокина и братьев Шелягиных, расположенные в г. Кургане); металлообработка (турбиностроительный завод С.А. Балакшина и жестяно-лудильный завод товарищества «Жесть») (данные 1909 г.).(65) Из приведенных данных видно, что большая часть южно-зауральских предприятий, находившихся на фабричной стадии производства занимались, переработкой сельскохозяйственной продукции и относились к винокуренной, мукомольной, мясоперерабатывающей и пивоваренной отраслям производства. Так же можно сделать вывод о том, что центром фабричного производства в Южном Зауралье в рассматриваемый период был г. Курган. Маслобойное производство, несмотря на широчайшее развитие в Южном Зауралье было сосредоточено в большинстве своем на кустарных предприятиях, и лишь небольшая их часть относилась к мануфактуре.

Немногие из перечисленных предприятий «выросли» из мануфактур (мукомольные мельницы купцов Смолиных). Большинство же предприятий возникали сразу на фабричном уровне и были основаны купцами на капиталы, сделанные в торгово-ростовщической сфере.(66) Из данного положения вытекают следующие выводы. Во-первых, фабричное производство в Южном Зауралье в рассматриваемый период развивалось ускоренными темпами, минуя мелкотоварную и мануфактурную стадии развития. Однако подобный темп не привел к повсеместному переходу от мануфактуры к фабрике. Большинство производств в регионе или оставалось на начальных этапах развития, или сразу возникало на фабричной стадии. Исключение составляет лишь мукомолье, которое в своем развитии на рассматриваемой территории прошло через все стадии развития – от мелкотоварных форм до фабричных. И, во-вторых, даже на высшей стадии развития производства, в южно-зауральской финансовой сфере все еще не произошло отделение промышленного капитала от торгового. Промышленная деятельность и в начале XXв. Сочеталась с торгово-ростовщическими операциями. Большинство зауральских заводчиков (Д.И. Смолин, Ф.С. Березин, И. и Д. Меньщиковы, А.Н. Балакшин и др.) оставались в первую очередь купцами, а уже потом – владельцами производств. (67)

Таким образом, в пореформенный период на территории Южного Зауралья наблюдалось сочетание всех известных форм товарного производства, от ремесла до фабрики. Широчайшее распространение в селах Южного Зауралья имела домашняя промышленность. Некоторые указанные стадии товарного производства имели определенные региональные особенности. Так, в отличие от других регионов Западной Сибири, центрами ремесленного производства в Юж-

ном Зауралье были села, тогда как в городах было сосредоточено лишь 18,1 % от общего числа ремесленников. Кустарное же производство, наоборот, в целом развивалось в общесибирском и общероссийском русле. Мануфактурное производство так же обладало определенными региональными особенностями. Если в Сибири в целом, мануфактурное производство в пореформенный период было определяющей формой производства, то в Южном Зауралье, оно, во-первых, не получило широкого распространения, во-вторых, вследствие этого, не являлось главенствующей формой товарного производства. Фабричное производство так же развивалось в Южном Зауралье достаточно своеобразно. Большинство фабричных производств появлялось в регионе именно как фабрика, минуя более низшие стадии развития товарного производства. Хотя, эта особенность являлась характерной и для Западной Сибири в целом.

Примечания:

1. Ленин В.И. П.С.С. Т. 3. С. 542-543.
2. Прусс В.В. Развитие капитализма в Южном Зауралье в конце XIX — начале XX вв. // Ученые записки КГПИ. Выпуск 2. Курган, 1959. С. 177, 178, 196, 197; Капитализм Зауралья в XIX — начале XX вв. // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Вып. 10. Курган, 1995. С. 13-14, 22-25, 59-60, 60-72; Савельев В. Г. О характере промышленных предприятий Курганского округа в середине XIX века. // Земля Курганская: прошлое и настоящее. Вып. 5. Курган, 1993. С. 29; Соловьева Е.И. Крестьянская промышленность Сибири во второй половине XIX века. Новосибирск, 1975. С. 194, 195, 196-197; Копылов Д.И. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири в XVIII — первой половине XIX века. Свердловск, 1973. С. 7, 35, 260-261; Андрющенко Б.К. Обрабатывающая промышленность Сибири во второй половине XIX века. В кн.: Промышленность и рабочие Сибири в период капитализма. С. 42; История Сибири. Т. 3. Л., 1968. С. 50.
3. Воронцов В.П. Очерки кустарной промышленности России. Спб., 1886. С. 44, 45
4. Ленин В.И. Указ. соч. С. 328.
5. Соловьева Е.И. Крестьянская промышленность Сибири в 60-90-е гг. XIX века. // Научные труды Новосибирского гос. пед. ин-та. Вып. 31. Новосибирск, 1969. С. 64.
6. Ленин В.И. Указ. соч. С. 329.
7. Там же. С. 330 — 331.
8. Памятная книжка Тобольской губернии на 1864 год. То-

- больск, 1864. С. 375, 382.
9. Копылов Д.И. Указ.соч. С. 19.
 10. Ленин В.И. Указ.соч. С. 330.
 11. Прусс В.В. Указ.соч. С. 186.
 12. Обзор экономического и сельскохозяйственного состояния Курганского округа и г.Кургана Тобольской губернии. Курган, 1895.С. 110 — 135.
 13. Копылов Д.И. Указ.соч. С.13; Соловьева Е.И. Указ.соч. С.66; Ленин В.И. Указ.соч. С.331.
 14. Соловьева Е.И. Указ.соч. С.3.
 15. Андреева Е. Кустарная промышленность в России. Спб., 1885. С. 29-30.
 16. Прусс В.В. Указ.соч. С. 198.
 17. Очерк кустарных промыслов Шадринского уезда Пермской губернии. Пермь, 1915.С. 5.
 18. Воронцов В.П. Указ.соч. С. 133-136.
 19. Очерк кустарных промыслов... С. 8.
 20. Андреева Е. Указ.соч. С. 38-39.
 21. Очерк кустарных промыслов... С. 14-15; Воронцов В.П. Указ.соч. С. 112; Копылов Д.И. Указ. соч. С.20.
 22. Скалзубов Н. Опыт обзора крестьянских промыслов. Тобольск, 1902. С. 88-98.
 23. Соловьева Е.И. Указ. соч. С. 160.
 24. Мелкие промышленные заведения Пермской губернии. Пермь, 1908. С. 24-119.
 25. Там же.
 26. Ленин В.И. Указ.соч. С.336.
 27. Андриющенко Б.К. Капиталистическая обрабатывающая промышленность Сибири и ее рабочие кадры. Диссертация на соискание ученой степени к.и.н. Томск, 1989. С.59
 28. Соловьева Е.И. Указ.соч. С.192; Сборник Пермского Земства. № 3- 4, 1892. Пермь, 1892. С.78; Пимокатный промысел в Шадринском уезде Пермской губернии. Санитарного врача Р.А.Егоровской. Спб., 1913.С.3.
 29. Соловьева Е.И. Указ.соч. С.193.
 30. Там же.
 31. Ленин В.И. Указ.соч. С.385.
 32. Маркс К. Капитал. Т.1. С.345.
 33. Андриющенко Б.К. Указ.соч. С.58.
 34. Васильева А.М. Забытый Курган. Курган, 1997. С.154,165-167; Крестьянство Сибири в эпоху капитализма. Новосибирск, 1983. С. 195.

35. Соловьева Е.И. Указ.соч. С.88.
36. Копылов Д.И. Развитие обрабатывающей промышленности в г.Тюмени в конце XVIII — первой половине XIX века.// Города Сибири. Новосибирск, 1974. С.119.
37. Андрющенко Б.К. Указ.соч. С.57.
38. История Курганской области. Т.2. Курган, 1997.С.145.
39. Ленин В.И. Указ соч. С. 542-544.
40. Андрющенко Б.К. Указ.соч. С. 160
41. Календарь Тобольской губернии на 1895 год. Тобольск, 1894. С. 11- 149.
42. Очерк кустарных промыслов... С. 1-3.
43. Памятная книжка Тобольской губернии на 1884 г. Тобольск, 1884. С. 143.; Календарь Тобольской губернии на 1895 год. С. 92.
44. История Курганской области. Т.2. С.14; Т.3. С.233-234; Крестьянский социализм в Зауралье при капитализме. Курган, 1994. С. 127, 128.
45. Андрющенко Б.К. Указ.соч. С. 59.
46. Там же.
47. Земля Курганская: прошлое и настоящее.Краеведческий сборник. Выпуск 5.Курган, 1993, С. 31; Выпуск 2. Курган, 1991. С.49.
48. Краткий обзор Курганского округа Уральской области в естественно-историческом, культурно-экономическом и административном отношении. Курган, 1925.С.212.
49. Ленин В.И. Указ.соч. С.455.
50. Ленин В.И. П.С.С. Т. 4. С.31.
51. Андрющенко Б.К. Указ.соч. С.53.
52. Маркс К. Указ.соч. С.379.
53. Ленин В.И. Указ.соч. С.385.
54. Андрющенко Б.К. Указ.соч. С.52.
55. Ленин В.И. Указ.соч. С.547.
56. История Курганской области. Т.3. Курган , 1998.С.239.
57. Емельянов Н.Ф. Город Курган. Курган, 1992. С.105; Прусс В.В. Указ.соч.С.200.
58. ГАКО, ф.236, оп.1, д.28. л.4.
59. Бочанова Г.А. Обрабатывающая промышленность Западной Сибири. Конец XIX — начало XX века. Новосибирск, 1978. С.161.
60. Там же, С.156.
61. Емельянов Н.Ф. Указ.соч. С.103.
62. Андрющенко Б.К. Указ.соч. С. 59.

- 63.** Андриященко Б.К. Указ.соч. С.57; Бочанова Г.А. *Обработывающая промышленность Западной Сибири и ее рабочие кадры в период империализма. Диссертация на соискание ученой степени к.и.н.* Новосибирск, 1975. С.104; Рабинович Г.Х. *Крупная буржуазия и монополистический капитал в экономике Сибири конца XIX — начала XX века. Диссертация...* Томск, 1975. С. 104; Скубневский В.А. *Рабочие обрабатывающей промышленности Сибири (90-е гг. XIX в. — февраль 1917 года). Диссертация...* Барнаул, 1991. Приложение 17, с.35; *История Сибири. Т.3. С. 189.*
- 64.** Там же.
- 65.** *Сибирский торгово-промышленный календарь на 1910 год.* Спб., 1909. С.121-124; *Адрес-календарь и справочная книга торгово-промышленных фирм г.Кургана и его уезда Тобольской губернии.* Курган, 1909. С. 100-101, 103,105, 108, 110-111; *Обзор Тобольской губернии за 1909 год.* Тобольск, 1909. С.14.
- 66.** Рабинович Г.Х. Указ.соч. С. 102.
- 67.** *Сибирский торгово-промышленный календарь на 1895 год.* Томск, 1895. С. 415-416.

СОДЕРЖАНИЕ

СТРАНИЦЫ ПРОЙДЕННОГО.....	4
СПИСОК НАУЧНЫХ РАБОТ ПУНДАНИ В.В.	10
С.Н. Шилов, О.Н. Кочуров ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИЙ ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ ПАМЯТНИКОВ МЕЗОЛИТИЧЕСКОГО ВРЕМЕНИ НА ТЕРРИТОРИИ ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ.....	22
А.Ю. Рудаков ТЮРКСКАЯ ТОПОНИМИКА ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ	32
М.Ф. Ершов АДМИНИСТРАТИВНАЯ СФЕРА В НАЧАЛЬНЫЙ ПЕРИОД РУССКОЙ КОЛОНИЗАЦИИ ЗАУРАЛЬЯ: ИСТОРИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ.....	37
В.Д. Пузанов СТРОИТЕЛЬСТВО ВООРУЖЕННЫХ СИЛ НА ЮГЕ ЗАУРАЛЬЯ (50-е гг. XVII — 20-е гг. XVIII вв.)	50
О.Н. Вилков НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ г. КУЗНЕЦКА В 1618 -1860 гг.	76
Г.Е. Корнилов, А.С. Приходько МЕНТАЛЬНОСТЬ: ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКИЙ ЭКСКУРС	97
Д.А. Кошкаров РЕЛИГИОЗНОЕ СОЗНАНИЕ РУССКОГО НАСЕЛЕНИЯ ЗАУРАЛЬЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XVIII- ПЕРВАЯ ПОЛОВИНА XIX ВЕКОВ).....	112
Т.С. Мамсик КУЛУНДИНСКИЙ МИЛЛИОНЕР СОРОКИН И ЕГО ЧИМЕЕВСКАЯ РОДНЯ	128
А.Г. Битюков ДУХОВНЫЕ ЗАВЕЩАНИЯ КАК ИСТОЧНИК ПО ИСТОРИИ КУПЕЧЕСТВА ЮЖНОГО ЗАУРАЛЬЯ (ВТОРАЯ ПОЛОВИНА XIX в.)	155
Е.В. Турушев ФОРМЫ ТОВАРНОГО ПРОИЗВОДСТВА В ЮЖНОМ ЗАУРАЛЬЕ В 60 гг. XIX - НАЧАЛЕ XX вв.	167
СОДЕРЖАНИЕ	187

ЗАУРАЛЬЕ В ПАНОРАМЕ ВЕКОВ

Межвузовский сборник научных трудов

Под редакцией
авторского коллектива

На обложке сборника использована репродукция с картины члена Союза художников России С.А. Кежова «Вначале было слово»

Оригинал-макет выполнен в полиграфическом центре КГУ

Лицензия ЛР № 020376 от 17.06.97 г.

Подписано в печать	Формат Усл.печ.л. 11,75	Бумага тип Уч.изд.л. 11,75
Заказ	Тираж 200 экз.	Цена свободная

Издательство Курганского государственного университета
640669, г. Курган, ул. Гоголя, 25
Курганский государственный университет

ИЗДАТЕЛЬСТВО КГУ
2-576-024